

Екатерина **ВИЛЬМОНТ**

У меня живет
жестиррафа

Annotation

У нее налаженная жизнь, любимый муж, собственное дело. Но после встречи с человеком, в которого Ия была влюблена еще школьницей, жизнь вдруг начинает преподносить ей сюрпризы, и зачастую неприятные, а порой даже страшные... И как быть со вспыхнувшей вновь любовью и горькими мыслями о том, что ты не пара этому человеку?

- [Екатерина Вильмонт](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Екатерина Вильмонт

У меня живет жирафа

© Вильмонт Е.Н., 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Часть первая

– Пап, смотри, смотри! – тянул его за руку сын. Посмотреть и в самом деле было на что – красавица антилопа-тунга кормила своего детеныша, он был не больше взрослой кошки, от силы месяца полтора-два.

– Пап, ты чего? Тебе не нравится? – теребил его сын.

– Ну что ты, как такая прелесть может не нравиться!

Санька бегал с места на место, выискивая лучший ракурс для съемки. К десятилетию дед подарил ему видеокамеру.

– Не суетись, встань вон там, – посоветовал Владислав Александрович. – Снимай спокойно, а я посижу, что-то нога сегодня ноет.

К дождю, наверное.

– Пап, ты устал?

– Да нисколько, просто посижу, пока ты снимаешь.

Он сел в тени на лавочку, благо они тут стояли на каждом шагу.

Как странно, он никогда не вспоминал ту девочку, младшую сестренку своей давней подруги. Когда он расстался с Алиной, той девочке было от силы лет тринадцать. Как же ее звали? Не помню, надо же... Он улыбнулся. А с какой стати мне ее помнить? Да и сейчас я вспомнил о ней, только увидав совсем близко от входа в Берлинский зоопарк семейство жирафов. Их детеныш, трогательный и прекрасный, сразу напомнил ему сестру Алины, как она когда-то напоминала ему такого вот жирафенка – по-подростковому нелепая, голенастая, с необыкновенно длинной шеей и огромными карими глазами с длиннющими густыми ресницами. Она дичилась его, громко и неестественно смеялась, а Алина утверждала, что девчонка к нему равнодушна. Как же все-таки ее звали? Убей бог, не помню. Интересно, какой она стала? Могла превратиться в красавицу, а могла и в уродину. А впрочем, бог с ней.

– Пап, пошли дальше!

– Пошли!

Эта прогулка с сыном доставляла ему невероятное удовольствие. Они не так уж часто видятся. После гибели Риты родители Влада забрали Саньку к себе, ему тогда было четыре года. Мальчик обожал деда с бабушкой, а Владислав Александрович частенько уезжал, и, бывало, надолго. И жил он отдельно, так постановила мама.

– Владя, ты взрослый мужчина, тебе необходимо отдельное пространство.

– Нет, ему надо жить со своим сыном, – возражал отец, – а баб водить может на это самое отдельное пространство. Ты вспомни, как мы когда-то жили, ни о каком, мать его, пространстве даже и не мечтали.

– И что в этом было хорошего? – вскидывалась мать. – Ты бы еще вспомнил, как рос в бараке...

– Ну и что? И, между прочим, вырос в приличного человека, не чета этим нынешним, – ворчал отец.

Но с Людмилой Васильевной спорить не имело смысла, и это знали все члены семьи.

И, кстати, покойная Рита обожала свекровь. «Твоя мама самый справедливый человек из всех, кого я знаю», – говорила она.

Нелепая смерть жены, талантливого детского хирурга, совершенно выбила его из колеи больше чем на год. Рита поехала навестить тетку, единственную свою родственницу, и погибла с нею вместе – на полигоне неподалеку взорвался склад боеприпасов, и домик тетки накрыло взрывной волной.

Как я мог отпустить ее, казнил он себя. Он не любил эту самую тетку, злую и склочную особу, но Рита настояла: у тетки юбилей – 60 лет, и кто ж ее поздравит, если не я?

Вот и поздравила... Фейерверк был тогда на всю область. Едва услышав эту новость, он стал звонить жене, но ответа не было, и он вдруг почувствовал, что никогда больше не услышит голоса жены, не увидит ее прелестной, чуть рассеянной улыбки... И сын будет расти без матери. В отличие от мамы жизнь оказалась чудовищно несправедлива.

Но сейчас, когда он выбрался с сыном на десять дней в Берлин, может, и не самое подходящее место для летнего времени, но у него здесь были еще и дела, Владислав Александрович вдруг ощутил, что жизнь продолжается, несмотря ни на что. А уж восторгу Саньки не было предела, хотя он не раз уже бывал за границей с бабкой и дедом – в Греции, Испании, Италии. Но там дед с безумным энтузиазмом таскал внука по музеям и историческим достопримечательностям.

– Пап, скажи, а в Берлине обязательно по музеям ходить? – осторожно спросил Санька еще в Домодедове и вытащил из рюкзака записку с перечислением всех мест, которые дед непременно велел им посетить. Владислав Александрович пробежал глазами записку, засмеялся, скомкал ее и стал озиаться в поисках урны, в которую можно было бы запустить этот бумажный шарик.

– Пап! – просиял Санька. – Круто! Но дед рассердится.

– Слушай, сын, у деда свои привычки и принципы, которых он любит

придерживаться в поездках, а у меня свои, для меня на отдыхе главное – не делать того, чего не хочется. Усек?

– Ага! – возликовал Санька.

– Значит, программа у нас такая – никакой программы. Будем ходить, куда захотим, но завтра с утра предлагаю пойти в зоопарк, кстати, от нашего отеля до него пять минут ходу. Устраивает?

– Ура! Пап, а у меня идея!

– Выкладывай!

– Я буду снимать на камеру фильм «Мы в Берлине».

– Пока не слишком оригинально.

– Ты не дослушал. Будем сниматься у входа в те музеи, куда дед велел сходить, а внутри ведь снимать все равно не разрешают? Правда же?

Владислав Александрович расхохотался:

– То есть предлагаешь снимать фуффло?

– Пап, ну это же для дедушки. И потом я все могу найти в Интернете... Разве не клевая идея, а, пап? – как-то сник Санька.

– Честно сказать, не очень.

– Да я все понимаю, – вздохнул Санька, – это вроде как обман выйдет...

– Ладно, сын, не парься, нет таких детей, которые хоть самую чуточку не ввали бы взрослым. И не будем мы снимать это фуффло. Я сам поговорю с папой. Наша задача – отдых и удовольствие! А в августе ты поедешь отдыхать с дедом, он тебя уж потаскает по музеям. Просто надо стараться вообще в жизни врать по возможности меньше.

– Пап, а ты тоже не любишь музеи?

– Честно? Не очень.

– Тебя в детстве дед замучил?

– Именно! – рассмеялся Владислав Александрович и щелкнул сына по носу.

– А ты, пап, больше бабушкин сын, чем дедушкин.

– Пожалуй, ты прав.

Они с Санькой друзья – и это главное.

И надо постараться сохранить эту дружбу. Парень растет, и искренняя дружба с отцом может уберечь его от многих ошибок надвигающейся юности. Он сам не был дружен со своим отцом.

– Проголодался? – спросил он сына.

– Нет, я так за завтраком налопался!

– И мороженого не хочешь?

– Нет. А ты что, голодный?

– Да нет, просто чего-нибудь вкусненького хочется. О, я знаю! Сейчас мы с тобой зайдём в КаДеВе и там наверху съедим одну штуку...

– А что такое КаДеВе?

– Очень шикарный магазин. Заодно посмотрим подарок для бабушки.

– Ох, да! У нее же день рождения скоро.

А какой подарок?

– Говорю же – посмотрим.

Санька приуныл. Ходить по магазинам он не любил. Но тут его осенила спасительная мысль.

– Пап, я знаю, что надо купить бабушке!

– Серьезно? И что же?

– Махровый халат! А то она говорит, он у нее доисторический.

– Санька, ты гений! – обрадовался Владислав Александрович.

– Только, пап, он должен быть легкий, а то в прошлом году ей подарили халат, а она его деду отдала, сказала, у нее нет сил носить такую тяжесть.

– Санька, да тебе цены нет!

Они долго и с удовольствием бродили по залу – ведь у них была ясная цель. Выбор был велик, но в результате они обнаружили то, что нужно – халат из тонкой шелковистой махры темно-лилового цвета. Санька ликовал:

– Какая красотища, папа!

– Бабушка в этом будет похожа на епископа!

– Почему?

– Видишь ли, католические епископы носят лиловые сутаны, а впрочем, бабушке всегда шел лиловый.

В дополнение к халату были куплены еще махровые шлепанцы и набор лиловых полотенец.

– Да, в наши с тобой чемоданы это не влезет, придется купить еще сумку, – со смехом констатировал Владислав Александрович. – А сейчас надо отнести все это в гостиницу.

– Ну и что? Тут же совсем недалеко.

– Нет, дружище, ты как хочешь, а я просто жажду сожрать огромную порцию клубники со взбитыми сливками. Я это заслужил!

– И я! И я! – закричал Санька.

Ия! Ее звали Ия, почему-то вдруг возликовал Владислав Александрович.

Они поднялись на последний этаж, где находился ресторан.

– Ну, какие будут пожелания?

– Ты же обещал клубнику со сливками!

- Заметано! Садись и сторожи бабушкину махру.
- Это был ресторан самообслуживания.
- А может, хочешь сперва чего-нибудь посущественнее?
- Нет! Хочу огромную порцию клубники!
- Правильно, сын!

Порции и в самом деле были громадные. Они уплетали клубнику со сливками, и им было так хорошо и весело!

Как я люблю его, как он похож на меня, у нас даже вкусы схожие. Господи, только бы с ним все было в порядке, только бы жизнь щадила его. Он ведь уже пережил настоящую трагедию, потерял мать... И мачехи у него не будет!

- Пап, а кто тебе из зверей больше всех понравился?
- Жирафик, – без тени сомнения ответил отец.
- Почему?
- Не знаю. Просто так...

– А мне ягуар, как он на солнышке грелся. И еще эти черные буйволици в воде, такие клевые!

Вот тут наши вкусы разошлись, с улыбкой подумал Владислав Александрович. А сколько ей лет сейчас? Если тогда ей было лет тринадцать – четырнадцать, то сейчас ей должно быть двадцать семь – двадцать восемь. И она, скорее всего, замужем, а может, даже многодетная мать... И ничем уже не напоминает прелестного жирафенка... Вот разве что шея осталась такая же длинная, а может, уже и жилистая, некрасивая. И чего мне далась эта Ия? Я и не вспоминал о ней с тех пор, как расстался с Алиной. Алина уехала за границу, кто-то говорил, она осела в Испании, возможно, и младшую сестренку пристроила замуж за какого-нибудь дона... Суареса или Хименеса... Хулио Хименеса... Сеньора Хулио Хименес... Ну и черт с ней!

Дни в Берлине были длинными и счастливыми для обоих. К вечеру они уже падали замертво. Они еще смотрелись в Дрезден. Владислав Александрович считал, что Сикстинскую мадонну надо видеть. Они целенаправленно пошли к ней, осмотрели еще один зал, где были собраны наиболее знаменитые полотна галереи, и ушли.

– Пап, а здорово, – сказал Санька. – Так можно в музеи ходить. И уж точно не забудешь... Каша в голове не образуется. Эх, хорошо с тобой...

– Санька, милый ты мой...

– Да нет, пап, я все понимаю, ты часто уезжаешь. И потом в Москве с дедом нет проблем.

- А в Москве он тебя не таскает по достопримечательностям?
 - Редко. Он же работает, устает. Но я тебе по секрету скажу...
 - Да?
 - Мне больше всего не Мадонна понравилась, а этот... в шапочке, с длинными волосами...
 - «Мальчик» Пинтуриккио.
 - Вот-вот. У него такие глаза... Но это не надо никому говорить, да?
 - Почему?
 - Ну, вроде надо Мадонной восхищаться?
 - Нет, сын, восхищаться надо только тем, что тебя восхищает. Вон почти весь мир восхищается «Джокондой», а я смотрю и, как говорят теперь, не догоняю. Вполне возможно, что я остолоп и ни черта не смыслю в живописи, но что делать? Ну не притворяться же...
 - Пап, а можно спросить совсем про другое?
 - Валяй!
 - Ты почему не женишься?
 - Вот те раз!
 - Нет, правда?
 - А ты хочешь, чтобы я женился?
 - Я? Нет. Бабушка хочет.
 - Бабушка хочет, а я не хочу.
 - Почему? Ты еще маму не забыл?
 - А я никогда ее не забуду, даже если вдруг когда-нибудь женюсь. А пока не хочу. Исчерпывающий ответ?
 - Ага! Но бабушка говорит, у тебя бывают какие-то тетки...
 - Ну, милый ты мой, не на всех тетках надо жениться.
 - Значит, правда бывают?
 - Бывают.
 - И они все плохие?
 - Да почему? В основном вполне себе хорошие, а впрочем, разные. А вообще, к чему этот разговор?
 - Просто... по-мужски... С дедом про это не поговоришь.
 - А, ну если по-мужски... Есть еще вопросы?
 - Пока нет.
- Сын смотрел на него с такой любовью, что у Владислава Александровича запершило в горле.
- Знаешь, Санька, самое главное, чтобы ты всегда мог прийти ко мне со своими мужскими вопросами. Мы ведь не только отец и сын, мы еще и друзья?

Мальчик просиял.

– Да, пап, ты мой самый лучший друг! Даже лучше Ленки.

– О, это большая честь! – засмеялся Владислав Александрович.

– Пап, а я есть хочу!

– Я тоже. Есть какие-нибудь пожелания?

– Ага! Я хочу такую сосиску, как мы вчера ели!

– Губа не дура! Надеюсь, на вокзале нам это удастся. А нет, перехватим что-нибудь, и уже в Берлине точно поедем.

Но на вокзале им удалось осуществить это скромное желание.

– Пап, а как эти сосиски называются?

– Боквурст.

– В жизни ничего вкуснее не ел. И булочка такая, и горчица... И потом на улице, руками, такой кайф. Бабушка с дедом не позволили бы, а уж если бы увидели, что мы это колой запиваем...

– Это точно, нам бы обоим не поздоровилось! – засмеялся Владислав Александрович.

– Пап, а я, кажется, понял, почему ты никогда не едешь с нами отдыхать.

– Ну-ка, интересно!

– Потому что тебе неохота подчиняться родителям, да? А показывать плохой пример при мне нехорошо?

Владислав Александрович фыркнул, потрепал сына по голове.

– Как приятно сознавать, что у тебя умный сын, – он подмигнул Саньке, и оба расхохотались.

В Москве Владислав Александрович отвез сына к родителям. Санька захлебывался от восторга.

– Владя, – отвела его в сторону мать, – тебя тут искала Алина.

– Алина? Какая Алина?

– Что значит – какая? Твоя бывшая.

– Господи, откуда она взялась?

– Ну, я не знаю, она сказала, что ты ей зачем-то нужен.

– Интересно, зачем?

– О, это твои дела! Но я дала ей твой домашний телефон.

– Ладно, мамочка, дала и дала.

– Ох, она красивая была, точь-в-точь Лоллобриджида.

– С тех пор прошло столько лет...

Как странно, подумал он, садясь в такси. Зачем я ей вдруг

понадобился? И именно теперь, когда я вспомнил эту ее сестричку-жирафенка? А впрочем, сейчас не до баб. Столько дел скопилось...

Поздно вечером, возвращаясь в свою холостяцкую квартиру, Владислав Александрович подумал: а я уже скучаю по Саньке. За десять дней в Берлине так к нему привык, с ним хорошо, он так умеет слушать... Редкое качество в наши дни. И вообще, отличный парень растет.

Первым делом надо принять душ. Но тут зазвонил телефон.

– Алло!

– Влад? – раздался звонкий женский голос. – Привет, не узнал?

– Ну почему же! Привет, Алина! Зачем я вдруг тебе понадобился, скажи на милость?

– О, какой лед в голосе, какое отчуждение! Неужели ты до сих пор на меня обижен?

– Да боже упаси! Наоборот, я тебе благодарен. И все-таки, зачем я тебе понадобился?

– Да ни за чем, Владик, просто вспомнилось... У нас было много хорошего. И ужасно захотелось повидать тебя, посмотреть, каким ты стал. Видно, я старею, ностальгия замучила, приехала на месяц в Москву, решила тут отметить свой день рождения и тебя пригласить...

– Ах да, у тебя же десятого день рождения.

– Надо же, ты помнишь. Я тронута. Так придешь?

– Куда?

– Ну, в ресторан, конечно.

– И много народу будет?

– Человек пятнадцать. Из тех, кого ты знаешь, будут только Натаха и Ийка.

– Ийка? Ах да, она же уже совсем взрослая... – почему-то громко забило сердце.

– Взрослая замужняя дама. Когда-то она была к тебе равнодушна.

– А ваши родители?

– Папа умер в позапрошлом году. А мама живет у меня в Испании и не хочет ехать в Москву. Ну, ты придешь?

– Приду, – вдруг решил он. – А твой муж?

– Ну, он, разумеется, тоже будет. Познакомишься. Да, кстати, я знаю, что ты вдовец... Но если есть дама сердца, буду рада видеть тебя с ней.

– Нет уж, ей это будет неинтересно.

– А что, она малолетка?

– Отнюдь. Но не любит незнакомых компаний.

- Ох, Владька, какой ты молодец, что согласился!
- Только скажи, что тебе подарить, а то это всегда такая проблема...
- Ну, я не знаю, что-нибудь сам придумай, у тебя же всегда был безупречный вкус.
- Ну, тогда пеняй на себя, – засмеялся он.
- Договорились.

Как все странно, думал он, стоя под душем. Ийка, прелестный жирафенок, замужняя дама... Сеньора Хулио Хименес? Вот и поглядим.

И чего я так разволновался? Я не вспоминал об этой девчонке с тех пор, как мы расстались с Алиной, а тут этот берлинский жирафенок и буквально через неделю звонок Алины... Это неспроста. Он верил в такие знаки судьбы.

А может, никакой это не знак судьбы, а элементарное совпадение, и прелестный жирафенок превратился во вполне неинтересную тетку? Вот и поглядим.

...Яблочные блинчики удались на славу. Ия присыпала их сахарной пудрой и корицей. Включила кофеварку.

– Ром, завтрак готов!

– Иду!

Муж явился на кухню уже одетый, свежесбрившийся. Ия, как обычно, залюбовалась им.

И поставила перед ним рюмку с яйцом всмятку. Он одним невероятно изящным движением снес ножом верхушку яйца...

– Ох, Ромка, как ты это делаешь, научи меня!

– Солнышко, тут нужны годы тренировок! – засмеялся муж. – О, мои любимые блинчики! А какие планы на вечер?

– Ромка, ну сегодня же день рождения Алины.

– Ох, совсем забыл. А ты знаешь, я ведь опоздаю.

– Ром!

– Ну что поделывать, работа. Надеюсь, Алина меня простит. Будет много народу?

– Не очень. Но ты обязательно купи цветы.

– Ох, еще и это... А подарок?

– Подарок я купила.

– Ладно, ну все, я побежал. Все было жутко вкусно.

Не понимаю, с чего вдруг Алине вздумалось праздновать день рождения в Москве, без мамы? Собирать старых знакомых... Впрочем, Алина ничего не делает просто так, значит, есть у нее какие-то

соображения. Прибравшись на кухне, она привела себя в порядок и отправилась на работу. К счастью, ее салон находился на соседней улице. Ия была владелицей салона свадебных и вечерних платьев. Она всегда любила шить, живя в Испании, окончила специальное училище и сначала, вернувшись в Москву, работала у знаменитого модельера, а потом сумела открыть собственное дело. И за два года ее салон приобрел известность. Ее платья были нестандартными, как правило, яркими, даже экзотичными. Хотя иной раз и приходилось делать «торты со взбитыми сливками», как она называла столь популярные в Москве пышные белые наряды. Но это Ия не любила. К сегодняшнему вечеру она придумала себе изысканное платье из коричневого и бежевого шифона. Недлинное, достаточно скромное. Но уж точно второго такого платья в Москве нет. И вообще... У меня все хорошо, так хорошо, что даже немножко страшно. Любимый муж, собственное дело. С ребенком они решили повременить, чтобы уж как следует встать на ноги. Есть, конечно, мелкие неприятности в бизнесе, но у кого их нет? Часто меняются швеи, настоящих мастериц мало, таких как Гуля, девушка из Киргизии, которая умеет строчить с какой-то поистине космической скоростью, да еще так аккуратно, что только диву даешься... А Люда оказалась совершенно косорукой и пришлось ее уволить.

Сегодня в салон явилась девушка с матерью, хорошенькая, изящная. Осмотрев выставленные готовые платья, мамаша спросила:

– А что, это разве не салон свадебных платьев?

– Салон. Свадебных платьев, – ответила приемщица Аня.

– Чего-то я не пойму...

– Не волнуйтесь, – вмешалась Ия, – вы хотите традиционное белое платье?

– Ну да, зачем нам эта пестрядь!

– Вы присядьте и посмотрите журналы, мы выберем ткань и сошьем то, что вы захотите.

– Мам, я вот это хочу! – девушка буквально вцепилась в длинное узкое платье цвета «пепел розы».

– Да ты что! Тут и смотреть-то не на что!

– Мам, мне оно так нравится. Можно я его примерю? – обратилась она к Ие.

– У вас отличный вкус, платье как будто специально для вас, – улыбнулась Ия. – Пойдемте в примерочную, а ваша мама пока выпьет кофе или чаю.

Аня принесла сердитой мамаше кофе и вазочку с дивным печеньем, которое их салон специально заказывал в кондитерской неподалеку.

– Ох, какая красота! – простонала девушка. – Это то, о чем я мечтала... Мне ваш салон подруга порекомендовала, но я боюсь, мама не поймет... А я видеть не могу эти кремовые торты...

– Да, оно как будто специально вас дожидалось. Только вот тут надо переколоть... Вот теперь идеально.

– А какие сюда туфли нужны?

– А когда у вас свадьба?

– Через месяц.

– Тогда можно будет заказать туфли точно в цвет.

– Нет, правда?

– Конечно.

– Потрясающе... Правда, мне идет?

– На мой взгляд, оно создано для вас. Но пойдите, покажитесь маме. Только знаете что, волосы надо чуть-чуть приподнять. Вот так. – Ия достала из комодика несколько шпилек. – Все. Идите.

Они вышли из примерочной.

Мамаша с таким упоением поедала печенье, что не сразу и заметила их.

– Мама!

– Ух ты! А что... Тебе идет... Только оно не свадебное какое-то...

– Мама, оно такое красивое...

– А фата?

– Мама, я не хочу фату, я тебе уже сто раз говорила! И потом, это ж платье не на один раз, в нем куда хочешь можно пойти...

– Ага, и все будут говорить...

– Мама, мне плевать, кто что будет говорить.

– А мне нет.

– Мама, я хочу это платье и никакое другое.

– Да ну, оно бедненькое какое-то... и без фаты...

У девушки по щекам потекли слезы.

– Минутку, – воскликнула Ия.

Вскоре она вернулась, неся кусок нежнейшей серебристой ткани. Накинула эту ткань на голову девушки, заколдowała еще, и вот уже голову невесты окутывало нежнейшее серебристое облако, а концы этого то ли шарфа, то ли капюшона она приколола к плечу брошью-цветком из почти белого йеменского серебра.

– Обалдеть! – всплеснула руками мамаша.

А девушка и впрямь обалдела от восторга.

Ия и сама была страшно довольна. Платье, ничего не потеряв,

приобрело совсем новое звучание.

– Ну, вы даете! И впрямь художественно... И уж точно ни у кого такого не будет... И вроде фата...

Приемщица Аня все причитала:

– Нет, это надо же... Нет, это надо же...

– Мама, мы это берем!

– А сколько это стоит?

– Сейчас все посчитаем, Анюта, посчитай!

Анюта посчитала.

– Да, недешево.

– Мама, без этого платья я замуж не пойду!

– Да ладно, дорого, но не дороже денег, как говорится.

– А шарф и брошку вы сможете носить с какими-то еще вещами.

Предположим, заколете шарф на черном платье, будет совершенно иная картина.

– Да ладно, мы берем!

– Вот и отлично. Только придется полчаса подождать, пока там один шов застрочат.

– Ой, а туфли? – вспомнила девушка.

– А что туфли? – спросила мать.

– Да вот, говорят, можно заказать туфли точно в тон платья...

– Хорошо, что у меня только одна дочь, а то вконец разоришься, – добродушно засмеялась мамаша. – Давайте уж и туфли до кучи.

– Сейчас отправим заказ, и через две недели туфли будут готовы.

Когда покупательницы ушли, Аня сказала:

– Надо же, я думала мамаша удавится, по виду такая жлобиха...

– Просто у нее одна дочка и она ее до смерти любит, – улыбнулась Ия.

День начался удачно.

Обычно по городу, к великому негодованию мужа, Ия ездила на скутере.

– Как ты не понимаешь, это опасно и к тому же несолидно.

– А мне плевать. Мне удобно и хорошо.

– А как на это смотрят твои клиенты? Тебе нужна какая-нибудь статусная машина...

– Ненавижу статусные машины! К тому же до работы я хожу пешком. И на скутер сажусь не так уж часто, но...

– Пойми, чудачка, я за тебя боюсь.

– А я езжу очень аккуратно, ты же знаешь.

Переспорить Ию было не так-то просто.

И в конце концов Роман махнул рукой. Но сегодня в шифоновом платье на скутере не поедешь, и Ия заказала такси. Ресторан находился в центре, в небольшом садике. Стол был накрыт на свежем воздухе под навесом.

Алина, в изысканном платье цвета спелой вишни, встречала гостей.

– О, Владя! Какой ты стал!

– А ты сейчас еще красивее...

– Онегин, я тогда моложе и лучше, кажется, была, – засмеялась она.

– Чепуха! Ты сейчас в самом расцвете и еще приобрела европейский лоск!

– Ты всегда умел говорить комплименты.

А ты поседел, но тебе это идет...

– А где же твой муж?

Что-то промелькнуло в ее глазах.

– Мы поссорились.

– Надеюсь, это несерьезно?

– Боюсь, наоборот. Но настроение мне это не испортило. Владя, я страшно рада тебя видеть.

Она подвела его к столу, где уже сидели несколько человек.

– Друзья, познакомьтесь, это друг моей юности, Владислав Александрович Голубев.

Он обвел взглядом стол, но никого похожего на Ию не увидел.

– А где же твоя сестра?

– Будет, она на такси попала в пробку.

Тут явился еще кто-то, а к Владиславу Александровичу подошла эффектная блондинка.

– Простите, вы тот Голубев, который...

– Который что? – улыбнулся он.

– Журналист?

– Совершенно верно!

– О, я читала ваши статьи об истории европейских разведок, потрясающе интересно!

– Спасибо.

– Но я не просто так подошла к вам, чтобы сделать комплимент. Дело в том, что я продюсер одного нового телеканала и хочу сделать цикл программ на эту тему.

– По-моему, таких программ чертова уйма.

– Меня не устраивает их уровень. Дело в том, что мои дед и бабка

были разведчиками, и довольно успешными, так что я кое-что об этом знаю.

– Простите, а как фамилия ваших родственников? – страшно заинтересовался Владислав Александрович.

– Поляк.

– Анна и Дмитрий Поляк?

– Да.

– Как интересно! Извините, но вы не назвали себя?

– Ох, верно! Я Нина Бронникова.

– Очень приятно.

– Так вот, Владислав Александрович...

– Можно просто Влад.

– Отлично! Я хотела бы вам предложить сделать программу так, как только вы умеете...

– Но я сроду не делал телепрограмм.

– Но ваши статьи и книги лучше любого бестселлера. И я хочу, чтобы это был просто ваш рассказ, без обычного для подобных программ привлечения экспертов, из которых уже труха сыплется, без безвкусных реконструкций.

– Просто говорящая голова? – удивился он.

– Да! Только кадры кинохроники и ваш рассказ. Как вам такая идея?

– Ну, в принципе, это интересно, но... я не уверен, что у меня получится держать аудиторию...

– А мы сделаем пилотную программу и поглядим. Я подберу вам замечательную команду. У вас есть харизма, у вас красивый голос... И я бы хотела начать с... А впрочем, вы сами подумайте, с чего начать. Конечно, лучше бы какие-то истории еще не очень растиражированные... Не Филби, не Абель...

– Понимаю. Я подумаю, Нина.

– Только не очень долго, ладно? Вот моя визитка и самое большее через неделю я жду вашего звонка. С любым ответом. Не выношу неопределенности.

– Разумеется.

Они сели рядом, продолжая волнующий обоих разговор. Уж не по просьбе ли этой Нины Алина меня пригласила? Если так, спасибо ей. Предложение здорово интересное. Он совершенно забыл об Ие. Гости еще не все собрались.

– О, а вот и моя сестра! – воскликнула Алина.

Он вздрогнул. Рядом с Алиной стояла молодая женщина такой

прелести, что он ахнул. Какой там жирафенок! Высокая, тоненькая, с лебединой, а отнюдь не жирафьей шеей, нежная, смуглая, с глазами вполлица...

– Хороша, правда? – спросила Нина, о которой он забыл.

– О да, я помню ее неуклюжим подростком...

У него вдруг запотели очки. Он снял их. Перед глазами все плыло.

– Ийка, узнаешь моего Влада? Он тебе когда-то нравился!

Он содрогнулся от бестактности этой фразы.

И у Ии все внутри оборвалось. Я забыла о нем... И главное, я забыла, что у него такие голубые глаза... И он почти совсем седой... Зачем это? Я не хочу... Сколько слез я пролила из-за него, глупых детских слез... Странно, я всегда забывала, какие у него глаза, и только когда он снимал очки...

Владислав Александрович встал и шагнул к сестрам.

– Боже мой, Ия! – воскликнул он. – Сколько лет, сколько зим! Совсем взрослая и удивительно красивая... Даже не знаю, смею ли я говорить вам «ты», как когда-то?

Она протянула ему руку.

– Здравствуйте, Влад, конечно, говорите мне «ты», мне приятно...

Он прикоснулся губами к ее руке.

– Ийка, а где Роман? – спросила Алина.

– Он предупредил, что опоздает, и цветы он обещал купить.

Какая-то женщина буквально налетела на Ию, заключила ее в объятия и оттерла от него. Он вернулся на свое место рядом с Ниной.

– Что, Влад, хороша?

– Да. Я ее девчонкой помню, достаточно неуклюжей.

– Гадким утенком?

– Да нет, скорее прелестным жирафенком.

– Но сейчас в ней ничего нет от жирафа.

– Да уж, – засмеялся он, чувствуя, что пропал.

– Так что, Влад, вернемся к нашим баранам?

– Да-да, разумеется. Скажите, Нина, а чем Ия занимается? Я так давно не общался с ними, что...

– Ийка? У нее салон свадебных и вечерних платьев, довольно популярный в Москве. Она изумительно шьет. Обожает своего мужа, он бывший летчик, красивый парень, сейчас работает в «Аэрофлоте» каким-то чиновником.

– А сколько же ему лет?

– О, молодой, года тридцать три, его списали по здоровью. Хотя на вид

он здоров как бык. Но там что-то с легкими, что ли...

– О, информация исчерпывающая! – улыбнулся он.

– Друзья мои, садимся за стол, семеро одного не ждут, а нас вдвое больше, четырнадцать, пятнадцатого не ждем, Ийка, уж не сердись... – весело проговорила Алина.

– Да нет, что ты... Тем более он предупредил, что опоздает.

Ия оказалась за столом почти напротив Владислава Александровича. Он заметил, что она старается на него не смотреть, а сам с трудом отрывал от нее замороженный взгляд. Алина села рядом с ним.

– Владька, не мылься, она замужем, они друг друга обожают, и тебе там делать нечего.

– Алина, побойся бога, просто я удивлен и восхищен этим преображением... Да и староват я для таких девушек.

– Ну, положим, по нынешним временам ты еще о-го-го, но это для меня, а для Ийки и впрямь староват.

На языке вертелась злая и хамская фраза – это ты, голубушка, по нынешним временам для меня старовата, но, разумеется, он промолчал.

Господи, зачем он так на меня сморит? У меня от его взгляда мурашки бегут... Он стал еще лучше, ему так идет эта седина... И эти очки ему тоже идут. Раньше у него были очки в тяжелой оправе, а сейчас совсем другие, вообще без оправы, они удивительно, просто невероятно ему идут... И эти горькие складки у губ, раньше их не было... Говорили, у него жена погибла... Но это было давно. Интересно, он с тех пор так и не женился? Но мне-то что за дело? Господи, скорей бы Ромка пришел! А он смотрит на меня именно так, как смотрел когда-то на Алинку. А я мечтала, чтобы он хоть разочек так на меня взглянул... Но теперь мне этого не надо... Это совершенно ни к чему.

...Но тут наконец явился Роман с букетом роскошных роз. Извинился перед присутствующими и сел рядом с женой. Что-то шепнул ей на ухо, она нежно улыбнулась. Влад видел, что она почувствовала себя куда увереннее. Красивый малый, этот ее муж. И вправду с виду вполне здоровый, но в авиации свои параметры здоровья. И они красиво смотрятся вместе. Она смуглокожая брюнетка, а он такой весь бело-розовый... Ишь ты, я ревную... парень вполне хорош собой, и нисколько он не бело-розовый, просто светлоглазый и светлокожий... – сам себя одернул Владислав Александрович.

– О, Влад, вы, кажется, совсем пропали, – шепнула ему Нина.

– Вы о чем? – ледяным тоном спросил он.

– Да нет, извините, это совершенно меня не касается.

Вот именно, мысленно произнес он. Вдруг он почувствовал, что нога Алины прижалась к его ноге. Он предпочел этого не заметить, но ему стало неприятно.

– Владя, ты что сидишь как неродной, – чуть пьяным голосом прошептала Алина.

– А я и есть тебе неродной, и уже очень давно.

– Ты до сих пор на меня обижен?

– Боже, нет, конечно. Просто я никогда не вхожу дважды в одну реку.

– А по-моему, это иногда хорошо, войти в знакомую водичку и обнаружить там что-то совсем новое, приобретенное с годами... Это иной раз так сладко, – продолжала она, все теснее прижимаясь к нему.

Волна раздражения захлестнула его. Зачем ему эта прошлая жизнь, эти женщины из прошлого? Не хочу!

– Извини, Алина. Я просто не хочу, ты это можешь понять?

Она отпрянула, побледнела. В этот момент, к счастью, у него зазвонил телефон. Он вскочил, извинившись, и отошел от стола. Звонил Санька, попрощаться перед сном. От голоса сына раздражение ушло.

– Пап, бабушка говорит, чтобы я не звонил, что я могу тебе помешать.

– Ерунда! Я страшно рад, что ты позвонил. А если в другой раз я буду занят, я тебе скажу, ты же не обидишься, правда?

– Конечно, пап!

– А сегодня ты очень вовремя позвонил, спасибо. И спокойной ночи тебе.

Звонок сына совершенно отрезвил его. Он вернулся за стол, обменялся с Ниной визитками и сказал Алине:

– Извини, мне придется уйти, звонил сын, ему нужна моя помощь!

– Что-то серьезное?

– Да не очень, но я должен... Еще раз извини, рад был повидать тебя и Ию. Я уйду тихонько.

– Ну и сволочь же ты, Голубев!

– Да, наверное, сволочь! – кивнул он.

Как хорошо, как свободно дышится, когда его нет! Мне всегда при нем было душновато... И я всегда боялась его глаз... А Алинка, похоже, просчиталась. Она думала его вернуть, что ли? А он не захотел, гордый... И правильно. Она сама когда-то его бросила, а теперь вздумала вернуть... И обломалась. А я рада... Это было такое свинство с ее стороны, променять его на богатого дурака Энрике.

– Ну что, Ийка, как тебе твоя первая любовь? – пьяным шепотом осведомилась Алина.

– Какая там любовь, – поморщилась Ия.

– Ты ж по нему умирала...

– В детстве, это не считается.

– А он, кстати, на тебя запал.

– Не выдумывай!

– А что, это вероятно интересно, закрутить роман с мужиком, к которому питала совершенно безнадежные чувства в детстве. Что-то от истории Онегина и Татьяны...

– Алинка, ты пьяная!

– Девочки, вы о чем шепчетесь? – любопытствовал Роман.

– О нашем, о девичьем, – засмеялась Алина.

– Господа, давайте еще раз выпьем за нашу красавицу Алину! Она по-прежнему прекрасна! – произнес кто-то из гостей, и застолье потекло своим чередом.

Как хорошо, что я ушел! Ни к чему мне все это. А вот предложение Нины может оказаться очень интересным. Выжду дней пять и обязательно ей позвоню. А пока надо подумать, какую историю предложить для пилотной программы. И дописать статью для «Известий». О, а ведь послезавтра исполняется девяносто лет Марии Евграфовне Вольской, звезде советской разведки, о которой он неоднократно писал и которая очень его привлекала. Никто не дал бы ей ее лет, она была по-прежнему остра умом, безмерно иронична и кокетлива. И, пожалуй, даже красива. Лет пять назад, с его подачи, освоила компьютер.

– Владик, – говорила она, – вы плохой человек! – и грозила пальцем.

– Почему, Мария Евграфовна?

– Я старая женщина, а вы меня погрузили в такую пакость!

– Вы о чем, Мария Евграфовна?

– Этот ваш Интернет – редкостная пакость! Всемирная помойка, болото, вонючее болото...

– Мария Евграфовна, ну если он вам так противен, не лезайте туда!

– Легко сказать! Я ведь старая, кроме Киры и Уинстона у меня никого нет, мне скучно жить одними только воспоминаниями!

Кира была ее племянницей, а Уинстон – английским бульдогом, невероятно похожим на Черчилля, оттого и получившим такую кличку. Бульдог, правда, был еще не стар и очень симпатичен, на взгляд Владислава Александровича.

– Ну, лучше бы смотрели телевизор!

– Вы смеетесь? Что там смотреть? Новости меня мало интересуют, я слишком стара. Политика? Я слишком хорошо понимаю, что почему, к музыке я глубоко равнодушна, правда, люблю фильмы и даже сериалы с красивыми актерами.

Актеров она признавала только российских, заграничное кино не смотрела. Иногда просила Владислава Александровича отвезти ее на Донское кладбище, где был захоронен человек, которого она любила. Подъехав к воротам кладбища, она покупала цветы, как правило, четыре розы, и говорила:

– Владислав, ждите меня в машине!

– Может, я провожу вас?

– Нет. Это слишком интимно... Незачем вам знать...

И он покорно ждал ее, правда, не в машине, а на лавочке совсем близко от входа. Это она ему позволяла. Конечно, у него был соблазн проследить за ней, но, во-первых, он опасался, что она может его заметить, как-никак профессионалка высочайшего класса, а во-вторых, ему просто было совестно.

Да, пожалуй, надо поговорить с Вольской, и если она согласится, сделать программу о ней.

В молодости она была ослепительна, сохранились фотографии, и теперь уже многое можно рассказать...

И он позвонил ей.

– Влад? Рада вас слышать! Надеюсь, послезавтра я вас увижу?

– Разумеется, Мария Евграфовна!

– Кира испечет свои пирожки, будет еще человек пять...

– Непременно буду! Но у меня к вам есть еще деловой разговор, дорогая Мария Евграфовна!

– Я не ослышалась? Деловой разговор?

– Да!

– И что ж это за дела такие? Все, что я могла вам о себе рассказать, я уже рассказала, а остальное...

– Нет-нет, речь о другом.

– Вы сейчас заняты?

– Не слишком.

– Тогда приезжайте ко мне сейчас же, а то умру от нетерпения!

– Я вас обожаю, Мария Евграфовна. Буду через час!

Он купил букет васильков, старуха предпочитала полевые цветы.

Как ни странно, в квартире не пахло старостью. Кира, женщина лет

шестидесяти, в прошлом врач-физиотерапевт, выйдя на пенсию, поселилась у тетки, оставив свою квартиру дочери.

– Вам не трудно с ней? – спросил он как-то.

– Ну что вы! Марусенька на редкость интеллигентный и деликатный человек, мне хорошо и спокойно с ней. К тому же она очень благодарная... Чего о моей дочери не скажешь... И тут я чувствую себя нужной и даже необходимой, а там... там я была лишней.

Дверь ему открыла сама Мария Евграфовна. В первый момент он даже не узнал ее.

– Ну что вы вытаращились?

– Вам необычайно идет седина!

– Знаете, я решила, что в девяносто уже приличнее быть седой, а не крашеной!

– Да вы помолодели лет на двадцать!

– О! Васильки! К седине васильки очень идут! Ну, милый друг, проходите! Хотите кофе?

– Если можно!

– Отчего же нельзя? Кируся, сделай Владу кофе! И не забудь свои крендельки! Ну-с, молодой человек, чего вы от меня хотите?

Он подробно рассказал ей о предложении Нины.

– И вы думаете, я соглашусь сниматься? Да никогда!..

– Боже упаси! Нет! Только ваши фотографии и рассказ о вас.

– А рассказывать в кадре будете вы или какой-нибудь идиот?

– Да нет, я. Честно говоря, приятно, что не числите меня в идиотах.

– Числила бы, не стала бы с вами общаться. Слишком много идиотов я встречала, их идиотизм иной раз мог стоить жизни. А скажите-ка мне, вы часом не влюбились ли? – вдруг перебила она сама себя.

– Боже! С чего вы взяли?

– Милый друг, если б я таких вещей не замечала, грош была бы мне цена! Рассказывайте!

– Да нечего рассказывать, честное слово!

– Она хороша?

– Очень. Но...

– Сколько лет?

– Двадцать восемь, – засмеялся он. Пожалуй, эта старуха единственный человек, с кем он мог бы поговорить об Ие.

– И где вы с ней встретились?

– В Берлинском зоопарке.

– Как интересно! А что вы там делали?
– Гулял с сыном.
– А она?
– А ее там не было.
– То есть? – нахмурилась Мария Евграфовна.
– Там был детеныш жирафа...
– Но вы же, надеюсь, не зоофил! – рассмеялась старуха. – Что вы мне голову морочите!

Он расхохотался.

– Нет, я не зоофил.

И он рассказал ей все.

– А как вам показалось, она любит мужа?

– Не понял.

– А он ее?

– Тоже не понял. Но они красивая пара. Он бывший летчик...

– А она чем занимается?

– Как мне сказали, у нее салон вечерних и свадебных платьев.

– Как скучно! Хотя... В свое время я даже держала подобный салон в Сиэтле. Но шить как следует никогда не умела, мне это было скучно. И что, больше вы с нею не виделись?

– Нет. Зачем? Я дал себе слово, что у Саньки не будет мачехи.

– Это глупо, друг мой!

– Почему?

– Потому что сын ваш живет не с вами, то есть в быту они сталкиваться не будут. А быт, дорогой мой, самое ужасное в таких вот историях. Но в вашем случае... И потом, кто, собственно, говорит о браке? Я имела ввиду любовь, а вовсе не брак. Иной раз это вещи взаимоисключающие. Говорите, девочка была когда-то к вам неравнодушна? Вы исключительно интересный мужчина...

– Благодарю вас! – он прижал руку к сердцу.

– Так вот, вы интересный мужчина, и девушка наверняка взволнована вашей встречей. И вы взволновались... Знаете, видимо, вас и тогда она как-то волновала, эта девочка. Но поскольку вы не Гумберт Гумберт, то не отдавали себе в этом отчета. И вот по прошествии многих лет увидели жирафенка и взволновались. Поверьте, это не просто так... Но теперь это уже отнюдь не Лолита, и вы вполне можете себе позволить...

– Да не хочу я...

– Вот только врать мне не нужно. Я же сразу увидела у вас в глазах что-то такое...

- Да что вы такое увидели? – улыбнулся он.
- Нежность, совершенно вам не присущую. Когда вы говорили мне о сыне, у вас было другое лицо... А тут это другая нежность, к прелестному жирафенку... Знаете, Кирка в школе обожала какой-то дурацкий детский стишок: «У меня живет жирафа, я кормил ее со шкафа, прыгал прямо к потолку. Ой, ку-ку, ку-ку, ку-ку!»
- Никогда не слышал! А почему ку-ку?
- Кажется, этот мальчонка был редким врунишкой, и когда завирался, одноклассники кричали ему «ку-ку».
- Ну и память у вас!
- Мозги тренированные. Ну, вернемся к нашим жирафам!
- Ох, вы и опасная особа, Мария Евграфовна, только говорить-то, собственно, больше не о чем.
- Влад, не будьте дураком! Вам нужна любовь! Вы вдовец, я все понимаю, но любовь... Вы же еще молодой мужчина, у вас наверняка есть какие-то дамы, но... мы знакомы с вами уже давно, однако ничего подобного я вам никогда не говорила. Тут вполне может случиться любовь... А пройти мимо любви – преступление!
- Вы сердитесь, значит, вы не правы! – улыбнулся он.
- Нет, я права! А вы поразмыслите над моими словами на досуге. А знаете что... Приведите ко мне эту девочку.
- Да что за чепуха! Как я ее к вам приведу? С какой стати я вообще куда-то ее поведу?
- И не лезьте в мою жизнь, старая дура, да?
- Ничего подобного я даже не думал!
- Думали, думали! Я вообще всегда знаю, о чем вы думаете!
- Так уж и всегда!
- Вот, например, когда вы ездите со мной на кладбище, у вас всякий раз возникает соблазн проследить за мной, узнать, на чью могилку эта старая развалина носит цветы, но потом вы вспоминаете, что я профессиональная разведчица и что вы все-таки порядочный человек. Ну, признайтесь, что я права? В вас должно говорить журналистское любопытство.
- Я ж говорю, вы опасная особа. Но давайте не будем уходить от главной темы. Итак, вы согласны в принципе на такую передачу о вас?
- В принципе, да. Но при одном обязательном условии.
- Я весь внимание.
- Вы будете показывать мне материал на всех стадиях.
- Ну, разумеется!

– Владик, а вообще... Знаете, чего бы я хотела на самом деле?

Он вопросительно посмотрел на нее.

– Чтобы вы написали сценарий художественного фильма обо мне. И чтобы меня играла очень красивая и талантливая актриса.

– А что, – задумчиво проговорил Владислав Александрович, – идея роскошная, над этим стоит подумать. Правда, я никогда не писал художественных сценариев, но...

– Можете привлечь в соавторы профессионала. Ведь там должна быть и любовная линия, а с этим вы пока вряд ли справитесь...

– Ну вы и провокатор! – расхохотался он.

Ие позвонила сестра.

– Привет, как дела?

– Нормально. Работы много.

– Так это же прекрасно. Скажи, а Голубев тебе не звонил?

– Голубев? – искренне удивилась Ия. – С какой стати он должен мне звонить? И я ему телефона не давала.

– А он просил?

– Да что ты дурью маешься? – рассердилась Ия.

– Ну, я же видела, как он на тебя смотрел!

– Да нормально, нормально он на меня смотрел! Удивился, что из неуклюжего подростка вылупилась довольно приглядная женщина, только и всего! А вообще, он мне сто лет неинтересен, твой Голубев. А ты что, хотела его вернуть?

– Хотела...

– И обломалась?

– Еще не вечер!

– Флаг тебе в руки!

Ия была не совсем честна с сестрой и даже с самой собой. Мысль о Голубеве частенько посещала ее, совсем неясная, но почему-то приятная. Просто ее обдавало каким-то ласковым теплом. Да, именно ласковым теплом, а вовсе не жаром. Это всего лишь воспоминание о далеком уже детстве, и, конечно, радостно было поймать его восхищенный взгляд, лестно, но не более того.

Проводив мужа на работу, она прибралась в кухне и уже оделась, чтобы идти в салон, как в дверь позвонили.

– Кто там?

– Алло, девушка, Роман Руденко здесь живет?

- Да. А вы кто? – осторожно спросила Ия.
- А я, некоторым образом, его брат.
- Михаил?
- Он самый!

Ия поспешила открыть дверь. На пороге стоял мужчина, которому, на взгляд Ии, больше всего подошло бы определение «громилы», но у него была такая славная обезоруживающая улыбка, которая сразу отменяла первоначальное впечатление.

– Опа! – сказал громилы. – У моего младшего хороший вкус! Войти-то можно?

- Господи, конечно, заходите... Просто так неожиданно!
- Люблю делать сюрпризы! А брательник мой где? В рейсе?
- О, вы давно не видались... Он уж два года не летает. Да вы заходите.
- Как не летает? Почему?
- По здоровью.
- А что с ним такое?
- С легкими неважно. Так-то ничего страшного, но в авиации свои требования.

- Ну да, ну да. А вы...
- Я его жена. Ия.
- Ия? Надо же, какое короткое имя.
- Михаил...
- Просто Миша.

– Хорошо, Миша, вы, вероятно, голодны? Идемте, я вас накормлю. Вы, может, хотите душ принять? Вы с дороги?

– Да нет, я уж был у себя, просто хотел сюрприз братишке сделать. Вы не смотрите, что я с такой сумкой, это все вам...

– Господи, что это?

– Дары Дальнего Востока! И уссурийской тайги! – И он принялся выгружать на кухонный стол какие-то банки, пакеты. – Это настоящие крабы, камчатские, это красная рыба, это икра, в Москве вы такой не пробовали...

- Спасибо, Миша, но куда столько?
- Ничего, и не заметите, как съедите, гостей позовете...

Ия про себя улыбнулась. Роман терпеть не мог гостей.

- Я сейчас позвоню Ромке...
- Не надо, Иечка! Я хочу сюрприз ему все-таки сделать.
- Хорошо, как скажете, – улыбнулась Ия.
- Слушай, сестренка, а давай на ты, мы же как-никак родственники

теперь.

– Давай! Миша, мне пора на работу, а ты оставайся и жди Ромку. Он обычно возвращается раньше меня.

– А ты где работаешь?

– Да на соседней улице.

– Пошли, провожу. Не стану я целый день тут торчать. Я лучше вечером подвалю. Четыре года в Москве не был. Пока от аэропорта ехал, вообще ничего не узнавал. Охота погулять по городу. А тебе ничего, если я провожу?

– Не поняла?

– Ну, если тебя с незнакомым мужиком увидят?

– Плевать я хотела. Я сама себе хозяйка!

– Вона как! У тебя свое дело?

– Ну да. Салон свадебных и вечерних платьев.

– Ну надо же, как интересно!

– А ты не женат?

– Бог миловал! – рассмеялся Михаил. – Кому такое счастье сдалось? Я ж бродяга.

– Ну, если все же надумаешь, я твоей невесте такое платье сделаю! Хочешь посмотреть?

– Так невесты нету!

– Я имела ввиду, салон мой посмотреть хочешь?

– Можно!

– Пошли!

Аня, приемщица, удивилась. Мужик, пришедший с Ией, был так разительно не похож на обычных посетителей салона, что в голову невольно закралась мысль: что, Ийка с ума сошла? Привела какого-то громилу...

– Анюта, привет! Вот, познакомься, это мой деверь, Михаил.

– Очень приятно, – улыбнулся громила.

– Деверь? – наморщила лоб Аня.

– Это Ромкин старший брат. Он вот привез нам всякие дальневосточные деликатесы, я тут и вам всем принесла попробовать. Ты положи пока в холодильник. Ну вот, Миша, смотри!

– Я что-то не пойму, какие ж это свадебные платья? Только одно, моему...

– Миша, белых пышных платьев в Москве более чем достаточно, да и скучно это...

– А, понял, ты бросаешь вызов общественным вкусам? – улыбнулся он. – И как, покупают?

– Да! Особенно женщины, второй раз выходящие замуж. Вот недавно одна известная певица второй раз выходила замуж в моем платье из синего шелка и имела в нем большой успех.

И вообще... Эти платья можно и потом носить как вечерние.

– Да, впечатляет, красиво! Неожиданно только... Ты сама их придумываешь?

– Конечно, – с гордостью сказала Ия.

– А ты молодец, уважаю!

В этот момент в салон вошли две женщины, одна лет сорока, а вторая совсем молоденькая. Очевидно, мама с дочкой.

– Здравствуйте, – приветствовала их Ия.

– Добрый день, – начала мама, – мне рекомендовала ваш салон Татьяна Бурковская. Вы Ия?

– Да, это я.

– Таня моя старая подруга, и я видела ее свадебное платье... Это восторг! Я смотрю, у вас так все красиво, просто глаза разбегаются.

– Дочку замуж выдаете? – осведомилась Ия.

Женщина рассмеялась:

– Да нет. Сама замуж собралась.

Михаил фыркнул про себя. Он сел в кресло поодаль и молча наблюдал. Ему было здорово интересно. И Ия ему очень нравилась. Повезло Ромке, такая милая... И, похоже, дельная.

– Замечательно! – воскликнула Ия.

– А дочка моя уже замужем. Так что это она маму замуж выдает.

– У вас есть какие-то пожелания?

– Да. Чтобы это было не помпезно и соответствовало случаю.

– А цветовые предпочтения есть?

– Только не красное.

– Простите, а когда свадьба?

– В июле.

– О, значит, платье должно быть легким.

– Ой, а вот это? – Женщина подошла к платью светло-зеленого цвета с легким болотным оттенком. – Можно его примерить?

– Знаете, мне кажется, это не ваш фасон, а вот цвет ваш. Аня, принеси такой отрез, мы прикинем.

– А мне и фасон очень нравится...

– Пожалуйста, примерьте его...

Она сняла платье с манекена.

– Пойдемте в примерочную.

Через несколько минут дама вышла из примерочной в своем костюме.

– Вы были правы, Ия, это не мой фасон, а цвет как раз мой.

– Вот посмотрите журналы, сошьем вам платье из этой ткани.

– Ия, а может, вы сами мне что-то предложите, у вас глаз-алмаз...

– Пойдемте, я наколю на вас ткань, а уж потом нарисую, чтобы в процессе было легче что-то менять.

– Мам, я смотрю, ты в надежных руках, может, я пойду, а?

– Иди, конечно! У нее ребенку пять месяцев, – пояснила женщина. –

Так что замуж бабушка выходит.

– Невероятно! – улыбнулась Ия. – Вы чудесно выглядите.

– Ия, – подал голос Михаил, – пожалуй, я тоже пойду.

– Что ж, иди, но вечером мы тебя ждем.

– Только Ромке не говори.

– Заметано.

Когда заказчица, страшно довольная, ушла, Аня заявила:

– Ий, а этот деверь, если приглядеться, здорово интересный мужик. Не такой, конечно, красавчик, как твой Роман, но...

– Да, ничего. Улыбка хорошая.

– Только видок у него... Эта джинса затрепанная и вообще запущенный какой-то... Его бы отмыть, побрить, приодеть...

– Займись!

– Да ну... И вообще, он, если хочешь знать, на тебя глаз положил!

– Ой, Анюта, не выдумывай! Просто мы с ним только сегодня познакомились. Вот он меня и изучал.

– А он кто вообще?

– По образованию горный инженер, но, по-моему, он этим уже не занимается, он бродяга...

– Как бродяга?

– Вот так. То был старателем на золотых приисках, то с рыбаками ходил в море, то звероловом был...

– Да, круто... Романтично, но для жизни такой не годится.

– Для семейной жизни уж точно, – засмеялась Ия.

– А они с Ромой родные братья?

– Да.

– Надо же, ничего общего! А он у вас остановился?

– Нет, у него есть квартира, от родителей осталась. А я смотрю, он тебя заинтересовал.

– Просто я таких еще не встречала, надо же, романтичный тип.

Но тут пришла новая клиентка, и разговор оборвался. Потом Ия ушла в комнату, где она кроила платья, и взялась за дело. Она любила свою работу и кроить никому не доверяла.

– Ий, твой мобильник надрывается! – заглянула к ней Аня и протянула телефон, забытый у нее на столе.

– Спасибо! Алло! Да, Алинка, работаю.

– Скажи, а тебе Голубев так и не звонил?

– Голубев? – рассердилась Ия. – А с какой стати он стал бы мне звонить?

– Ну, мало ли...

– Алинка, кончай дурью маяться.

– А может, вечером встретимся?

– Не могу, занята.

– Чем это ты занята? Будешь ужин стряпать своему Ромочке?

– И это тоже. Но к нам придет его брат.

– Этот бродячий пес?

– Он, между прочим, очень славный человек. Хочешь, тоже подваливай к нам.

– Да? А сколько ему лет?

– Он старше Ромки на три года, значит, тридцать семь.

– Интересный?

– Пожалуй, да.

– Тогда я, наверное, приду. Две сестры и два брата... Это изящно.

– Да ну тебя, Алинка. Все, я работаю! Аня, – позвала она приемщицу. – Будь добра, сделай бутерброды с икрой, крабы, рыбку поставь на стол и позови всех.

– Есть, шеф! – обрадовалась Аня. – Закроемся на обед?

– Ни в коем случае! Просто поставь все на стол. Может, клиентов и не будет, удастся всем посидеть.

Действительно, в те полчаса, что вся команда лакобилась деликатесами с Дальнего Востока, посетителей не было.

– Сроду такой красной икры не ела, – воскликнула Аня. – А крабы вообще – улет!

А Гулька икру никогда не пробовала.

– Да ну, чего в ней хорошего, – поморщилась Гуля. – Соленая... и вообще, что тут есть?

– Понимала бы что-нибудь! – фыркнула Света, вторая швея.

– Ладно, девочки, у каждого свой вкус, – примирительно сказала Ия.

Света очень ревниво относилась к Гуле, которую Ия частенько хвалила. Куда чаще, чем ее.

Ия хотела уйти пораньше, чтобы приготовить ужин. Но не удалось. К ней заявила известная телеведущая, которой предстояло идти на свадьбу коллеги, и она хотела во что бы то ни стало затмить невесту.

– Понимаешь, она наглая, как танк! И еще выходит за богатящего бизнесмена, боюсь, скоро совсем распояшется, очень охота утереть ей нос.

– Дело хорошее, – засмеялась Ия. – Слушай, Инна, а ты в курсе, какое у нее платье будет?

– Именно! Она показала фотку... Помнишь, ты мне в прошлом году костюмчик к «Кинотавру» изладила, эффект был – зашибись. Вот и сейчас...

– Да поняла. А свадьба-то скоро?

– Через неделю.

– Инна, ты с ума сошла! Такие сроки... Нереально!

– Иечка, я тебя умоляю! Может, что-то из готового?

– Какое платье у невесты?

– Белое. Красивое. В пол. Со шлейфом.

– Да, надо подумать, а времени нет. О, я, кажется, знаю. У меня есть одно платье, там свадьба в последний момент расстроилась... Иди в примерочную.

Через три минуты Ия принесла Инне платье.

– Ой, мамочки, красотища какая! – ахнула та.

Платье было невероятно ярким, но Инна тоже была яркой брюнеткой, и безумное сочетание красок необыкновенно ей шло.

– Ийка, ты просто гений! Я в этом платье похожа на... какой-то костер, что ли, в общем, что-то огненное... Супер! Эта бледная спирохета на моем фоне вообще не будет заметна, да и другие тоже! Ой, я хочу в зале на себя посмотреть!

– Конечно! Иди!

– Обалдеть! И эти лиловые вкрапления... Как думаешь, тут нужны украшения?

– Совсем чуть-чуть. Неплохо бы топазовые серьги.

– А аметисты не подойдут?

– Немного примитивно, но в принципе можно. Когда приедешь за платьем, привези их, я посмотрю.

– А ты мне сегодня платье не отдашь?

У меня бабки с собой.

– Инна, его надо чуточку подогнуть, послезавтра заберешь.

– Ийка, я тебя обожаю!

В результате Ия попала домой гораздо позже, чем намеревалась, и, подходя к дому, увидела в окнах свет. Значит, Ромка уже дома. Странно, что еще не звонил. А, наверное, Миша уже пришел. Ну ничего, с голоду они не умрут, Миша столько всего навез...

Действительно, братья уже сидели на кухне, и Михаил раскладывал по тарелкам привезенную снедь.

– О, а вот и хозяйка! – воскликнул он.

– Ий, чего так поздно? – осведомился муж.

– Да я уж собралась идти, как явилась очень выгодная клиентка. Я не могла ей отказать.

– Да ты никому отказать не можешь, – проворчал муж.

– Но это естественно, – вступился за Ию Михаил. – Я сегодня посмотрел, как Иечка работает, мне так понравилось...

– Это хорошо, что ты столько навез, а то пришлось бы лапу сосать.

– Когда это ты лапу сосал? Я бы что-нибудь сообразила, голодными вас не оставила. Но, конечно, спасибо Мише.

В этот момент в дверь позвонили.

– Это еще кто? – недовольно спросил Роман.

– Ой, это Алина, я совсем забыла, что она придет. – Ия бросилась открывать.

– Подружка? – тихо спросил Михаил.

– Нет, старшая сестра.

– О, какие люди! – проговорила Алина.

– Боже, это же вылитая Лоллобриджида! – воскликнул Михаил.

Алина улыбнулась:

– Вы не оригинальны. Мне это часто говорят. Хотя сейчас уже мало кто помнит, как выглядела Лоллобриджида, в основном это говорят ровесники нашей мамы. А вы, Михаил, еще молодой...

– Просто люблю старое итальянское кино, – улыбнулся Михаил и подумал: «Ты, конечно, красавица, но твоя сестра куда лучше...»

– О, да тут у вас крабы! Настоящие, камчатские? Хотя я предпочитаю лобстеров...

– Так не ешь! – довольно по-хамски ответил Роман.

– Рома! – одернула его Ия.

Алина сделала вид, что пропустила хамство мимо ушей.

– Знаете, Миша, я первый раз попробовала лобстеров в Голливуде.

– Вы актриса?

– Боже упаси! Просто мы с мужем... с бывшим мужем были в Калифорнии в свадебном путешествии. И он повел меня в какой-то жутко дорогой ресторан, куда отведать лобстеров приходят голливудские звезды.

А она дура, подумал Михаил. Очень красивая дура. И Ромка мне что-то не нравится. Когда он летал, это был веселый непосредственный парень, а сейчас... Мне кажется, он совсем не рад. А может, я просто мнительный? Одичал? Скорее всего. И чтобы снять возникшую вдруг неловкость, он принялся рассказывать, как ловят тигров в уссурийской тайге.

– А зачем их ловят? – спросила Алина.

– Как зачем? Чтобы пометить и отпустить. Надо же знать поголовье. Их мало осталось.

– Они такие красивые... А вы их гладили? – спросила Ия.

– Ну, когда тигра усыпляют, можно и погладить.

– Они приятные на ощупь?

– Не сказал бы.

– Жаль... Я в детстве гладила тигренка в цирке. До сих пор помню, какой он был... бархатный...

– Любишь животных?

– Обожаю!

– А чего ж не заведешь кошку или собаку?

– Ромка не хочет.

– А...

Алина между тем трезво оценила ситуацию. С Михаилом ей вряд ли что светит, он явно предпочитает Ийку. Надо же, что они в ней находят, и Влад, и этот Миша... А он ничего, в нем есть изюминка. Но Ийка же дура, не станет изменять мужу с его братом, ни за что. А Ромка, по-моему, ее не больно-то любит... И брату что-то не слишком рад. А вообще, надо мне возвращаться в Испанию, мне тут нечего ловить. Я тут только зря время теряю. Завтра же улечу.

– Ийка, можно тебя на минутку?

– Сейчас!

Сестры вышли на кухню.

– Что такое?

– Слушай, Ий, я завтра или, самое позднее, послезавтра, улечу домой.

Мне тут надоело.

– Почему?

– Ну, во-первых, мама там одна, во-вторых, я подумала, ну что квартира будет зря простаивать, надо бы ее сдать, все лишние денежки.

– Ну, правильно. А есть кому?

– То-то и оно, что нет. Мне эта мысль только сейчас пришла в голову. Может, ты возьмешь это на себя? Найдешь надежного риелтора? Или кто-то из знакомых захочет?

– Хорошо, попробую. Но ты же раньше не хотела сдавать?

– А теперь вот захотела. Просто мне надоело сюда мотаться. По крайней мере год не буду приезжать. Давай, сдай пока на год.

– Хорошо, попробую.

– Да, только не вздумай селить туда своих девчонок.

– Каких девчонок? – крайне удивилась Ия.

– Ну, у тебя там приезжие швейки...

– Господи, о чем ты говоришь? Мне даже в голову бы не пришло. И потом, твоя квартира стоит наверняка дорого, им это не по карману. Не волнуйся. У меня есть одна знакомая дама, она риелтор, правда, сдачей квартир не занимается, но наверняка порекомендует кого-то...

– Молодец, сестренка! Я в тебе не сомневалась. А на отпуск есть уже планы? Может, к нам приедешь?

– Да пока вряд ли, столько заказов. Летом много свадеб...

– Девушки, куда ж вы пропали? – заглянул на кухню Михаил.

– Сейчас идем! – улыбнулась ему Ия.

Владиславу Александровичу позвонила Мария Евграфовна.

– Друг мой, как ваши дела?

– Вы имеете в виду передачу?

– И это тоже. Но просто вы куда-то запропастились, и я решила вам напомнить о себе.

А кроме того, я пораскинула остатками мозгов и пришла к выводу, что я большая дура.

– Мария Евграфовна, побойтесь бога! По-моему, я никогда не встречал женщины умнее вас.

– И тем не менее. И я хочу исправить свою глупость, иначе ваша передача будет куцей.

– Так! Что вы от меня утаили, Мария Евграфовна?

– Как оказалось, очень многое.

– Вы позволите приехать к вам сейчас же?

– Безусловно!

– Еду!

По дороге он купил старухе большой букет розовых пионов.

– О, вы с цветами! Как мило! Заходите! Кира гуляет с Уинстоном, она

придет через полчаса и напоит нас кофе с яблочным пирогом.

А я пока расскажу вам о своей глупости.

– Я весь внимание.

– Дело в том, друг мой, что несколько лет назад я решила написать что-то вроде мемуаров.

Он затаил дыхание.

– Да, подробные, честные мемуары, мне показалось, что это может быть интересно...

И к тому же в таком более чем преклонном возрасте необходимо тренировать мозги, я больше всего боюсь старческого слабоумия...

– По-моему, вам это не грозит.

– Потому пока и не грозит, что я их тренирую, свои мозги. И я эти воспоминания писала целых три года. Я совершенно не стремлюсь видеть их напечатанными, мне это ни к чему. Но вот в вашей работе это может сгодиться.

– Простите, Мария Евграфовна, а почему вы только сейчас мне об этом говорите?

– Видите ли, друг мой, я... Когда я их закончила, мне показалось, что они ужасно бездарно написаны, и я решила никому это не показывать. Но вы со своей передачей взбудоражили меня, и я решилась это перечитать.

И сейчас, по прошествии нескольких лет, мне показалось, что это... по меньшей мере интересно... и здорово увлекательно. Я отрешилась от своего авторства и прочла это просто как авантюрный роман, а прочтя, подумала: неужели все это было со мной в действительности и я осталась жива и более или менее здорова, дожила до девяноста лет и собираюсь дожить до ста? Государства, на которое я работала, давно уже нет, так разве я не заслужила свою «минуту славы», как выражаются на телевидении?

– Вы совершенно правы, и я сделаю все от меня зависящее...

– Послушайте, Влад, прочтите этот мой опус, и выскажите мне свое мнение. И еще, мне кажется, надо сделать программу не в стиле... документалистики, как делают обычно. Может, я скажу совершенную ересь... Но мне бы хотелось, чтобы эта программа, вернее, даже цикл программ, в одну вы не уложите, носила характер документального авантюрного романа... Улавливаете мою мысль?

– Кажется, улавливаю.

– Но вы от нее не в восторге?

– Да я-то в восторге, я сроду ничего такого не делал, и мне конечно же безумно интересно... Но я вовсе не уверен, что продюсеры на это пойдут.

– Они полные идиоты?

– Случается, что и полные... Но... Мария Евграфовна, вы меня огорошили, честно сказать. Я должен сначала прочесть ваши воспоминания, а потом буду думать. Кстати, мне идею работать на телевидении подкинула одна дама, как раз продюсер, и она очень неглупа. Вы позволите и ей показать ваши воспоминания?

– Нет, сначала прочтите вы и абсолютно честно скажите, что вы об этом думаете.

– Клянусь!

– Хорошо. – Она принесла из другой комнаты четыре толстых тетради.

– Вот, держите.

– Вы от руки писали? – крайне удивился он.

– Разумеется. Но у меня хороший почерк, вот взгляните.

Почерк и в самом деле был разборчивым.

– Мария Евграфовна, спасибо вам за доверие. Можно я пойду? Мне не терпится начать читать.

– А как же яблочный пирог?

– Он до завтра доживет?

– Вы полагаете, что до завтра успеете прочитать?

– Я в этом абсолютно уверен. Я быстро читаю. И завтра в это же время, если не будет форс-мажора, я примчусь к вам.

– Ну что ж, друг мой, ступайте с богом!

Владислав Александрович почти бежал к своей машине, прижимая к груди заветные тетради. У него было чувство, что он держит в руках свою новую жизнь. Эти тетради могут в корне ее изменить... Но вскоре он попал в пробку и с раздражением сказал себе: идиот, а может, все это гроша ломаного не стоит? Хотя нет, вряд ли. Старуха слишком умна. Что бы там ни было, но жизнь ее и в самом деле тянет на авантюрный роман, даже того, что мне уже известно, хватило бы на цикл интереснейших передач... И моя интуиция мне подсказывает, что это может быть прорыв в какую-то новую сферу деятельности. Да ладно, поглядим, не будем замахиваться на глобалку. Кто широко шагает, скорее штаны порвет...

Войдя в квартиру, он подумал: как хорошо, что я живу один. Никто не помешает читать. Он сварил себе кофе и взялся за первую тетрадь.

И не отрывался, пока не прочел ее. С ума сойти, какие, оказывается, страсти раздирали эту женщину и как ей при этом удавалось сохранять холодный ум. Кажется, я ничего интереснее сроду не читал. Это надо бы издать, получится бестселлер, хотя кое-какие факты вряд ли можно уже опубликовать. И написано отлично, правда, несколько старомодно, но в этом

есть свой шарм. Она, по-видимому, в молодости была неотразима. Да это и сейчас иногда чувствуется. А какой сериал можно на этом материале сделать... Собственно, если поменять некоторые имена и выдать это за художественное произведение, даже ГРУ ни к чему не придерется. И если позвать в компанию Володьку Сурина, вдвоем мы напишем отличный сценарий. Но это все плохо согласуется с концепцией телевизионной передачи. Хотя надо сперва прочесть все до конца, а потом пораскинуть мозгами. И, конечно, согласовать все с Ниной. Нет, сначала надо уложить все в голове, а потом уж привлекать к делу кого-то еще. Он взял вторую тетрадь и отправился в соседнее кафе обедать. И там тоже читал не отрываясь. Иной раз ему казалось, что старуха кое-что привирает, но это на нее не похоже, молчать она всегда умела, умалчивать о многом тоже, но вот во вранье никогда не была замечена. Да и зачем ей?

Он закончил чтение глубокой ночью, но спать не мог. Это была фантастическая судьба! Для реальной женщины почти невыносимая. Конечно, ей иной раз невероятно везло, но, как говорится, везет тому, кто везет... Какая там Мата Хари... Мата Хари все-таки плохо кончила, а Мария Евграфовна – нет! Он вдруг ощутил странную гордость от того, что она доверилась именно ему. Надо уговорить старуху напечатать эти мемуары... Пусть у нее будет «минута славы».

Ровно в час дня он позвонил в дверь. Мария Евграфовна сама ему открыла.

– Ну, что скажете? – спросила она, не дав ему опомниться.

Он молча склонился к ее руке.

– У меня нет слов. Это... я в восторге!

И это, помимо всего прочего, великолепно написано!

Она порозовела.

– Вы правду мне говорите?

– Безусловно. Я мог бы наговорить вам кучу комплиментов по другим поводам, ни словом не упомянув о литературных достоинствах, но они несомненны, дорогая моя Мария Евграфовна.

– А мне показалось...

– Вам показалось. Да, это написано чуточку... как бы поточнее выразиться...

– Старомодно?

– Да, именно, однако это придает всему повествованию аромат подлинности, это достоинство, а вовсе не недостаток.

– Влад, друг мой, вы на машине?

– Да. Вам надо куда-то поехать?

- Нам надо.
- Не понял?
- Мы сейчас поедem к нотариусу, я уже договорилась.
- Зачем?
- Я хочу, чтобы вы были моим душеприказчиком. Квартира и все, что у меня есть, достанется Кире, а вот то, что нынче принято называть интеллектуальной собственностью, я завещаю вам. И не вздумайте возражать. Я хотела сделать это без вас, но оказалось, что в таких случаях принято являться с тем, кого ты намерен сделать своим душеприказчиком, это нельзя сделать без вашего на то согласия. Вы согласны?
- Я польщен и, разумеется, согласен.
- Так поедemте. В машине поговорим о мемуарах более детально. А когда вернемся, будем обедать и пить чай с пирогом.
- Я в вашем распоряжении.
- Как приятно это слышать в девяносто лет от такого интересного мужчины, – рассмеялась она. – А как поживает ваш жирафенок?
- Я ее больше не видел.
- Почему?
- Да зачем я ей нужен? Она замужем. Для меня это всего лишь воспоминание о прелестном подростке. А взрослая замужняя женщина... Зачем?
- Какие нынче неромантичные мужчины! Гадость просто.
- Виноват, но вряд ли исправлюсь уже.
- А вот вы меня потрясли до глубины души... Как вам удалось не просто выжить, а так сохраниться, прожив такую жизнь... Это поистине чудо.
- Видимо, меня хранил Господь.
- Мария Евграфовна, вы верующая? – поразился он.
- Так нельзя сказать. Конечно, я не верю в старика на небе. Но в ангела-хранителя верю.
- Как это по-женски... – улыбнулся он.
- А как не поверить, когда мне иной раз просто сказочно везло. Сколько раз я была, что называется, на краю бездны... Тоже старомодное выражение, да?
- Пожалуй.
- Теперь бы сказали – слишком пафосное?
- Вот именно, – рассмеялся он.

На обратном пути Мария Евграфовна вдруг попросила:

- Влад, вы говорили, ваш жирафенок шьет свадебные платья?

– Ну да.

– И еще вечерние?

– Кажется. А что? Вы замуж собрались?

Я бы не удивился, честно говоря.

– Боже сохрани! Но вот вечернее платье мне необходимо. Причем самое модное.

– Опа! Можно спросить, зачем?

– Можно. Через две недели отмечается юбилей одного моего «боевого товарища». Тоже девяносто лет. Я приглашена и хочу всех поразить не платьем из сундука, а модным, как теперь говорят, прикидом!

Он взял ее руку, поцеловал.

– А вы хотите сочетать приятное – покупку нового платья с полезным – удовлетворить свое любопытство?

– Именно. Не стану скрывать. Вы знаете, где ее салон?

– Нет. Но узнать не проблема.

– И вы меня туда отвезете?

– Разве я могу вам в чем-то отказать?

– Отлично! Сегодня четверг, завтра я занята, потом выходные дни, понедельник тяжелый день. Значит, поедем во вторник. Сможете?

– Во вторник, увы, не смогу. Должен отправить родителей и сына в Испанию. Помочь собраться, отвезти в аэропорт и так далее. Это наверняка займет целый день, а вот в среду я в вашем распоряжении.

– Хорошо, в среду так в среду.

– Мария Евграфовна, простите, но могу я задать вам один, быть может, дурацкий вопрос?

– Задавайте!

– Раньше он у меня как-то не возникала вот по прочтении ваших мемуаров вдруг возник...

– Да не мямлите, задавайте ваш вопрос!

– Скажите, вы были такая идейная? Вы за идею совершали ваши чудо-подвиги?

– Да как вам сказать... Поначалу, по молодости и глупости, да, пожалуй, была идейная, но постепенно моя идейность как-то тускнела, я начала понимать, что все вовсе не так прекрасно в нашей стране и все победные реляции в огромной степени просто пропаганда. А еще... эта история с Егоршиным, ну, вы же читали... Человек вернулся с задания с фантастическими результатами, добыл совершенно бесценную информацию, чудом уцелел, а его быстренько посадили именно за то, что уцелел... Мол, не должен был уцелеть, а он, мерзавец такой, уцелел.

Значит, враг! И такие истории были сплошь и рядом. Хочешь не хочешь, а прозреешь... Сейчас об этом и пишут, и кино снимают, а тогда... Так что я была не слишком идейной. Но уйти к немцам я органически не могла, а после войны... Был соблазн, не скрою, сбежать на Запад, но у меня оставались тут заложники. Мама, сестра... Их бы не пощадили. И к тому же я была... Я уже не могла обходиться без этой работы. И еще я понимала, что, если уйду на Запад, с меня там потребуют выдачи своих. А это мне претило. Так что, друг мой, у моей судьбы три составляющих – авантюризм, страх и везение.

– Вы забыли еще одну составляющую, Мария Евграфовна.

– Какую же?

– Талант, а может, даже гениальность.

– О! Как теперь выражаются, это круто, друг мой! – рассмеялась она.

– А может, программу о вас так и назвать? Гений разведки?

– Ни в коем случае! Я ведь еще жива!

– Тем более!

– Нет, дорогой вы мой, у нас сейчас слова «гениальный» и «великий» до такой степени девальвированы, что просто иной раз стыдно слышать... Если, предположим, артист очень старый, его называют великим, а если уж помер, то гениальным. И неважно, что при жизни он был вполне посредственным, а то и вовсе плохим артистом. Или поэтом-песенником. Так что придется вам обоиться в случае со мной без этих двух эпитетов.

– Да, вы правы. Я дал маху. Сам иной раз готов на стенку лезть от этой девальвации слов. И, кстати, слово «любовь» тоже здорово девальвировано.

– Слово – да, а вот чувство – нет! Просто зачастую любовью называют чувства, не имеющие к ней ни малейшего отношения. Знаете, что, на мой взгляд, может быть, главное в любви?

– И что же? – улыбнулся он.

– Доверие. Понимаю, вы небось думаете, сидит девяностолетняя старуха, годится мне в бабушки и рассуждает о любви.

– Ничего подобного я вовсе не думал. Я с вами полностью согласен. Доверие – это так важно... Но это редкость, вернее, даже раритет. В наше время.

– Это грустно, друг мой, очень грустно.

– Ий, скажи, тебе нравится мой брат? – спросил Роман.

– Да, очень.

– А чем?

– Ну, я не знаю, но мне кажется, что он какой-то настоящий, что ли...

– Эдакий мачо, да?

– Нет, не в этом дело. Просто он... ничего из себя не строит, он честный с самим собой и с другими тоже. Ну, вот как-то так... А ты почему спросил?

– Просто из любопытства. А как ты считаешь, он интересный мужчина?

– Ну, наверное... Я с этой точки зрения на него не смотрела, но девчонки у меня в салоне очень даже высоко его оценили. Только он какой-то неприкаянный.

– Ты его жалеешь?

– Ну, немножко... Просто он мне нравится. А мне всегда хочется, чтобы людям, которые мне нравятся, было хорошо.

– Старица Софья по всему миру сохнет, – проворчал Роман.

– А ты почему злишься? У тебя неприятности на работе?

– Что за чепуха! У меня все прекрасно на работе.

– Ты в последнее время стал какой-то раздражительный, нервный.

– Будешь нервный с этими московскими пробками.

– Все дело в пробках? – не поверила Ия.

– Ну, я же сказал, кажется, все это понимают. Хорошо тебе на твоём скутере, в любую щель пролезешь.

– Ну заведи себе тоже скутер.

– Я не могу себе этого позволить! Начальник на скутере – это неприлично. Да и модный дизайнер тоже, между прочим.

– Дизайнер может себе позволить такую вольность, а чиновнику, конечно, не пристало! – рассердилась наконец Ия.

Роман ушел, хлопнув дверью.

Чего он бесится? А может, интрижку завел? Совесть мучает? Противно засосало под ложечкой. Вот знаю же, что мужчины верными крайне редко бывают, а Ромка красивый, успешный, на него наверняка немало охотниц, только выбирай... А все равно больно. Еще как больно. Но, может, все это только мои подозрения, может, и нет ничего, а я уже страдаю? Но выяснять что-то просто ниже моего достоинства. Пусть все идет как идет. А может... Ее посетила совсем новая догадка. А может, он ревнует меня к Мише? Потому и злится? Потому и расспрашивал сегодня, как я к нему отношусь? Да, кстати, это больше похоже на правду, обрадовалась вдруг Ия. Такой вариант ей куда больше нравился. Она же знала, что у нее совесть чиста. Хотя чувствовала, что нравится Мише. Но он не из тех, кто станет приставать к жене брата. Исключено. Значит, собственно, все хорошо. Она облегченно вздохнула и отправилась в салон.

День выдался трудный, у одной клиентки, заказавшей очень сложное и дорогое платье, сорвалась свадьба, она приехала в салон отказываться от него, рыдала, даже билась в истерике, требовала назад деньги, грозила судом, а когда Ия сказала, что может вернуть ей означенную в договоре сумму только в два приема, закричала, что ославит ее салон на всю Москву. Тоже мне, модное заведение, а сами нищие и т. д. и т. п.

В результате за ней приехал отец, извинился и увез несчастную. Но нервы у всех были на пределе.

– Знаешь, Ийка, – сказала Аня, – она когда выбрала это навороченное платье, я сразу почему-то подумала, что свадьба у нее сорвется.

– Почему? – удивилась Ия. – Я и посложнее заказы выполняла, и ничего...

– Не знаю. Интуиция, наверное.

– А у меня с интуицией как-то слабо, – призналась Ия.

– Жареный петух еще не клевал, – заметила Аня.

– Да нет, интуиция – это штука врожденная...

Едва все успокоились, приехал жених одной из заказчиц забрать платье, так как сама она подвернула ногу, и с места в карьер начал приставать к Ане, да так, что той пришлось облить его водой из стакана. Он оскорбился и стал кричать, что нечего мол из себя целок строить, все знают, чем в этих самых салонах занимаются.

– Молодой человек, вы что-то напутали, – ледяным тоном проговорила явившаяся на шум Ия. – Это не салон эротического массажа! Вам, вероятно, туда надо было. Я сейчас позвоню вашей невесте и узнаю, куда она вас отправила.

Он испугался и поджав хвост ретировался.

– Нет, ну бывают же такие дни... – перевела дух Аня. – Но бог любит троицу, будет что-то еще, до кучи.

Однако до конца рабочего дня все было спокойно. Но Ия находилась в таком взвинченном состоянии, что идти домой не хотелось, а то непременно поругается с мужем после утренней разминки. Она позвонила домой и предупредила, что задерживается.

– Поужинай сам.

– Ладно, ко мне тут Михась зарулил, мы немножко дернем по случаю пятницы. Вот Михась спрашивает, не надо ли за тобой зайти.

– Да нет, не нужно. Сейчас светло допоздна, а тут два шага.

– Только дворами не ходи, иди по улице.

Вот и хорошо. Там Миша, пусть посидят без меня, а я поработаю. Надо раскрыть два сложных платья и лучше всего это делать, когда никто

не мешает. И она с удовольствием взялась за дело.

– Слушай, Михась, тебе нравится моя жена? – спросил изрядно подвыпивший Роман.

– Конечно.

– А как она тебе нравится?

– Не понял?

– Как женщина?

– Ты что, ревновать вздумал? – улыбнулся Михаил.

– Неважно. Мне интересно, она, по-твоему, привлекательная баба?

– А то! Очень даже, но ты живи спокойно, я на жену брата никогда не посягну. Да и она не из тех.

– Миш... А если я тебя попрошу?

– О чем?

– Ну... это... посягнуть?

– Чего? – ошалел Михаил.

– Посягнуть... на жену брата?

– Ромка, ты чего несешь? – добродушно рассмеялся Михаил.

– Михась, а ты бы мог на ней жениться?

– Ничего не понимаю!

– Слушай, брат, помоги! Понимаешь, я к Ийке прекрасно отношусь, я по-своему даже люблю ее, но мне представился такой шанс, не передать... Я все равно от Ийки уйду...

– Какой еще шанс?

– У меня баба завелась... такая... Но дело не в этом. Баб кругом до черта. Просто такой шанс выпадает раз в жизни, и если я его упущу...

– Что, дочка какого-нибудь олигарха? – недобро прищурился Михаил.

– В самую точку, брат. И она по мне помирает! Она красавица, умница.

– А ее папаша не будет возражать против зятя практически босняка? Что в сравнении с олигархом какой-то чиновник «Аэрофлота», отставной летун?

– В том-то и дело! Папаша сам в прошлом летун, и он берет меня на должность директора своей новой авиакомпании.

– Ты скажи какой, чтобы я никогда не летал ее самолетами.

– Почему это?

– Потому что директор с такими моральными принципами – это опасно для многих жизней.

– Брось, Мишка, какие, на фиг, принципы?

– Да ведь ты только что предложил мне свою жену. Хочешь уйти,

уходи, ну поплачет Ия, а потом найдет себе другого, может, не такого уroda... Ты ведь, сволочь, что выдумал, что я поведусь на твое предложение, ты нас застукаешь и уйдешь якобы оскорбленный? Так ты не только полное говно, ты еще полный идиот. Да ты мизинчика Ийкиного не стоишь! Вот не думал, что брат у меня такая мразь! На, получи!

И Михаил с удовольствием врезал брату под дых.

– Совсем спятил? – прохрипел тот и попытался дать сдачи. Но у него это плохо получилось.

– Значит так, сволочь, ты сию минуту собираешь манатки и выматываешься отсюда. Давай-давай, торопись к своей олигархической крале. Живо!

– Это, между прочим, моя квартира!

– Между прочим, братик, приличные мужики, уходя от жены, оставляют квартиру ей, и я уж прослежу, чтобы так и было. Кстати, думаю, олигархическая крале не одобрила бы тебя, если б узнала, что ты поступил иначе. И ее папа тоже. Ты хотел, чтобы я тебе помог? Вот я и помогаю! Катись отсюда! Давай, торопись, пока Ия не пришла.

А ведь неплохо получилось, мелькнуло в голове у Романа, смылю сейчас, и не надо никаких объяснений... Здорово, ни слез, ни упреков!

Он быстренько покидал в дорожную сумку самое необходимое и выскочил на лестницу, чтобы, не дай бог, не столкнуться с женой. Уже сидя в машине, он позвонил.

– Кристина? Это я. Все. Я ушел. Сейчас еду к тебе.

– Ромка! Какой ты молодец, я не ожидала, что ты так быстро решишься... Люблю тебя!

– И я!

Ох, черт, получилось «Ия», с досадой подумал Роман. И тут же увидел, что Ия идет к подъезду. Он счел за благо сползти на сиденье. И не без злорадства подумал: вот сейчас Мишка хлебнет! И едва жена скрылась в подъезде, он вырулил со двора. Свобода, блин, свобода, блин, свобода!!!

Когда Ия вошла на кухню, Михаил мыл посуду.

– Привет, Миша! А Ромка где?

– Его нет.

– А где он?

– Иечка, сядь.

– Миш, что случилось? Он же был дома, я с ним говорила.

– Был, но... сплыл.

– Миш, что значит сплыл? Куда сплыл?

– Ну, насколько я понял, куда-то в сторону Рублевки.

– Что это значит? Миш, с ним что-то плохое случилось? Его «скорая» увезла?

– К сожалению, нет. Послушай, Ия... – Михаил совершенно растерялся от ее присутствия. Пока он ждал ее, ему казалось, он просто скажет ей все, как есть, но сейчас у него язык не поворачивался.

– Вы поссорились?

– Было дело.

– Из-за меня?

– Ну... в общем, да.

– Тогда почему он ушел, а ты остался? Он что, приревновал меня к тебе?

Он понял, что не выдержит больше.

– Нет, Ия, он ушел от тебя. К другой. Дочке олигарха.

– Миша, ты врешь!

– Нет, Иечка, я не вру. Просто мне тяжело передать тебе то, что он говорил мне...

Она страшно побледнела.

– Говори. Все как было! Хотя подожди! – Она достала из буфета коньяк и налила в стакан. Залпом выпила. – А теперь говори!

Он сказал. Она молчала. Глаза были сухие, только голубая жилка на длинной нежной шее обозначилась резче и руки слегка дрожали. Если бы она плакала, он бы знал, как ее утешать, но сейчас он вконец растерялся. Ему было ее нестерпимо жалко.

– Я не хочу тут жить, – с трудом проговорила она. – Я перееду к сестре.

– Но ты же говорила, что собираешься сдавать ее квартиру. И к тому же этот усосок в площади вряд ли будет нуждаться, я объяснил ему, что приличные мужики оставляют квартиру жене...

Она вдруг улыбнулась.

– Ты объяснил ему это только на словах?

– Нет, я ему врезал...

Она вдруг протянула руку и погладила его по щеке. Он задрожал.

– Спасибо, Миша! Но он же твой брат, а я тебе никто... Почему ты это сделал?

До нее еще не дошло... она еще не понимает... Это шок, наверное.

– Почему я это сделал? Потому что мне стало стыдно за родного брата.

– Ну надо же... Неужели в наше время еще есть такие мужчины? Вступиться за женщину... Я не ожидала... Это красиво...

– Ийка, ты почему не плачешь?

Она подняла на него измученные глаза.

– Не получается, – прошептала она. – Внутри все болит, ужасно больно...

У него сердце сжалось от сочувствия. Он подошел к ней, поднял со стула, обнял.

– Иечка, маленькая, поплачь... Тебе будет легче. Черт с ним... Он твоего мизинчика не стоит... Ничего, может, и хорошо... Зачем тебе этот подонок? Ты такая прелестная девочка, одна не останешься, у тебя есть дело в жизни, ты не пропадешь, и на меня всегда можешь положиться... Ну, что ты, маленькая?

– Я не маленькая, я жердь...

– Это кто тебе такую чушь сказал, а?

– Мама, – вдруг совсем по-детски жалобно проговорила она. – Я сама слышала, как мама говорила подруге: «Алинка у меня красавица, а Ийка жердь жердью». А в школе меня вообще жирафой прозвали... – И тут вдруг она громко всхлипнула и, наконец, разрыдалась.

Слава богу, подумал Михаил, не разжимая объятий и продолжая нашептывать ей ласковые слова. А она доверчиво прижималась к нему. Но вдруг подняла зареванное лицо.

– Миша, а почему... Тебя меня просто жалко или...

– Или! – ответил он твердо. – Я люблю тебя, Ия, – неожиданно даже для себя проговорил он.

– Любишь? Или просто хочешь?

– Люблю и хочу. Но, главное, люблю. С первого взгляда. Вот как ты дверь мне открыла, я посмотрел... и пропал. Думаешь, почему я в Москве торчу?

– Тогда ты должен радоваться, что Ромка меня бросил?

– Дурочка! – нежно улыбнулся он. – Как я могу радоваться твоему горю? И потом, ты-то меня не любишь?

– Наверное, смогла бы...

И она вдруг поцеловала его в губы. Он задохнулся, сжал ее что было сил и вдруг рванул молнию у нее на спине. Она каким-то неподражаемо грациозным движением выскользнула из платья.

– Ты потом не пожалеешь? – прошептал он.

– Потом будет потом.

Больше слов им не потребовалось.

Владислав Александрович встретился с Ниной, чтобы обсудить с ней

новую концепцию программы.

– Поймите, Ниночка, программ о разведке на телевидении существует не так уж мало.

– Что верно, то верно. Но мы же в принципе уже все придумали и получили добро, а теперь...

– Поймите, Нина, когда я предлагал тот вариант, я еще много не знал о нашей героине. Это просто фантастика, невероятная история.

Я когда прочитал, просто обалдел. Нельзя лишать зрителей такого захватывающего повествования. Вот, посмотрите, я прикинул, тут можно сделать цикл передач, коротких, не больше двадцати минут, и каждый раз заканчивать так, чтобы всем хотелось как можно скорее узнать, что будет дальше. Вот тут я сделал прикидки, ужал все до минимума, собственно, сохранил только основные моменты... Короче, посмотрите.

Он передал ей флэшку.

– Я прямо сейчас взгляну, чтобы не терять время.

– О, это совсем хорошо! И еще, я подумал, что... Короче, я расписал текст на двоих...

– То есть?

– По-моему, многое следовало бы рассказывать женщине... Какие-то ее любовные признания... А я возьму на себя политическую и событийную составляющую.

Нина недовольно поморщилась.

– Нет, Владислав Александрович, мне это не нравится. Вы предлагаете то, от чего мы с вами именно хотели уйти, то есть своего рода реконструкцию. Не надо этого.

– Я просто подумал, что зрителям надоест на меня смотреть.

– Это вряд ли. Вы здорово харизматичный человек. Мужская аудитория будет вам верить, а женская... Помимо того, что поверит вам, будет еще и увлеченно следить за вами. Такие интересные и значительные мужчины, которые к тому же рассказывают столь занимательные вещи, не так уж часто возникают на экране. А какая-нибудь актрисуля все только испортит и подорвет доверие. Нет, в кадре будете только вы. Да, а в каком виде эти мемуары?

– Это четыре толстенные тетради.

– Вот их-то мы и покажем. И еще фотографии молодой героини. И двадцать минут – это не формат. Двадцать шесть. И по две минуты рекламы, до и после. Прерывать рекламой ваш рассказ, пожалуй, не будем. Хотя, боюсь, это вряд ли получится.

– Да уж, куда нынче без рекламы. И вы думаете, что моя говорящая

голова не обрыднет зрителю?

– Посмотрим. Но думаю, нет. И вот что, Владислав Александрович, я посмотрю, что вы тут написали.

– Подождите, Нина, не стоит, я же имел в виду еще женщину...

– Ничего, как-нибудь соображу. Дайте мне полчаса.

– Хорошо, а я пока смотаюсь на бензоколонку.

– Прекрасно. Но не задерживайтесь. Мне хватит получаса.

– Мне тоже, заправка тут недалеко.

Действительно, через полчаса он вернулся.

– Это и впрямь фантастика, – встретила его Нина. – Я просто не понимаю, как ей удалось уцелеть в те жуткие времена?

– Она сказала, что в ее судьбе было три составляющих – авантюризм, страх и везение. А я добавил еще одну – редкий талант.

– Да, это невероятно захватывающая история... Вот что, Владислав Александрович, давайте-ка поступим так... Во вторник...

– Нина, во вторник я ничего не могу, я провожаю родителей и сына в Испанию, это займет целый день.

– Тогда в среду.

– А что, собственно, в среду?

– Я хотела записать пилотную программу и буду предлагать это руководству.

– А в котором часу?

– Вы в среду тоже заняты?

– Да. Я обещал нашей героине отвезти ее в салон свадебных платьев.

– Шутите? – вытаращила глаза Нина. – Она что, в девяносто лет собралась замуж?

– О нет. Просто там шьют еще и вечерние платья, а Мария Евграфовна собирается на юбилей своего коллеги и хочет там всех убить.

– Обалдеть! Вот это я понимаю! Я в восторге. А кстати, неплохо было бы, предваряя ваш рассказ, как-то упомянуть об этом.

– А что, можно! Например, я войду в кадр чуть запыхавшийся, извинюсь и скажу, что только что возил нашу героиню в модный салон...

– Только нельзя называть салон, это будет рекламой.

– Да это я понимаю. Знаете, Нина, с вами приятно иметь дело. Вы все хватаете на лету.

– Спасибо, Владислав Александрович.

– Да нет, просто Влад.

– Отлично, Влад. А в четверг вы свободны?

– Как ветер, и весь в вашем распоряжении.

– Даже хорошо, что все немного откладывается, я все более тщательно подготавливаю, в среду приходит из отпуска наш лучший оператор... Я достаточно суеверна, но мне сдается, что все у нас получится. Но вообще-то сам бог велел сделать из этой истории хороший сериал, увлекательный, с первоклассными артистами...

– Боюсь, вся история может здорово опозлиться.

– Это не исключено, вопрос в том, кто будет это делать. Сценарий должны писать только вы. У вас есть личное отношение к героине, к ее истории, и вы не допустите пошлости.

– Я-то, может, не допущу, но вы же знаете, что сценарист существо довольно бесправное.

А с каким отношением подойдут к материалу режиссер и, главное, продюсеры... Тут никаких гарантий нет. Таких понимающих продюсеров, как вы, Нина, я еще не встречал.

– Не преувеличивайте, Влад. Просто если напишете сценарий, не отдавайте его кому попало, найдите все-таки понимающего продюсера. Они иногда встречаются.

– О, до этого далеко. Еще надо написать сценарий, а я ведь этого никогда не делал, не умею. Конечно, не боги горшки обжигают, но лучше найти напарника-единомышленника.

У меня есть кое-кто на примете.

Ия проснулась и в первый момент ничего не поняла. Сквозь приоткрытую дверь спальни доносились шаги, пахло кофе. Странно. Ромка встал раньше меня и варит кофе? Невероятно! Но тут она все вспомнила. Боже, что я наделала! Зачем переспала с Мишей? Хотя это было прекрасно... Куда лучше, чем с Ромкой... Какая же он сволочь! Ну ничего, я ему немножко отомстила. И все равно, он законченный подлец! Трус! А Миша... А Миша настоящий мужик. Таких теперь не делают. И наверное, хорошо, что все получилось именно так, как получилось... Я сегодня же позвоню Ромке и потребую развода. Жаль, я не видела, как Миша врезал ему... Хотелось бы это видеть... Ах, какое ничтожество... Продался... Но ведь хорошо, что это случилось сейчас... И у нас нет ребенка... Наверное, я теперь буду с Мишей... Он меня, кажется, действительно любит... И какое счастье, что он был здесь... Каково бы мне было пережить такое одной?

– Проснулась? Кофе будешь? Я смотрю, ты улыбаешься?

– Да. Я буду кофе. Спасибо, Миша.

– Тогда одну минутку!

И действительно, через минутку он появился с подносом, на котором стояла чашка кофе, стакан воды со льдом и веточка цветущей герани в рюмочке.

Ия невольно рассмеялась.

– Ничего, что я цветочек сорвал? Розы не было.

– Мишка, какой ты хороший... Спасибо тебе. – На глаза навернулись слезы.

Он сел на кровать.

– Иечка, знаешь что, а давай ты переберешься ко мне? Это, конечно, не так близко от твоего салона...

– В том-то и дело. Столько времени терять на дорогу... Миша, а ты... ты сколько еще пробудешь в Москве?

– Еще пять дней.

– А потом? Я не хочу, чтобы ты уезжал.

– Ничего, маленькая, мы что-нибудь придумаем. – Он обнял ее и стал целовать. И она отвечала ему. Ей было хорошо с ним. Надежно. И нестрашно. Мысль о том, что скоро, совсем уже скоро она останется одна, была непереносима.

– Иечка, – сказал он ей накануне отъезда, – я завтра уеду.

– Я знаю, – потерянно проговорила она.

– Но я вернусь, я решил... Я возвращаюсь в Москву. Я даже подыскал себе работу.

– В Москве? Работу? Какую?

– В МЧС.

– Боже! И кем ты там будешь работать?

– Ну, на первых порах спасателем, у меня большой опыт, а там видно будет. Я же все-таки горный инженер, и это тоже кое-что значит... могу и в метро работать.

– Но ты... ты же говорил, что не хочешь жить в Москве?

– Это было раньше. До тебя.

– Но это же очень опасная работа!

– Не более опасная, чем многие другие. Ты только скажи, ты будешь со мной? Одно твое слово – и я москвич!

Ей вдруг стало страшно. Я же еще не знаю... люблю ли я его или просто прислонилась к нему, когда муж меня бросил? А он уже готов поменять в корне свою жизнь. А вдруг я не смогу соответствовать? И буду чувствовать себя виноватой?

– Я понял. Ты пока сомневаешься. И это естественно. И правильно. Я,

как всегда, погорячился. Давай сделаем так: я пока не буду перебираться в Москву. Давай подождем, проверим твои чувства...

– Только мои? – испуганно спросила она.

– Только твои, маленькая. И не думай, я вовсе не обижаюсь. Если хочешь знать, мне даже нравится, что ты не кидаешься ко мне очертя голову, от обиды на Ромку.

– А разве я уже не кинулась?

– Это не в счет. Это вообще не главное в жизни. А я не хочу на тебя давить. Вдруг ты встретишь кого-то другого...

– Брось, Миша!

– Да почему? Вот я уеду, ты остынешь, разберешься в своих чувствах, определишься, как тебе жить дальше. Сама. И если тогда сочтешь, что я... что я подхожу тебе... Ну, тогда... Тогда мы будем вместе. Но уже осознанно. Как и подобает взрослым людям.

Она смотрела на него во все глаза.

– Ты что так на меня пялишься? – улыбнулся он.

– Потому что... я думала, что таких мужчин в жизни просто не бывает. Только в книгах и в кино.

– Каких это?

– Настоящих.

– О, я польщен. Но, уверяю тебя, они все-таки есть. Только вы, девчонки, не там ищите.

– А где же надо искать? В МЧС?

– Ну, разговор перешел в теоретическую плоскость, – рассмеялся он. – Но твои слова вселяют в меня надежду, а это очень важно, когда расстаешься с любимой женщиной. А вообще, жизнь такая странная, абсолютно непредсказуемая штука. Вот, например, когда я шел к вам в пятницу, я даже отдаленно не мог себе представить, что Ромка смылит от тебя и все примет такой оборот. Я сознавал, что влюбился в тебя по уши, но твердо знал, что мне ничего не светит, я никогда в жизни не стал бы... не смог бы обнаружить свои чувства к жене брата... И вдруг... Поэтому я и уеду. Сейчас все еще слишком горячо, как говорится, с пылу, с жару...

– Но... Ты будешь мне звонить?

– Конечно. Я вовсе не собираюсь бросать тебя на произвол судьбы. И если что-то случится, ты сразу мне сообщай. И я оставлю тебе ключи от своей квартиры, на всякий случай. Мало ли что...

– Ты думаешь, Ромка может меня выгнать?

– Не должен, иначе будет иметь дело со мной. Но я же не знаю, насколько он прогнил... Или вдруг его олигархическая девушка выгонит

его? Мало ли...

– Миш, а почему ты не сдаешь свою квартиру?

– Сдавал. Но больше не хочу. Это квартира родителей, а там после чужих людей... воздух другой. Не хочу!

– Надо же, родные братья, и так не похожи...

– Бывает. Ну все, хватит разговоров, иди ко мне...

В салоне Ия старалась никому не показывать своего настроения. И никому ничего пока не говорила. Она знала, что, если начнет говорить, не выдержит, расплечется, ей будут сочувствовать из-за поступка мужа, но безусловно осудят за столь скоропалительную связь с деверем, а потому она молчала. Когда оставалась одна, обида наваливалась неподъемной тяжестью, а когда Миша был рядом, ей дышалось совсем по-другому. Может, это и есть любовь? Может, Ромку я не любила вовсе, а Мишу люблю? Не знаю. Ничего я не знаю. Он такой надежный и умный... Все верно решил. Мне необходимо во всем самой разобраться.

– Ий, ты чего такая кислая, а? – спросила как-то Аня.

– Да ничего, просто чувствую себя неважно, простыла, наверное. Не обращай внимания.

Ия на своем скутере возвращалась из налоговой инспекции. Слава богу, как гора с плеч, там все в порядке. И вдруг ей нестерпимо захотелось выпить кофе с каким-нибудь вкусным пирожным. Она сама себе удивилась – надо же, меня бросил муж, мерзко и цинично, а мне чего-то еще хочется. Удивительно. Обрадовавшись этому желанию, она заехала в симпатичное уличное кафе в двух кварталах от салона. Но едва она съела две ложки ванильного торта, как ей позвонила Аня.

– Ий, ты далеко?

– Нет, а что? Скоро буду!

– Слушай, тут пришли клиенты и тебя спрашивают.

– Их много?

– Двое, но такие странные...

– Чем странные?

– Старуха, совсем старая, хотя еще и смотрится, и с ней мужик, лет за сорок, здорово интересный. Хотят старухе платье заказать, но требуют тебя.

– Ладно, скажи, я буду через четверть часа! Дай им пока журналы посмотреть, что ли.

– Не хотят журналы, тебя хотят.

– Все, еду! – вздохнула Ия, спешно доедая кусок торта.

И через семь минут она уже входила в салон.

– Ия! – поднялся ей навстречу Владислав Александрович.

Она опешила. Вот уж кого она никак не чаяла увидеть в своем салоне. Он радостно ей улыбался. А она отчего-то испугалась.

– Владислав Александрович, какими судьбами?

– Вот, Мария Евграфовна, позвольте вам представить Иечку, хозяйку всей этой красоты.

В кресле сидела старая женщина с царственной осанкой и со следами былой красоты.

– Здравствуйте! – пробормотала Ия. – Очень приятно.

– Такая обворожительная молодая девушка и уже хозяйка фирмы! Вы, наверное, думаете, что этой странной паре понадобилось в вашем салоне? Так вот, через десять дней предстоит некое торжество, на котором я должна быть, и мне хотелось бы...

– Я знаю, что вам нужно, – вдруг страшно воодушевилась Ия. – Вам нужно сногшибательное платье, да? И я уже вижу это платье!

– В самом деле?

– Да! Мы на днях получили ткань как будто специально для вас! Я сию минуту принесу.

Она скрылась за дверью. Владислав Александрович ощутил укол разочарования. Ей, кажется, наплевать на меня, она сразу взялась за работу, которую, по-видимому, очень любит, и зачем ей какой-то немолодой дядька?

Ия вернулась, держа в руках довольно большой рулон мягкой материи цвета старого тусклого золота.

– Вот!

Мария Евграфовна протянула руку, пощупала ткань.

– С ума сойти! Это именно то, чего я хотела! Как вы точно, с первого взгляда, угадали, деточка? У вас и впрямь талант. Теперь надо выбрать фасон.

– Простите, а вы не могли бы...

– Вы хотите спросить, не могла бы я постоять, пока вы наколете платье на мне, да? Могу! Мне хоть и исполнилось уже девяносто, но ради красивого платья могу и постоять.

– Девяносто? – ахнула Ия. – Не может быть!

– Может, деточка, может!

– Я просто преклоняюсь перед вами. И вы еще на каблуках, с ума сойти! – Ия принялась ловкими уверенными движениями накалывать ткань. И уже через несколько минут силуэт будущего платья был отчетливо

виден. – Ну вот, как-то так...

– Ия, вы чудо! Все именно так, как я и хотела.

– Чудесно, Мария Евграфовна! А на примерку я сама к вам приеду.

– Это возможно?

– Ну конечно. Ведь у вас наверняка есть большое зеркало?

– Разумеется, есть! – рассмеялась Мария Евграфовна. – Знаете, мне доводилось общаться с Коко Шанель. Вот у нее был такой же точный взгляд.

– Спасибо, это лучший комплимент. Прошу вас, постоит еще минутку, я сфотографирую платье. Мария Евграфовна, а вы... вы покажете мне ваши фотографии в молодости?

– Непременно, деточка, там есть на что посмотреть, – с неподражаемой улыбкой произнесла старая женщина.

– А почему вы обратились ко мне? Откуда вы обо мне узнали?

– Мне многие говорили о вас, я попросила Влада меня довести, а он, оказывается, знает вас с детства.

– Ну да, у него был роман с моей сестрой. Моя сестра настоящая красавица.

– Не знаю, какая там ваша сестра, но вот вы совершенно очаровательная девушка. Хотя у вас очень грустные глаза. Но об этом мы поговорим, когда вы ко мне приедете. Хорошо? Только приезжайте так, чтобы после примерки еще посидеть, поболтать, попить кофейку. Когда вы могли бы?

– Если ничего не случится, то, скорее всего, в субботу, во второй половине дня. Вам удобно?

– Вполне. Буду вас ждать.

– Я вам позвоню в пятницу и уточню время.

– Ну что ж, все лучше, чем я могла предполагать. Я очень довольна, деточка.

Они вышли из примерочной. Владислав Александрович поднялся им навстречу и вдруг снял очки. Ия в который уж раз вздрогнула.

Я всегда забываю, какие у него голубые глаза... Смешно, ей-богу!

– Влад, я в восторге! – сообщила ему Мария Евграфовна. – Ия удивительно талантливая девушка.

– Мария Евграфовна, вы меня захвалите. Рано еще.

– Ну, деточка, похвала нужна художнику! Но только искренняя.

– Когда поедем на примерку? – поинтересовался Владислав Александрович.

– Иечка обещала сама ко мне приехать. Очень любезно с ее стороны.

– Ия, вы за рулем? – спросил он.

– Да. Я на скутере.

– А что такое скутер? – полюбопытствовала Мария Евграфовна. – Мне казалось, это что-то морское?

– Это что-то вроде мотоцикла, – объяснил Владислав Александрович.

– Только прошу вас, Иечка, будьте осторожны! – потрепала ее по плечу Мария Евграфовна.

Владислав Александрович подал старухе руку, и они ушли.

– Ийка, кто она такая? Похожа на артистку.

– Не знаю, Ань, как-то не спросила. А знаешь, сколько ей лет?

– Думаю, лет семьдесят пять?

– Девяносто!

– Не брешешь?

– Зачем? Но фигура! И вообще...

– Да! Сильна бабка! В девяносто еще по модным салонам разъезжать!

А это ее сын, что ли? Или внук?

– Нет. Что не сын и не внук, это точно. Ну, может, двоюродный племянник... Я вот в субботу поеду к ней на примерку, может, что-то и узнаю.

– А он здорово интересный... И, по-моему, я его по телику видала. А он вроде тебя знает?

– Ага. Он был когда-то Алинкиным любовником.

– Да? Как интересно! И кто кого бросил?

– Я уж и не помню, я тогда маленькая была.

Но тут явились еще две клиентки, и разговор пришлось прервать.

– Влад, она мне понравилась. В ней и вправду есть что-то от жирафенка, но родившегося на озере Чад ^[1]. Только у нее какое-то горе.

– Горе? С чего вы взяли?

– По глазам поняла.

– Да ну, скорее всего, просто критические дни.

– Фу, какой вы циник. И бесчувственный к тому же. Женитесь на ней, Влад. Это то, что вам нужно. Поверьте старухе.

– Да с какого перепугу мне на ней жениться? – вдруг страшно разозлился он. – Она замужем, ее муж молодой, красивый, бывший летчик... Зачем я ей сдался? Да и она мне?

О чем мне с ней говорить? О фасонах? О последних тенденциях свадебной моды? И вообще...

– И вообще не лезьте не в свое дело, старая дура?

- Ничего подобного я не говорил и даже не думал.
- Влад, но вы же мне сами рассказали про жирафенка.
- Да, рассказал о своем мимолетном впечатлении, а вы уж собрались меня на ней женить! Абсурд!
- Ладно, не злитесь и простите старуху!
- Да я не злюсь, – проворчал он. – А что касается глаз, то они у нее и в юности были какие-то трагические. За этим ровным счетом ничего не стоит.
- Хорошо-хорошо, я уже все поняла.

Мария Евграфовна примирительно похлопала его по руке, а про себя подумала: удивительно, до чего же тупы бывают даже самые умные и проницательные мужчины. А сейчас, в двадцать первом веке, особенно.

...Когда Ия подъехала к гаражу, где обычно стояла машина Романа и ее скутер, она не смогла его открыть. Так, понятно, видимо, Ромка поменял замки. Даже не предупредил, скотина. Ну и черт с ним, буду ставить скутер в салоне. Там есть место. А вот интересно, в квартире он тоже замки поменял? Она дрожащими руками вставила ключ в замок. Замок открылся. И то слава богу! И черт с ним, с гаражом, пусть подавится! Какая же я все-таки дура! Жила с человеком несколько лет, не подозревая, какой он на самом деле! И только в последние дни стала замечать, что он ведет себя странно...

А ведь вряд ли этот роман развивался так уж стремительно. Хотя кто знает... А интересно было бы взглянуть на нее. Я о ней ровным счетом ничего не знаю. Ни имени, ни фамилии. Можно, конечно, порыскать в Интернете, в соцсетях наверняка кто-то уже выложил на всеобщее обозрение такую новость – дочка олигарха... Да ну их к черту. Ничего не хочу знать! Она решила как можно скорее покончить со всем.

И написала Роману на электронный адрес: «Привет, я хочу поскорее развестись. Чего тянуть? Желаю счастья». Она осталась очень довольна этим текстом. Просто, лаконично, без истерик. Ответ пришел на следующее утро: «Спасибо. Я сейчас в Довиле. Вернусь, позвоню». Вона как, уже в Довиле! Молодец, Ромка. Она пыталась разобраться в своих чувствах. Кто я, в сущности? Просто талантливая швея. Какие у него со мной были перспективы? А тут... Ну и ладно. Главное, я люблю свое дело и хорошо умею его делать. Вон, эта чудная старуха даже сравнила меня с Шанель. Может, я тоже буду как Шанель... Вот Шанель все помнят, а кто помнит каких-нибудь богатых дочек? А у меня есть Миша... А есть ли он у меня? Вот он уехал... Откуда мне знать, а вдруг у него там есть постоянная женщина? Это было бы только естественно. Но он говорил, что любит

меня? Да мало ли кто что говорил! И он в постели настолько лучше Ромки. А может, просто я Ромку не волновала, а с олигархической дочкой он подвиги совершает? Или ее прельстил только экстерьер? Да ну, не хочу о нем думать...

И о ней тоже. Какое мне до них дело? Но все-таки Ромка – дерьмо. Надо же, гараж отнял. Боится, что я его машину угоню? Хотя ее там не было последние дни. А теперь небось поставил, как говорится, до худших времен. А сам уже ездит на «феррари»... Он всегда мечтал о «феррари». А я? Я о чем-нибудь таком мечтала? Когда мне было лет тринадцать – четырнадцать, мечтала о Владиславе Голубеве... А потом и думать о нем забыла. А теперь он вдруг опять возник. Зачем? Какие у него глаза... А впрочем, ну их всех к черту! Никому нельзя верить. Я и не буду.

Есть хотелось страшно. Она заглянула в холодильник. Он был практически пуст. Только упаковка селедки. О, испеку сейчас картошку. С селедкой то, что надо! И выпью водки. В этот момент зазвонил телефон.

– Ийка, это все правда? – узнала она голос старшей сестры.

– Ты о чем?

– Как о чем? Это правда, что Ромка ушел к Ольхиной?

– Ее фамилия Ольхина? А я и не знала.

– Ийка, да ты что? Значит, это правда?

– Ага. Ушел. К какой-то дочке... Ну и черт с ним.

– И ты ничего не подозревала?

– Нет.

– Вот скотина! И как у него язык-то повернулся!

– А он мне ничего и не сказал. Он предложил меня своему брату.

– То есть как?

– Очень просто. А Миша ему врезал...

И выгнал.

– Но это же его квартира! Слушай, сестренка, перебирайся в мою. Ты же еще ее не сдала?

– Спасибо, конечно. Но пока он меня отсюда не гонит, а твоя далеко от салона. Миша мне тоже свою предлагал. А вот из гаража он меня попер.

– Вот говнюк! Ийка, приезжай к нам, мама как узнала, все плачет, рвется тебе звонить, но я не даю, говорю ей: «От твоих утешений ей только хуже будет», ты же знаешь маму. Ий, а хочешь, я приеду?

– Да нет, Алин, спасибо. Я работой спасаюсь. Да, кстати, сегодня ко мне в салон Голубев заезжал.

– Обалдеть! Жениться, что ли, надумал?

– Пока вроде нет. Он привез ко мне потрясающую девяностолетнюю

старуху. Она заказала вечернее платье.

– Да? А знаешь она кто?

– Нет. Артистка?

– Да ты что! Она какая-то наша супер-супершпионка.

– Серьезно? А ты откуда знаешь?

– От Нинки! Она у меня на дне рождения предложила ему проект, какие-то передачи про разведчиков...

– Как интересно!

– Ий, а может, займешься?

– Чем? – не поняла Ия.

– Не чем, а кем. Голубевым. Я разрешаю. Ты ж по нему умирала.

– Когда это было! И к тому же... у меня в тот же вечер, когда ушел Ромка, закутилось с Мишей. Он такой хороший...

– Ийка, ну что за вкус! Громила громилой! Хотя он, наверное, хорош в койке?

– В сто раз лучше Ромки. Но он... уехал.

– Поматросил и бросил. Как там у Тимура Шаова было: «...та-та-та бросил, но как матросил!»?

Ия невольно фыркнула.

– Нет, он предложил мне сразу... остаться в Москве, даже вроде работу нашел... Но я не была готова. Но если бы не он, не знаю, как бы я все это пережила... Ой, Алинка, вот с тобой поговорила, мне полегче стало... А ты откуда узнала? Из Интернета?

– Ясное дело.

– И как, говоришь, ее зовут?

– Кристина Ольхина. Здорово красивая девка, двадцать три года, училась в Англии.

– Понятно. Значит, все уже знают.

– А ты надеялась это скрыть?

– Да нет. Просто противно.

– Ийка, а может, все-таки приедешь?

– Нет, у меня сейчас столько работы... Нереально.

– Ладно, сестренка, держись. Все лучше, чем я думала. Твой громила очень вовремя возник. Все, целую, пойду утешу маму. Буду звонить. Но квартиру все-таки не сдавай! На всякий случай!

– Хорошо, как скажешь. Поцелуй маму.

Когда на следующее утро Ия пришла в салон, Аня, рыдая, бросилась к ней.

– Ийка, я все знаю! Увидела сегодня тут твой скутер... Все поняла. Он тебя выгнал из квартиры. Подонок!

– Нет, из квартиры пока не выгнал. Только из гаража.

– А ты почему молчала, тихушница?

– А что, надо было всем хвастаться – меня муж бросил?

– Ну да... А знаешь, что я думаю?

– И что же ты думаешь?

– Что он поживет с ней и начнет потихоньку к тебе бегать.

– Ну уж нет! Я его и знать не хочу! И не съезжаю с этой квартиры только потому, что она так близко от салона. Мне и Алинка предлагала в свою перебраться, и Миша...

– Да? А больше Миша тебе ничего не предлагал?

– Ты о чем? – прикинулась непонимающей Ия. Ей не хотелось никого больше посвящать в эту историю.

– Да он же по тебе умирает, этот Миша. Он пару раз заходил за тобой, и я видела, как он на тебя смотрел.

– Ерунда, – поморщилась Ия. – Да, между прочим, знаешь, кто была эта старуха?

– Ну?

– Суперагент советской разведки!

– Брешешь! А вообще-то... да... похоже.

А ты откуда узнала?

– Алинка сказала. Она дружит с одной теткой с телевидения... А мужик, который ее привозил, оказывается, делает о ней программу.

– А, так он с телевидения, понятно. Ийка, а ты железная леди! Здорово держишься. Я бы уже растеклась в соплях...

– Не могу себе позволить, иначе прогорим.

– Ты сильна, я просто преклоняюсь!

– Да ладно тебе...

Владислав Александрович пребывал в раздражении. Вот вечно я так, даю людям сесть себе на шею. Какого черта мне понадобилось везти старуху к Ие? У нее есть Кира, могли бы вызвать такси и поехать. Мало того, она еще хочет мной распоряжаться. Женитесь, видите ли, на этой девчонке, у нее трагические глаза. Мало ли в Москве девчонок с трагическими глазами, так что ж мне, на всех жениться? Чушь собачья. Даже самые умные бабы бывают такими дурами... Неужто и в девяносто им еще охота вникать в чужие любовные истории? Поразительно!

А Ия и впрямь хороша. Но только я ей абсолютно не нужен. Как,

впрочем, и она мне. Да, хороша Маша, но не наша! Тогда почему я все время мыслями к ней возвращаюсь? Почему, увидев берлинского жирафенка, вспомнил о ней, и почти сразу судьба подкинула мне встречу с ней, а потом еще? Я не фаталист, но это же неспроста? Да ну, и в самом деле, о чем с ней говорить? Вот, к примеру, Нина, умная, интересная баба и к тому же явно равнодушна ко мне, и с ней всегда есть о чем говорить. И по возрасту она мне куда больше подходит. Мне сорок четыре, а Ие двадцать восемь. Шестнадцать лет разницы – это чересчур, а Нине тридцать восемь... Но почему-то сегодня мне приснилась не Нина, а именно Ия... С какой стати? Ладно, не буду с ней встречаться, и все пройдет. Можно, конечно, заморочить ей голову, переспать... Но это как-то нехорошо, некрасиво. А вот переспать с одинокой Ниной – это попросту акт милосердия. Но совершенно не хочется быть милосердным. Ладно, решено, не буду видеться с Ией. Слава богу, она сама приедет к старухе на примерку, а я ни за что в субботу туда не пойду. Ишь ты, она гоняет на скутере... Как-то не вяжется с ней... Интересно было бы взглянуть... А на что тут глядеть? Подумаешь, невидадь – долговязая девица на скутере, чепуха!

И он взялся за работу.

А Михаил тосковал. И беспокоился. Как она там? По телефону говорит, что все нормально, но когда берет трубку, голос у нее какой-то неживой. А когда слышит, что это я, оживает. Неужто я и вправду для нее что-то значу?

И если так, то это счастье. А говорят, не бывает любви с первого взгляда. Еще как бывает! Вот только увидал ее и погиб. А все-таки она меня еще не любит... Любит этого поганца Ромку? Или просто самолюбие уязвлено? Ну еще бы... Каково молодой красивой женщине пережить, что ее бросили ради другой, богатенькой дочки? Даже мне, его брату, от этого тошно, а уж каково ей? Могу себе представить... Эх, был бы я сейчас с ней, наверное, ей было бы легче. Но она же сама не захотела... И это правильно. Она хотела быть честной со мной. Может, когда-нибудь я еще поблагодарю братишку за то, что бросил жену. Хотя шансы мои не очень велики. Она привыкла небось вращаться в модных кругах... А я? А что я? Еще молодой здоровый мужик, с руками, с головой, и вовсе не урод, и я ей определенно нравлюсь... Вот Ромка, он вроде бы по экстерьеру куда больше ей подходит, лощеный столичный чиновник, а что из этого вышло? К тому же я всегда пользовался успехом у баб, и я точно знаю, ей со мной было по-настоящему хорошо. Она меня хотела не только из благодарности. Да, все

правильно, мне нужно было уехать, пусть переварит свою беду, пусть соскучится по мне. Конечно, придется перебраться в Москву, сюда она не поедет. Что ей тут делать? А я всегда и везде найду себе применение, мы поженимся, она родит мне дочку... Я почему-то хочу дочку с такими же глазами вполлица, как у моей Ии, и назовем дочку Лия, и у меня будут Ия и Лия... Красиво, черт побери! Вот размечтался, идиот! Рано, брат Миша, мечтать о семейном счастье, рано. А я ведь никогда о таких вещах не мечтал, боялся семейных уз как черт ладана. Здорово же она меня зацепила...

В субботу Ия поехала к Марии Евграфовне. Та встретила ее с радостью.

– Иечка, вы так пунктуальны, это дорогого стоит в наше время. Проходите, деточка. Я волнуюсь.

– Да что вы, не надо волноваться, думаю, все будет отлично. С вашей фигурой...

Примерка привела старую женщину в восторг.

– Боже, какие линии, а вот эта сборка просто чудо! Ия, вы волшебница! Почему вы сидите в Москве, вам надо в Париж!

– В Париже мне не пробиться, я пробовала в Испании, тоже не вышло, а вот в Москве пошло. Видимо, дома и стены помогают, – улыбнулась Ия. – Я люблю свою работу. И Москву люблю. И потом, у меня нет никаких сверхамбиций. Но, по-моему, надо чуть-чуть, буквально на сантиметр подкоротить.

– Пожалуй, не стоит.

– А я сейчас подколю, вы посмотрите.

– А ведь вы правы, так лучше. Будет еще примерка?

– Обязательно! Платье непростое, это необходимо. Я к вам приеду, даже, наверное, завтра к вечеру, если вам удобно?

– О, разумеется, удобно!

– А во вторник или, самое позднее, в среду платье будет готово.

– Чудесно! Торжество в следующую субботу, и я успею его обжить. Терпеть не могу надевать необжитые вещи на люди.

– Это очень мудро.

– Ну все, сейчас будем пить чай с вишневым пирогом. Любите вишневый пирог?

– Знаете, я, наверное, никогда не ела... Разве что штрудель с вишнями...

– Прекрасно, значит, попробуете. Моя Кира потрясающе печет! Вам

чай или кофе?

– Кофе, если можно.

– Можно.

Пирог и вправду был выше всяких похвал.

– Мария Евграфовна, вы обещали мне показать фотографии.

– Раз обещала, покажу.

Она принесла толстенный альбом, где аккуратно, в хронологическом порядке были размещены фотографии, от младенческих до нынешних.

– Ну, детские мы пропустим, – сказала Мария Евграфовна. – Это неинтересно. А вот тут мне уже восемнадцать, сорок первый год.

Я курсантка школы разведчиц. Сейчас уже можно об этом говорить. Из первого набора к концу войны в живых осталась только я. О, вы удивлены? Вы не знали, что я была советской шпионкой? – усмехнулась старая женщина.

– Мне сказала моя сестра.

– А сестра откуда знает?

– От Нины Бронниковой.

– Ах да... Ведь у вашей сестры был роман с Владом.

– Был, давно.

– Ваша сестра красивая?

– Очень! Похожа на Лоллобриджиду.

– Сейчас еще помнят старушку Джину? Хороша была необыкновенно.

А вот это я с Кристианом Диором. Я работала у него моделью полгода.

– С ума сойти! Но разве разведчикам можно хранить фотографии?

– Но я же работала под прикрытием, значит, легально. Я была замужем за французом, так что...

– Боже мой, это как в кино...

– Знаете, деточка, в жизни все куда проще, чем в кино, и одновременно куда страшнее... Ну, хватит воспоминаний! А я была хороша?

– Просто чудо!

– Ну а подробности моей биографии узнаете из передачи Влада. Видите, я уже вербую для него зрителей. Я столько ему рассказывала о себе, что мне эта тема жутко надоела. Расскажите лучше вы о себе, деточка. У вас печальные глаза... Что-то с мужем?

– А вы еще не знаете?

– Господь с вами, откуда я могу что-то знать о вашем муже?

– Да, я глупость сморозила. Вы вряд ли торчите в Интернете, – улыбнулась Ия.

– Конечно нет, жалею глаза. А что там такое, в этом Интернете о

вашем муже? Он, кстати, кто?

– Бывший летчик, теперь чиновник «Аэрофлота». Он... ушел от меня к дочке олигарха.

И об этом уже все знают.

– Деточка, а он вас любил?

– Мне казалось, что любил.

– Тогда не надо о нем жалеть. Продажная женщина – это еще можно понять, но продажный мужчина – это последнее дело. Понимаю, пережить это тяжело, но знаете, сколько в моей жизни было и потерь и разочарований, но пережила же я все...

– Да, я понимаю... Вам наверняка и не такое приходилось переживать... Знаете, что больше всего убивает?

– И что же?

– Пошлость.

– Пошлость? Верно! Это очень пошло – бросить жену из-за дочки олигарха. Нестерпимо пошло!

– Ну и огласка... На меня смотрят с жалостью, а кто-то и со злорадством... Противно.

– Вы молодчина! Все верно воспринимаете и не растекаетесь от жалости к себе, умница.

Я вас уважаю, деточка. Но по-моему, у вас есть какой-то утешитель, а?

Ия внимательно посмотрела на удивительную старуху. Пожалуй, ей я могу все рассказать, она меня не осудит...

И она рассказала ей о Мише.

Старуха выслушала ее с непроницаемым лицом.

– Вот так получилось!

– А у вас в телефоне случайно нет его фотографии?

– Есть! Вот!

– Хорош! Даже очень! Настоящий мужик! И рот такой обольстительный... Знаете, деточка, он напомнил мне одного человека, которого я любила, но это было так трагически недолго... Он погиб. Но сейчас не обо мне речь.

– Ну а обо мне, собственно, уже все сказано.

– Простите, но я задам один, наверное, дурацкий вопрос...

– Да?

– Вам нравится Владислав Голубев?

Ия рассмеялась.

– В детстве я была в него влюблена. Но это дела давно минувших дней. А почему вы спросили?

- Потому что мне кажется, вы удивительно друг другу подходите.
 - Ах, боже мой...
 - Вы так не считаете?
 - Нет. Он намного старше, он жутко умный, образованный, а я...
 - А вы обворожительная молодая женщина, к которой он неровно дышит...
 - Мария Евграфовна, о чем вы?
 - Видите ли, деточка, я уже в таком возрасте, что многие мне изливают душу.
 - И он вам что-то сказал обо мне? – задохнулась вдруг Ия.
 - Да, и это забавно... Он был с сыном в берлинском зоопарке и увидел там маленького жирафенка...
 - И жирафенок напомнил ему меня?
 - Именно!
 - Меня в школе прозвали жирафой. Я в какое-то лето так вымахала, что была выше всех в классе. Моя старшая сестра решила, что мне нужно стать моделью, чтобы комплексы не замучили.
 - О, вы тоже были моделью?
 - Была. И это помогло, но я ненавидела это занятие. Мне хотелось быть не моделью, а модельером. Хотя я имела успех, неплохо зарабатывала, но это не по мне было. И все-таки благодаря этой профессии я скопила некоторую сумму и смогла открыть свое дело в Москве.
 - А муж вам не помогал?
 - Нет.
 - А где вы с ним познакомились?
 - В самолете. Он был вторым пилотом на рейсе Мадрид – Москва, как раз когда я летела в Москву... Он был такой эффектный в лётной форме и так красиво ухаживал. Я тогда жила за городом, мы родом из Одинцова, ездила в Москву на электричке, а он, когда был в Москве, рано утром приезжал за мной на своих «жигулях» и отвозил на работу. А потом мы поженились, я переехала к нему...
 - Вы живете в его квартире?
 - Пока да. Просто она в двух шагах от салона. Это так удобно.
 - Но он порядочный человек? Хотя, если мужчина продается, ни о какой порядочности речи быть не может.
 - Но я не знаю, может быть, он просто влюбился. А вообще... ну его, не хочу о нем говорить.
 - Не хотите, не будем. Вернемся к Владу.
- Ия рассмеялась.

– Зря смеетесь, между прочим. Знаете, как он взбесился, когда я после визита в ваш салон что-то хорошее о вас сказала? Практически заявил – не лезь не свое дело, старая дура.

– Он так сказал? – ахнула Ия.

– Нет, конечно, он не посмел бы. Но я же читаю мысли. И вот сейчас могу с уверенностью сказать, что вы подумали: этого быть не может, чтобы он обо мне думал... я не верю, и зачем мне это знать? Я угадала?

– Более или менее.

– И все же – более или менее? – с улыбкой спросила Мария Евграфовна.

– Наверное, более, – засмеялась Ия.

– Ну признайтесь, он же хорош?

– Хорош, конечно, хорош. Я всякий раз пугаюсь, когда он снимает очки...

– Почему?

– Забываю, какие у него голубые глаза...

А смотреть в них я боюсь, и всегда боялась, мне казалось, он этими глазами видит меня насквозь с моей дурацкой детской любовью... Любви давно нет, но привычка пугаться осталась. Вот такая я дура. Ну все, Мария Евграфовна, спасибо вам за все, но мне пора.

– Значит, до завтра?

– Да, я с самого утра займусь вашим платьем, думаю, успею, если ничего не случится.

– Будем надеяться, что ничего не случится.

Какая очаровательная эта Ия. Но, судя по всему, она страшно одинока. И, похоже, там неважные отношения с матерью, она в основном говорит только о старшей сестре. Жаль ее...

«О чем я буду с ней говорить?» – кричал он. Да о чем угодно! Она с восторгом будет слушать его, она совсем не глупа, достаточно развита, а если любить ее по-настоящему, еще в такой цветок распустится... Похоже, этот Миша ее любит, и он хорош, но они не смогут быть вместе, он вольный казак и, насытившись этой любовью, снова захочет на волю. А впрочем, кто знает... Интересно, как все обернется на самом деле? Чья возьмет? В этом выборе на первый план выходит такая примитивная штука, как физиология... – Она рассмеялась про себя. – Мне уже на долю осталась только теория любви, о которой я мало думала в свое время. Я была практиком. Помню, мне пришлось спать с одним немецким офицером, это был приказ... Я ненавидела его идеологически, но в постели... А потом

мне пришлось его убить. Тоже по приказу. И рука у меня не дрогнула. Очень характерно для советской девушки тех времен... Но я все равно благодарна тому немцу, он многому меня научил, что впоследствии мне не раз пригодилось. Можно было бы написать работу о взаимосвязи идеологии и физиологии. Но лень, сил уже не так много, а когда сил было больше, такую работу никто не воспринял бы всерьез и, уж конечно, не напечатал. Сейчас можно напечатать что угодно... А между прочим, для разведки такая работа была бы весьма полезна. Но, скорее всего, уже давно что-то подобное написано. У нас же теперь есть секс!

Часть вторая

На воскресенье была назначена запись пилотного выпуска. Интерьер студии был решен в минималистском стиле. Кресло, стол на фоне книжных полок. И начиналась программа так: он входил, слегка запыхавшись, со словами: «Прошу прощения, господа, чуть опоздал, но все дело в том, что я сегодня возил нашу героиню, которой на днях исполнилось девяносто, в модный салон заказывать вечернее платье, и весь персонал восхищался ее фигурой и вкусом. По-моему, такая деталь будет нелишней в рассказе об удивительной женщине, гениальной разведчице, невероятно много сделавшей для блага нашей страны, не раз бывавшей на грани провала, но ни разу его не потерпевшей. Когда я спросил нашу героиню, как ей это удалось, она с улыбкой ответила: мной двигали авантюризм, страх и везение. А я от себя добавлю четвертую составляющую – талант! Вот почему мы и назвали наш цикл «Четвертая составляющая». Наш цикл состоит тоже из четырех частей, каждая из которых рассказывает об одной из этих составляющих в судьбе нашей героини. И первую часть мы назвали «Страх», ибо в нашей стране в советское время страх был, наверное, главной движущей силой».

Получасовую программу писали часа три, что вполне естественно, технические неполадки, оговорки ведущего и т. д. Но когда запись закончилась, к Владиславу Александровичу подошел оператор, мужчина лет сорока:

– Знаете, я много снимал говорящих голов, но вы здорово смотрите. Вас интересно снимать. И потом, вы так правильно сказали про страх... У меня прадед погиб в лагерях, бабка всю жизнь так от страха и не избавилась, я про это много знаю... А то теперь иной раз тридцать – у нас, мол, сейчас тридцать седьмой год... Идиоты! Совсем, что ли, историю не знают? Короче, спасибо!

Владу страшно понравился этот мужик, и его слова были необыкновенно важны и приятны. Вместе с Ниной просмотрели отснятый материал.

– Ну, тут надо перемонтировать, но в целом – блеск! – пришла к заключению Нина. – Буду показывать начальству. Они, ясное дело, придерутся к вступлению...

– Ну, в принципе, это не столь уж важно, – пожал плечами Владислав Александрович.

– Нет, Влад, это здорово, это такая живая нотка... И потом, обычно такие программы смотрят в основном мужчины, а это вступление привлечет и женщин. Им захочется узнать, что надо делать, чтобы дожить до девяноста лет и сохранить такую форму.

– Ну, тебе виднее, – улыбнулся он. – Но снято отлично.

– Не зря я все-таки ждала Сергея, он классный оператор. Самый лучший у нас.

– Нина, а ты не скинешь мне на диск эту запись, я покажу нашей героине. Да и для себя хотелось бы иметь, а то кто их знает, ваших продюсеров, вдруг не пустят в эфир...

– Без проблем, но, Влад, ты пойми, кроме старухи, пока никому.

– Я это прекрасно понимаю. И сам не заинтересован в огласке. Я бы подождал, но когда женщине девяносто, как бы она ни была сохранна, в любой момент может умереть...

– Все понимаю, Влад, вот, держи!

И она протянула ему диск.

– Спасибо! Сейчас же позвоню старушке и попрошусь в гости.

– Потом расскажешь о впечатлениях.

– Всенепременно!

Он был радостно возбужден, чувствовал, что все получилось. Мы расстались со старухой не очень мирно, поэтому без звонка приехать невозможно. Ия была у нее вчера, значит, сегодня мне ничего не грозит. Да и посмотрев запись, старуха вряд ли вообще вспомнит о ней. И он позвонил.

– Мария Евграфовна, мы записали первую часть, могу сейчас приехать и показать вам.

А если еще покормите, я умираю с голоду...

– Милости просим! Покормим вас, так и быть. Интересно, что получилось.

– По-моему, очень недурно. Так я еду?

– Жду вас, мой дорогой.

По дороге он еще купил ей букет бледно-розовых кустовых гвоздичек – это были любимые цветы его матери.

Старуха жила в Армянском переулке. К счастью, по случаю летнего воскресенья во дворе было место, чтобы спокойно припарковаться. Он уже запирали машину, когда во двор на большой скорости въехал скутер, а на нем... долговязая девица в шлеме. Он замер. Конечно, это была Ия!

– Ой, здравствуйте, Владислав Александрович! Вы к Марии

Евграфовне?

Он во все глаза смотрел на нее. Она была в драных джинсах и льняной рубашке сурового цвета. Черные волосы собраны в хвостик.

– Ия! А что, вчера примерки не было? – спросил он.

Она как-то странно улыбнулась.

– Была! Сегодня вторая!

Она пристегнула свой скутер к оградке газона. Взяла в одну руку шлем, а в другую большой пластиковый пакет. Черт побери, как колотится сердце, подумал он и открыл перед нею дверь. Он не знал, как обращаться к ней – как когда-то, на «ты»? Да, наверное, это сразу обозначит дистанцию...

– Знаешь, я принес диск с записью первой программы. Может, хочешь посмотреть?

– О, конечно хочу! Это так интересно!

– Тебя старуха тоже приворожила?

– О да!

Он позвонил в дверь. Открыла сама Мария Евграфовна.

– Боже, какие люди! Вы встретились?

– Да, подъехали одновременно. Вот, Мария Евграфовна, это для вас. Любимые цветы моей мамы, не знаю, как вам...

– Они очень милы.

– Я их просто обожаю! – сказала Ия.

– Так, Иечка, вы голодны?

– Нет, спасибо, я обедала.

– А Влад умирает с голоду. Тогда сделаем так: Влад, Кира вас сейчас покормит, мы с Иечкой займемся примеркой, а потом все вместе будем пить кофе с тортом и смотреть вашу запись. Иечка, вы, надеюсь, не очень спешите?

– Нет, я с удовольствием, мне интересно...

– Вот и славно!

Кира на кухне кормила его обедом. Интересно, старуха специально все подстроила? Хотя не могла же она знать, что я приеду именно сегодня? Или после моего звонка она срочно вытребовала Ию? Да нет... вряд ли... Ия совершенно искренне удивилась. Или она хорошая актриса?

...– Платье, по-моему, просто изумительное! – воскликнула Мария Евграфовна. – Иечка, вы чудо! Вы и впрямь прирожденный модельер. Не хуже Диора.

– Что вы говорите, Мария Евграфовна! – даже огорчилась Ия.

– Милая моя, в себя надо верить. По-моему, ваш телефон звонит...

– Ах да, это мой!

Она выхватила телефон из сумки и вдруг побледнела.

– Алло!

– Привет! – узнала она голос мужа.

– Привет. Я сейчас занята, у меня примерка.

– Ничего, у меня дело на одну минуту. Надо встретиться и все обсудить.

– Что там обсуждать? Я согласна на развод.

– И все-таки надо увидеться. Ты когда дома будешь? Отложи дела и приезжай через час.

А то потом я не смогу. Жду тебя дома. – И он отключился.

– Ия, что случилось? Это был ваш муж? Вы почему такая бледная? Вам нехорошо?

– Нет-нет, все нормально. Просто мне придется сейчас же уехать. Вот закончим примерку...

– Что-то срочное?

– По-видимому. Ему приспичило со мной что-то обсудить. Ну вот, Мария Евграфовна, по-моему, теперь все отлично?

– Да, я в восторге!

– Я рада. Значит, во вторник или, самое позднее, в среду, я привезу платье.

– Ия, может быть я сразу вам заплачу?

– Ни в коем случае.

– Ну, как угодно. Жаль, что вам надо уехать, а то, может, наплевать на вашего мужа?

– Нет, я хочу уже с этим покончить, иначе у меня минутки спокойной не будет.

– Ну что с вами делать... Только, пожалуйста, когда ваш благоверный уйдет, позвоните мне, я буду волноваться. Впрочем, благоверный неправильное слово. Скажем лучше, ваш бывший.

– Пожалуйста, попрощайтесь за меня с Владиславом Александровичем.

– А вы сами не хотите?

– Нет, я хочу уже скорее попасть домой.

– Понимаю. Ну, с богом, деточка.

Ия бросилась вниз по лестнице, вскочила на свой скутер. Хорошо летним воскресным днем ехать по Москве. Машин совсем немного. Она добралась довольно быстро, но все-таки еще успела поставить скутер в

ателье. И быстрым шагом направилась к дому. Если он все-таки погонит меня из квартиры, что ж, переберусь к Алинке, просто придется иногда ночевать в ателье. Нестрашно. А внутри все-таки все дрожало.

У подъезда стоял белый «майбах». Какая пошлость, опять подумала Ия. Она поднялась на лифте на свой пятый этаж. Достала ключи. Руки дрожали. Она закрыла глаза, собираясь с духом. Не хочу, чтобы он видел меня униженной. Ничего, у меня же есть Миша.

Роман вышел ей навстречу.

– Привет!

– Привет. Что за спешка?

– Ну надо же наконец все прояснить.

– А чего прояснять? И так все ясно. Внизу стоит белый «майбах», на руке золотой роллекс, куда уж яснее. Непонятно только, чем твоему старому «рено» помешал мой скромный скутер? Но я не в претензии. Развод дам без проблем, так что ты зря беспокоишься. Ты намерен меня отсюда выставить?

– Ий, ну чего ты так? Не собираюсь я тебя выставлять. Живи. В конце концов я порядочный человек...

– Хорошо, что ты сказал. А то ушел к другой, а поставить меня в известность поручил брату.

– Ничего я не поручал! Он сам меня отсюда, можно сказать, вышвырнул.

– А ты обрадовался.

– Ничего подобного.

– Ром, давай не будем углубляться в прошлое. Что было, то было. Просто скажи, зачем я тебе так срочно понадобилась?

– Понимаешь, Кристина... она... ну, короче, вокруг нее всегда вьются журналисты.

– И что?

– Ну, мы бы не хотели, чтобы ты давала интервью.

– Какое интервью? – совершенно ошалела Ия.

– Ну, к тебе сейчас будут обращаться из разных желтых изданий... ну, чтобы ты рассказала обо мне... а мы бы этого не хотели. Понимаешь, я скоро должен возглавить авиакомпанию... и сама понимаешь, скандал в прессе...

– О, насчет этого можешь не беспокоиться. Я никаких интервью давать не намерена. Да и о чем я могу говорить? О том, что меня муж, такой-сякой, бросил? А мне зачем это?

– Ну, я так Кристине и сказал, а она говорит, ты можешь использовать

ситуацию для рекламы своего салона.

– Да что ж я, больная? Зачем же я буду плевать против ветра? Думаешь, я не понимаю, что твоей Кристине достаточно пошевелить пальчиком, и мой салон будет стерт с лица земли?

– Да что ты такое говоришь?

– Я отвечаю на твой вопрос. Так что ты со своей Кристиной можешь спать спокойно. Единственное, чего я хочу, так это выкупить у тебя эту квартиру, но с большой рассрочкой. Сразу у меня такой суммы нет.

– Даже не думай! Я оформлю дарственную на тебя.

– А Кристина позволит?

– Это мое личное дело. В конце концов, порядочный человек обязан оставить квартиру жене. Я только собрал тут свои вещи.

– А, ну да... Конечно.

– А ты не выглядишь убитой.

– Тебе бы этого хотелось?

– Да ты что! Но мне вообще-то казалось, что ты меня любила.

– Так мне тоже казалось, что ты меня любил.

– У тебя кто-то есть?

– А вот это тебя совершенно не касается.

Я же не спрашиваю тебя, как тебе живется в олигархическом семействе. Мы разводимся. Разводимся тихо, спокойно, без скандалов, так?

– Так.

– Ты оставляешь мне квартиру?

– Сколько можно твердить одно и то же?

– Просто для меня это жизненно важно.

И я еще раз повторяю свое предложение – выкупить ее у тебя в рассрочку.

– Нет. Это мое последнее слово. Разводом займется адвокат. Я на днях выхожу на работу, и у меня не будет даже свободной секунды, прикинь, я буду директором авиакомпания.

– Ничего не скажешь, круто! Я тебя поздравляю.

– Спасибо. Ладно, Ийка, я пойду. Спасибо тебе. Я думал, будет сложнее. Да, вот тебе новый ключ от гаража. Пользуйся.

– Да нет, спасибо, я нашла куда ставить скутер. А то тебе опять что-то взбредет в голову...

– Верись, мне позвонил дядя Шура, сказал, что замок сломали, я примчался и второпях просто забыл про твой скутер. Ничего такого не думал...

– Очень мило с твоей стороны. А впрочем, неважно. Ладно, иди.

Желаю счастья.

Он ушел. Вот и все. Как это ни дико, наверное, если бы он повел себя по-жлобски, мне было бы легче. Я бы обиделась, разозлилась... А так... в сущности, все прошло нормально. И квартиру оставил, и вон даже ключ от гаража на подзеркальник положил... Но почему же так хочется выть в голос? Я разве еще его люблю? Я же, кажется, люблю Мишу? Но тут перед глазами всплыло лицо Голубева, как он смотрел на нее сегодня... Хорошо еще, не снимал очков... Но это чушь, детская чушь... Где Голубев, а где я? И как жаль, что не удалось посмотреть его программу. Но, может, Мария Евграфовна покажет мне ее, когда я привезу платье?

– Ну, Влад, я готова!

– А где же Ия?

– Ей пришлось срочно уехать, она просила за нее с вами попрощаться.

– У нее что-то стряслось?

– А вас это волнует?

– Да нет, несносная вы женщина! – с мягкой улыбкой проговорил он. – Я спросил из вежливости. Ну, давайте смотреть!

– Кира, иди к нам! – позвала старуха.

Он включил запись. Надо сказать, он здорово волновался. Мария Евграфовна смотрела в полном молчании. Волнение нарастало.

– Ну, что скажете?

– Ох, Влад, это так здорово! – всплеснула руками Кира. – Мне было жутко интересно, хоть я почти все знала... Просто вас интересно слушать. И смотреть на вас на экране интересно.

– Спасибо, Кира Георгиевна. А вы что скажете, Мария Евграфовна?

– А что тут скажешь? Молодец! И ни одной ошибки в русском языке, это теперь такая редкость! Короче, благодарю вас! И чувствую – я попала в надежные руки.

– Спасибо, огромное вам спасибо! – он прижал руку к сердцу. – Я надеюсь, что продюсеры сумеют оценить...

– А когда это выяснится?

– Понятия не имею. Сейчас лето и многие в отъезде.

– Хотелось бы дожить...

– Мария Евграфовна, вы ли это?

– Да, друг мой, просто, посмотрев эту программу, я вдруг отдала себе отчет в том, как давно я живу на свете... – засмеялась Мария Евграфовна. – Хотите еще торта?

– Хочу! Кира Георгиевна печет просто феноменально.

- Ну уж вы скажете! – засмуцалась Кира.
- Да, Влад, знаете, почему Ия умчалась?
- Откуда же мне знать? – поморщился он.
- Ей муж позвонил...
- Ну и что тут такого?
- Ничего. Просто... Он ведь ушел от нее...
- И что, решил вернуться?
- Не думаю. Он ушел к дочке какого-то олигарха, и она боится, что он выгонит ее из квартиры...
- То есть как?
- А вот так! Эта квартира его, но она расположена рядом с ее салоном, у нее практически нет жилья, только маленькая квартирка в Одинцове, да и та сдана на два года вперед.
- У ее сестры есть квартира.
- Да, у ее сестры и у его брата. И оба предложили ей жить там.
- Ну и что тут такого, собственно говоря? Ну, будет ездить в другой район, большое дело!
- А между прочим, этот деверь...
- Кто?
- Ее деверь, он очень интересный мужчина, и он ее любит.
- А она его?
- Она к нему прислонилась с горя, он, кажется, очень хороший человек.
- Вот и прекрасно! Только я не понимаю, зачем мне это знать? Извините, Мария Евграфовна, я до сей поры изумлялся тому факту, что в вашем возрасте в вас нет никаких старческих проявлений, но ваше неумное стремление свести меня с ней... это, извините, уже старческое... – вне себя от злости проговорил он. – Простите, не сдержался.
- Юпитер, ты сердишься! – улыбнулась старуха. – Только, Влад, вы сердитесь не потому, что я лезу, как вам кажется, не в свое дело. Нет, вас взбесило то, что возник еще этот Миша...
- Что за чепуха! Знаете, Мария Евграфовна, я, пожалуй, пойду, а то, чего доброго, черт знает до чего могу договориться! Простите великодушно!
- И он почти бегом покинул квартиру, сопровождаемый истошным лаем Уинстона.
- Марусенька, чего он так разошелся? – испуганно спросила Кира.
- Да потому что любит он эту девочку, но сам себе боится в этом

признаться. Мужчины вообще трусы, боятся любви. И этот не исключение. Что ж, посмотрим, как все будет развиваться.

– А зачем ты в это лезешь?

– А потому что оба они мне очень нравятся. И я желаю им счастья.

– Но как ты можешь знать, будут ли они счастливы вместе?

Мария Евграфовна иронически вздернула бровь.

– Ах, Кирочка, если б я не умела интуитивно распознавать такие вещи, я бы просто не дожила до таких лет.

– Ох уж эта твоя интуиция!

Владислав Александрович был вне себя. Что она во все лезет! Какое мне дело до личной жизни Ии? Да никакого! Зачем мне знать, что она, видите ли, «прислонилась к деверю»? Интересно, каким местом прислонилась? При чем тут вообще я? Она молодая особа, пусть прислоняется к кому хочет! Ее бросил муж? Прискорбно, конечно, но она тут же прислонилась к его брату, который очень интересный мужчина... Хрен знает что! Он подошел к своей машине и что было сил пнул ногой колесо. Сел за руль, но руки у него дрожали. К черту это все! Буду делать свою работу и сведу общение со старухой к минимуму. И знать ничего не хочу об этой жирафе! И тут он ясно увидел, как она слезла со скутера и сквозь прорехи в модных джинсах просвечивала смуглая кожа... Дыхание прервалось. Нет, не на того напали! Он схватил мобильник.

– Алло, Нина! Это Голубев. Что делаешь?

Она запнулась.

– А что, Влад?

– Может, поужинаем вместе?

– Можно. Заезжай за мной на студию часов в девять, раньше не получится.

– Договорились.

Вот и хорошо, вот и славно. Клин клином!

Владислав Александрович спешил в аэропорт встречать родителей и сына. Как я по нему соскучился! Мы так сблизились во время берлинских каникул. Мама говорит, что за полтора месяца в Испании он здорово вырос и загорел. Отец, наверное, затаскал парня по музеям, со смехом подумал он. Ну ничего, это не страшно. Сам он пребывал в прекрасном настроении. Его программа была принята на ура, ее поставили в сетку на октябрь. Нина, с которой сложились приятные, необременительные отношения, напросилась в гости к Марии Евграфовне, пришла в восторг от ее

воспоминаний и уговорила все-таки издать их. Сама отдала издателю, тот сперва испугался, потом, похоже, связался с кем-то из ГРУ и, видимо, получил добро, потому что самолично примчался к Марии Евграфовне, кое-что, конечно, пришлось вымарать из текста, но на общую картину это не повлияло. За тем, чтобы старуху не облапошили, Владислав Александрович проследил, и она получила очень неплохие деньги. Книга в эффектной оформлении должна появиться тоже в конце октября, после выхода программы. Нина старухе понравилась, и она больше не заговаривала с ним об Ие. И он ее больше не видел. Знал только, что с квартирой у нее все уладилось. И слава богу!

Ия тоже успокоилась. Они быстро и тихо развелись с Романом. Он действительно перевел квартиру на ее имя и больше не появлялся. А Миша регулярно звонил, но вырваться в Москву никак не мог, страшное наводнение на Дальнем Востоке требовало участия всех опытных спасателей края. Она прекрасно это понимала, как и то, что, в сущности, это была не любовь... Они отдалялись друг от друга с каждым его звонком. Наверное, это правильно, думала Ия. Его толкнула ко мне жалость, а меня к нему отчаяние... А любовь... разве она вообще есть? По-моему, нет. Просто люди что-то придумывают, облачают в красивые одежды всякие не слишком красивые чувства – похоть, корысть, слабость... и жалость и отчаяние... Но если это осознать, не будешь ждать этой самой любви, и жить станет легче. Вот я работаю с утра до глубокой ночи, и слава богу. Мне хорошо. Ну, бросил меня якобы любимый муж... Но он элементарно продался, и эта мысль тоже приносит облегчение. Так что все нетрагично. Жить можно.

– Папа! – бросился к нему сын. Он и в самом деле подросток и здорово загорел. Синие глаза на загорелом лице светились неподдельной радостью. – Папочка, как я соскучился!

– И я! Мама, выглядишь прекрасно! Папа, а ты похудел, помолодел, здорово, я рад. И план такой – сейчас забросим вещи домой и все едем обедать.

– Владя, что за глупости, – возмутилась мать.

– Мамочка, ты еще успеешь настояться у плиты, а сегодня будет по-моему.

– Люда, соглашайся, – со смехом проговорил Александр Данилович, – что за дурацкое стремление поскорее впрячься в будничную лямку. Успеешь еще.

– Ладно, уговорили, – проворчала Людмила Васильевна, – просто мне жутко надоела ресторанный еда.

– А нам с дедом нет! – заявил Санька. – Правда, дед?

– Скоты вы неблагодарные! Готовишь вам, стараешься, а вы...

– Бабушка, мы очень все ценим, но сейчас уже время обеда, а дома ничего нет, значит, ты все равно нас нормально не накормишь.

– Ох и хитер парень! – засмеялась Людмила Васильевна. – Но после обеда, Владя, ты завезешь меня в какой-нибудь супермаркет.

– Затариваться будем? – спросил Санька.

– Скупляться! – заявил дед, родившийся на Украине.

– Пап, а можно я сегодня к тебе поеду? Переночую, поболтаем, а?

– Конечно, можно! Превосходная идея! – обрадовался Владислав Александрович.

– Вечно ты что-то придумаешь! – проворчала Людмила Васильевна.

– Бабушка, ну в школу же еще только через неделю, а я так по папе соскучился!

– Да ладно, делайте, что хотите! Владя, он тебе не помешает?

– Да что ты, мама, как он может мне помешать!

– Ну, сын, рассказывай! – сказал Владислав Александрович, оставшись наедине с мальчиком.

– Ой, пап, так все клево было! Там такое море, и песочек прямо золотой...

– Не зря же курорт называется Коста-Дорада.

– Ну да, да... И мы столько видели! В Барселону сколько раз ездили! Это круто!

– Дед затаскал по музеям?

– Ой, пап! Я один раз сказал: дед, у меня уже в котелке каша. Но он же упертый... А бабушка отказалась. Но зато мы в разных зоопарках были, и я тебе покажу, я там снимал... Хочешь, сейчас посмотрим?

– Давай!

– Вот, это наша гостиница, видишь, от пляжа только велосипедная дорожка отделяет...

А это мы купаемся, а это Лиза. Она из Питера, классная девчонка, мы с ней все конкурсы выигрывали!

– Какие конкурсы?

– Ну там в отеле аниматорша была, кстати, русская, очень клевая тетка, и для детей устраивала всякие конкурсы, так она нас с Лизой сладкой парочкой прозвала, «опять эта сладкая парочка все выигрывает!»

– А ты там не скучал?

– Что ты, пап!

Вот сын уже и влюбился. Как летит время...

– А ты, кстати, хорошо снимаешь, молодец! И камера у тебя почти не дрожит. Здорово!

– Это Лизкин папа, он кинооператор, он мне показывал, как надо снимать, и даже сказал, что у меня талант!

– Так уж прямо и талант? – улыбнулся Владислав Александрович.

– Ага! И еще сказал, чтобы я поступал на операторский, во ВГИК. Это такой киношный институт.

– И как тебе эта идея?

– По-моему, суперская!

– Ну, если не передумаешь...

– Пап, смотри, это я специально для тебя снял!

На экране он увидел... жирафье семейство, где детеныш был еще меньше берлинского.

– Ты же любишь жирафов! Смотри, какой хорошенький...

Жирафенок был снят крупным планом.

У Владислава Александровича вдруг заболело сердце. Что я делаю со своей жизнью? Мне же никто не нужен, кроме Ии, а я? Сошелся с Ниной, совершенно не любя... а она, кажется, меня любит... Нехорошо это, неправильно. Это можно, когда душа пуста... А у меня в душе эта дивная и еще такая молодая женщина... Слишком молодая для меня... Мы с ней не совпали во времени... Да почему слишком молодая? Ей, что называется, под тридцать, а мне за сорок, ну и что тут такого? А зачем ты ей нужен?

У нее там есть деверь, к которому она прислонилась... И вдруг волна такой ревности и даже ненависти захлестнула его, что он чуть не задохнулся.

– Пап, ты чего? – как сквозь вату донесся до него голос сына.

– Да ничего, Санька, просто устал сегодня. Давай-ка прервемся до завтра. Я предлагаю тебе пожить у меня еще денек-другой! Как ты на это смотришь?

– Ура! – победно вскинул руку сын.

– Вот и хорошо! А сейчас в душ и спать!

Когда Санька уснул, а уснул он мгновенно, Владислав Александрович глубоко задумался. Что же делать? Просто позвонить Ие и пригласить ее куда-нибудь... Но куда? И с какой, собственно, стати? Она удивится, еще как удивится... А обрадуется ли? Теоретически должна обрадоваться, ведь

она была в меня влюблена в детстве. Но с тех пор успела выйти замуж, остаться без мужа, прислониться к деверю... Именно это слово «прислониться» казалось ему особенно нестерпимым. Ей, видимо, нужно все время к кому-то прислоняться... Пусть прислонится ко мне. Я смогу быть для нее надежной опорой... А смогу ли? Смогу! Безусловно смогу! А вот захочет ли она сменить деверя на меня? А это надо выяснить! Но как? Куда ее пригласить? Просто поужинать в ресторан? Как-то пошло... В ночной клуб? Еще того хуже. В театр? На концерт? Это мысль! Надо посмотреть, есть ли сейчас в Москве что-то достойное внимания? Но я же совершенно не знаю ее вкусов. Я вообще ничего, собственно, о ней не знаю. Да, задачка! Чепуха! Я приглашу ее просто поехать за город, подышать свежим воздухом. Для жителей Москвы свежий воздух всегда достоин внимания. Решено! Я приглашу ее за город... Кто-то говорил, что пошли грибы... Ох, как давно я не ходил за грибами! Он схватил было телефон, но тут же вспомнил, что предложил сыну пожить у него два дня... Да и Ия в будние дни вряд ли согласится... Надо позвать ее на выходные. И заранее, а не в последний момент. Так нестерпимо хотелось услышать ее голос, что он решил позвонить немедленно.

Она долго не брала трубку.

- Алло! – голос у нее был усталый.
- Иечка, я тебя не разбудил?
- Кто это? – насторожилась она.
- Ия, это Голубев.
- Владислав Александрович?
- У тебя есть еще знакомый Голубев?
- Нет. Просто я никак не ожидала...
- Ия, не удивляйся моему вопросу. Ты любишь собирать грибы?
- Грибы? Какие грибы?
- Ну, какие попадутся, белые, сыроежки...
- Вы хотите позвать меня за грибами?
- Ну да, если ты не против.
- Я – за! – В ее голосе появились ликующие нотки. – Но когда?
- Когда тебе удобнее, в субботу или в воскресенье?
- Лучше в воскресенье.
- Вот и отлично! Тогда скажи, где мне тебя забрать и способна ли ты встать часа в четыре?
- Да, способна, я больше всего на свете люблю собирать грибы! Кто-то говорил, что в этом году их должно быть много!
- Тогда я в четыре за тобой заезжаю.

- А я возьму термос с чаем и бутерброды.
- Договорились! До встречи, Иечка!

Боже, что это? Почему он пригласил меня? И почему в лес? Откуда он знает, что я просто обожаю собирать грибы? Может, я как-то обмолвилась? Да вроде нет... А я рада? Еще как! Но все-таки это странно... Взрослый, совсем даже не молодой и малознакомый мужчина приглашает меня в лес по грибы... Он что, и вправду ко мне неравнодушен? И Алинка это говорила, и Мария Евграфовна... А я? Это раньше я была в него влюблена, много лет назад, а сейчас... сейчас я его немного боюсь... особенно когда он снимает очки... Дура я, дура набитая. Я так о нем мечтала когда-то, а сейчас, видно, он обо мне мечтает... Но может ли это быть?

А почему, собственно, нет? Она подошла к зеркалу и ахнула. На нее смотрела совсем другая женщина, с блестящими глазами, сквозь смуглую кожу пробивался легкий румянец. И совсем еще молодая. А в последнее время ей было тошно смотреть на себя в зеркало. Нет, не стану я делать бутерброды, я лучше напеку пирожков.

С мясом и с яблоками. Надо утром зарулить в магазин. Господи, только бы ничего не случилось, только бы эта встреча состоялась... И как теперь дожить до воскресенья? Хорошо еще, что работы много!

Часть третья

Ровно в четыре часа, было совсем темно, он подъехал к ее дому. Ему пришлось что-то наврать Нине, которая предлагала ему провести воскресенье у нее на даче. Это омрачило его радость. Но лишь слегка. Он позвонил:

– Иечка, не спишь? Я внизу!

– Бегу!

Через несколько минут она выбежала из подъезда. В джинсах, в резиновых сапогах. Он вышел ей навстречу.

– Ого, какая корзина! Давай, поставлю в багажник. А это что за сумка?

– Ну, тут все для пикника.

– О, какая предусмотрительность!

– А давайте эту сумку лучше поставим на заднее сиденье, в багажнике может пропахнуть чем-нибудь...

– Правильная мысль. Ну вот, садись, Иечка!

Она села. Он захлопнул дверцу. И мгновение помедлил. Кажется, я схожу с ума. Но о чем с ней говорить? Ну, для начала о грибах...

Он сел за руль.

– Пристегнись, Ия!

– Да-да. А куда мы поедем?

– За сто километров от кольцевой, я знаю там грибные места. Доверься мне, Иечка.

– А вы знаете грибы?

– Ну, в общем, да. А ты?

– Я тоже.

– Значит, нам не грозит опасность съесть бледную поганку? – засмеялся он.

– Ну, если вы не совсем вскружите мне голову, то я ручаюсь...

Он посмотрел на нее с удивлением. Да она кокетничает! И как-то даже изящно у нее это получилось.

– А вы мне уже вскружили голову.

– Владислав Александрович, но вы мне только что говорили «ты»...

– В самом деле. Я забыл... Но не получается сейчас почему-то...

– А можно я задам вопрос?

– Ради бога!

– Владислав Александрович, а почему вы вдруг решили пригласить

меня? И почему за грибами?

К этому вопросу он был готов.

– Тут все просто. Кто-то сказал, что пошли грибы. Я стараюсь каждый год хоть разок, но вырваться за грибами. И я подумал: кого бы мне хотелось позвать, одному как-то скучно, перебрал многих и вдруг вспомнил о вас, о тебе. И позвонил наудачу. Ты согласилась.

– Понятно, – не без лукавства проговорила она. – А я так давно не была за городом... Столько работы...

– Кстати, ты сотворила чудо, наша Мария Евграфовна в твоём платье произвела истинный фурор.

– Среди девяностолетних старичков?

– Нет, в том-то и дело! Внучка юбиляра – модный дизайнер, она чуть из своего платья не вывалилась. Все пыталась старушку, откуда такой туалет... но наша шпионка не раскололась!

– А вы откуда знаете, вы там были?

– Еще бы! Там было много моих героев. Удивительное дело, у большинства из них жизнь была, мягко говоря, нелегкая, даже порой чудовищно трудная, а они как-то сохраняют себя... Не все, конечно, но многие. Это поразительный факт.

– А почему вы занимаетесь именно историей разведок? Мне помнится, вы собирались заниматься...

– Ой, чем только я не собирался заниматься после журфака. Но однажды мне поручили сделать материал об одном нашем разведчике, и я увлекся...

– Но это же, наверное, очень страшно?

– Страшно? В каком смысле?

– Ну, насколько я понимаю, жизнь разведчиков вообще нелегкая, а уж советские разведчики... Им же еще постоянно не доверяли свои же. Особенно во время войны...

– Фильмов насмотрелась? Хотя ты права, это бывало иной раз просто чудовищно...

– Я, конечно, и фильмы смотрела, но я прочла все ваши книги, особенно мне показалось интересной история о том, как израильтяне ловили Эйхмана. Не оторваться...

– О, это моя первая книга, во многом еще наивная...

– Но она такая увлекательная! Мне кажется, вам бы надо писать романы.

– Ой, Ия, романы сейчас пишут все.

– Но хорошо-то пишут совсем немногие.

А еще я читала про дело Розенбергов, и мне показалось, что вы там о многом умолчали...

– Гляди-ка, какая приметливая... Да, тогда еще многое нельзя было обнародовать. В этом деле еще масса черных дыр... Смотри-ка, я не ожидал, что ты меня читала...

– Мне было интересно. Я ведь в детстве была в вас влюблена, как кошка, – вдруг проговорила Ия, сама себе удивляясь. С ума я, что ли, сошла? И почувствовала, что залилась краской.

Боже, какая прелесть, пронеслось у него в голове. Но если она признается в этом, значит, сейчас она ко мне равнодушна?

Между тем совсем рассвело, они уже выехали за город.

– Можно я окно открою?

– Конечно, открывай, а тебя не продует?

– Нет, я люблю сквозняк.

– Иечка, а ты, помнится, в детстве собиралась стать, кажется, то ли геологом...

– Археологом, – засмеялась она. – Из этого ничего не вышло, я провалилась на истфак, второй раз и пытаться не стала, уехала к Алинке и к маме и там закончила специальное училище... Я всегда любила шить, но почему-то этого стеснялась, мне казалось, что такая жердь за швейной машинкой – это смешно... Но Алинка меня пристроила в модельное агентство еще в Москве, в старших классах, чтобы я не комплексовала из-за роста...

– Ну какая же ты жердь? Ты красавица.

– Я красавица? Вы мне просто льстите...

– С какой стати мне тебе льстить? Черт, что там такое?

Их остановил гаишник.

– В чем дело? Я что-то нарушил?

– Нет, там баба... ненормальная, за рулем рожать вздумала!

– Так вызовите «скорую»!

– Товарищ, дорогой, пока еще «скорая» приедет, а тут до больницы шесть километров, довезите бога ради, я не могу пост оставить...

Парнишке было лет двадцать, и он чуть не плакал. Ия выскочила и побежала к машине, на которую указал инспектор.

– Что с вами?

– Рожая... Ой, мамочки! Как больно-то... Помогите, сестренка!!!

– Сейчас, сейчас, машину подгоним и отвезем вас в роддом, тут близко!

Она замахала руками, Владислав Александрович подъехал как можно

ближе, они с инспектором вытащили женщину из машины и положили на заднее сиденье. Она была маленькая, с огромным животом. И вдруг затихла.

– Никак померла? – позеленел юный страж порядка.

– Куда ехать-то? Жива она, просто боль отпустила.

Владислав Александрович осторожно взял с места. Ия сидела, обернувшись к женщине и держа ее руку.

– Не бойтесь, довезем, все будет хорошо. Кого ждете?

– Мальчишку.

– А чего ж сама за руль села? – спросил Владислав Александрович.

– Да мужа на работу вызвали. Мы еще через неделю ждали, и вдруг чувствую, пора... Вот и села за руль, больше некому было. Думала, доеду, и вдруг как прихватило, еле до поста дотянула, а там этот сопляк... Спасибо вам, граждане, ой, мамочки, жуть-то какая... Ой, ой, о! Как больно-то!

– Как вас звать-то?

– Настена. Я веттехник... сколько телят приняла, а сама напугалась... Дура душой! Ой, мама!

Наконец они подъехали к зданию больницы.

– Скажите там, что Настену привезли. Они знают...

Владислав Александрович кинулся туда, предполагая, что еще придется объясняться с персоналом, они могут не захотеть принять роженицу, но, на удивление, все было достаточно цивилизованно.

– Здравствуйте, у меня в машине женщина рождает, Настеной звать...

– Вить, тащи носилки! – крикнула толстая тетка в белом халате.

Откуда ни возьмись появились два парня с носилками, и через несколько минут Настена была отдана в руки медперсонала.

– Спасибо вам преогромное, граждане!

Ия ждала у машины.

– Вот вам и грибы! – засмеялась она.

– Да никуда они не денутся! Подумаешь, на час всего задержались.

Поехали!

– Поехали! – обрадовалась Ия. – Ну как там, все нормально было?

– Абсолютно. Ее там знают. И мужу уже кто-то стал звонить. Ия, а можно бестактный вопрос?

– Попробуйте!

– Почему у тебя нет детей?

– Муж говорил, что еще успеем. Но сейчас я даже рада этому...

Ничего, у меня еще есть время. А у вас ведь есть сын?

– Есть. Санька. Чудесный парень, мы с ним большие друзья. Но живет он с моими родителями. Послушай, чем это так вкусно пахнет? Это из твоей сумки?

– Наверное. Я пирожков напекла. Хотите?

– Хочу! И вообще, нам следует немножко подкрепиться перед маршброском в лес.

– Давайте!

Он съехал на обочину.

– Ну что, в машине поедим или на травке?

Она замялась.

– У меня в багажнике есть плед, так что будет удобно. Роса уже сошла...

Ия радостно улыбнулась. Он вытащил из багажника плед и большой термос.

– Давай мне сумку, она тяжелая.

Она отдала ему сумку. Господи, и это происходит наяву?

Они сошли с дороги, он расстелил плед. Ия достала из сумки красивую салфетку, красную в белый горошек, расстелила ее и принялась выгружать из сумки какие-то свертки и коробочки. Потом достала одноразовые тарелки и стаканчики, приборы, и все это белое в красный горошек. Через пять минут импровизированный стол выглядел так, что хоть сейчас снимай рекламу.

– Боже мой, Ия, да ты просто волшебница!

– Прощу вас! Пикник на обочине!

Он рассмеялся, и ему вдруг стало хорошо и легко. Он опустился на плед рядом с ней.

– Что тут у тебя?

– Вот эти пирожки с мясом, эти с картошкой, а есть еще с яблоками. А тут холодный ростбиф и малосольные огурцы, сама вчера солила.

– Боже, как вкусно, – простонал он, откусив кусок пирожка с мясом. – Как ты успела? Ты же столько работаешь?

– Выкроила вчера два часа. Мне хотелось... Я же никогда вас ничем не угощала... – она вдруг залилась краской, смутилась. А он умилился. – Ой, у меня же есть чай...

– Нет, давай лучше кофе выпьем, у меня в термосе хороший кофе. С перцем чили.

– Никогда не пробовала, интересно.

Он налил кофе в красивые стаканчики.

Она взяла стаканчик в руки, понюхала.

– Там сахар есть?

– Что ты! А ты любишь сладкий кофе?

Я как-то не подумал. Извини.

– Но, наверное, с перцем сахар не нужен? – Она отпила глоток. – Странно... Но вкусно. Неожиданно... Но вообще-то я люблю кофе со сливками, сладкий... А это... это мужской кофе. И вам очень идет...

– Кто бы мог подумать, что ты еще так потрясающе готовишь. Твои пирожки просто чудо, а ростбиф... с ума сойти. Он такой ароматный... а огурчики просто песня! Давненько я так не ел! Спасибо тебе, Иечка... – Он взял ее руку и поцеловал. Она вздрогнула.

– На здоровье, Владислав Александрович.

Он задержал ее руку в своей. На нежной длинной шее билась голубая жилка. Румянец проступал сквозь смуглую кожу. Она была восхитительна! Он вдруг придвинулся к ней вплотную.

– Ия, я схожу с ума... – прошептал он и снял очки.

Она дернулась.

– Тебе неприятно? – насторожился он.

Вместо ответа она вдруг обвила его шею руками.

– Мне приятно. Но немножко страшно...

– Чего ты боишься, дурочка?

– Не знаю... Поцелуйте меня, пожалуйста!

Он прильнул губами к голубой жилке на шее. Она задрожала. И погладила его по волосам. Он поднял голову. Ее глаза были закрыты. Он прижал ее сильнее и поцеловал в губы. Ему показалось, что лучшего поцелуя в его жизни не было. А опыт у него был немалый. Неизвестно, к чему бы это все привело, но тут из придорожных кустов выскочила собака. Большая веселая дворняга кинулась к ним и принялась, не обращая на людей внимания, лопать оставшуюся без присмотра снедь.

– Чарли, назад! – крикнул мужской голос.

Они отшатнулись друг от друга.

– Пошел отсюда! – возмутилась Ия, схватив лоток с пирожками. До них пес еще не добрался, но с ростбифом расправился.

Пес беззлобно взлаял и потрусил к хозяину.

– Что ж это вы, граждане? Нашли место! – крикнул хозяин собаки, пожилой мужчина с седой бородкой. – Хотя вас, милостивый государь, можно понять... Такая красавица... Чарли, фу! – Он взял собаку за ошейник и увел.

Они посмотрели друг на друга и расхохотались.

– А что насчет грибов? – со смехом спросила Ия.

Она все-таки старалась не смотреть на него, так как он был без очков. Ее все еще пугала синева его глаз.

– Едем, не отступать же от поставленной цели! – нарочито бодрим тоном отозвался Владислав Александрович.

Они быстро собрали остатки еды, Ия аккуратно сложила мусор в пластиковый пакет, завязала его и понесла к машине.

– Это мы выбросим в контейнер, когда он попадет. Ненавижу эту нашу манеру оставлять в лесу всякий мусор. Гадость такая!

– Да, это противно. Ну, едем?

– Конечно, едем!

Он был слегка разочарован и в то же время рад. Это опасные игры... Она так невозможно хороша и желанна... Какой идиот ее муж... Но там ведь был еще деверь, к которому она прислонилась... Его опять захлестнуло волной ярости и ревности. Что это со мной? Что-то не помню, чтобы я кого-то ревновал... Только жену, да и то до женитьбы... Но ее я любил. И что же, выходит, я люблю эту девочку? Зачем мне это? У меня Санька... Я обещал себе, что мачехи у него не будет. Следовательно, я не могу на ней жениться, с тоской подумал он. И искоса взглянул на Ию. Она сидела, закрыв глаза, но не спала... Она явно вспоминала то, что было полчаса назад... Неужто она до сих пор ко мне равнодушна? Может быть, даже любит меня? Она читала все мои книги... Зачем такой девушке нужны книги по истории разведок? Абсурд! Значит, ей не книги нужны были, а их автор? Да ну, чепуха! Это же так естественно – заинтересоваться тем, что пишет человек, в которого ты в детстве была влюблена. А сейчас ее бросил муж, этот самый таинственный деверь, похоже, тоже слинял, ей просто для повышения самооценки нужен мужчина... Да, но я-то схожу с ума. Я точно знаю, что еще не испытывал того, что испытываю сейчас... У меня голова идет кругом. Не могу больше. Он вдруг резко затормозил и съехал на обочину. Она удивленно открыла глаза.

– Что случилось?

– Ия, скажи, как ты ко мне относишься?

Он видел, что она растерялась.

– Хорошо... Хорошо отношусь, разве не понятно?

Он молча смотрел на нее.

– Вы... Что вы хотите от меня услышать? Что я люблю вас? Ладно... Я люблю вас...

С детства. Я про вас потом забыла... Хотя нет, вру... не забывала... Просто мне казалось, что этого не может быть... что... где вы, а где я... Ой, только не снимайте очки!

– Почему? – удивился он.
– Я боюсь... И в детстве боялась...
– Чего ты боишься, дурочка?
– Понимаете, я как-то забываю, какие у вас синие глаза...
– Так, может, мне карие линзы носить? – засмеялся он.
– Нет... Ни в коем случае... – Она вдруг протянула руку, сняла с него очки. – А вот так уже нестрашно...

– Ия, девочка, я... я тоже люблю тебя, но...
– А какое тут может быть «но»? – просияла она.
– Я не смогу на тебе жениться!
– Жениться? Зачем жениться? Я не хочу за вас замуж. Я вообще не хочу замуж. С меня хватит... Знаете, даже если между нами ничего больше не будет... все равно, я услышала от вас то, чего никогда не чаяла услышать... Это уже само по себе счастье.

Господи, какое чудо! Неужели еще бывают такие женщины?

Он молча смотрел на нее.

– А... А почему вы... молчите?

– Слова в горле застряли, – хрипло проговорил он, притянул ее к себе и поцеловал. И опять этот волшебный, невероятный, ни с чем не сравнимый вкус поцелуя... А когда он вновь прижался губами к голубой жилке на шее и уже подобрался к застежке лифчика, она вдруг засмеялась и спросила:

– А как же грибы?

– А пошли они... – и он опрокинул назад спинки передних сидений.

– Ийка, что с тобой? – спросила Аня, когда в понедельник утром Ия пришла в ателье.

– А что со мной? – каким-то низким непривычным голосом спросила Ия.

– Ты как будто только что из-под мужика...

– И что с того? Имею право!

– Ой, Ийка, а кто он?

– Да так... один...

– Перспективный?

– В каком смысле?

– В смысле замуж...

– Абсолютно бесперспективный, но мне плевать, я его люблю!

– Ого! Круто! А он женатый?

– Ага!

- Тогда особо любить не советую!
 - Там видно будет!
 - Рассчитываешь развести?
 - Даже и не думаю! Просто люблю.
 - А он богатый?
 - Нет. Но и не бедный. Нормальный.
 - Это что же, любовь с первого взгляда?
- Ия на секунду замешкалась с ответом, а потом решительно сказала:
- Вот именно!

Владислав Александрович заехал к родителям, привез для Саньки новый телефон.

- Владя, надеюсь, ты не слишком дорогой купил?
- Да нет, мама, они же теперь недолговечные, не имеет смысла.
- Да? То-то я смотрю, мой мобильник стал все время разряжаться. Папа говорит, надо купить новую батарейку.
- Бессмысленно. Сколько твоему телефону?
- Два с половиной года.
- Тогда и вправду нет смысла. Что ж ты не сказала? Я бы тебе тоже купил.
- Нет, Владя, я сама куплю. Я же знаю, какой мне нужен. Чтобы крупные цифры и буквы, чтобы только звонить и отвечать на звонки, а всякие прикамбасы мне абсолютно не нужны.
- Мама, только не забудь перекинуть все номера на симку, а то будет как в прошлый раз.
- А я не умею.
- Саньке скажи. Он лучше меня в этом разбирается.
- Владя, а что с тобой?
- А что со мной?
- Ты часом не влюбился?
- Да с чего ты взяла?
- Что ж я, своего единственного сына не знаю? Ой, Владька, колись, кто она?
- Да неважно, мама...
- Что значит неважно? У тебя, между прочим, сын, и ему абы кто не сгодится...
- Мама, о женитьбе речь вообще не идет. Да, я увлекся... Но сразу предупредил, что не могу жениться.
- А сколько ей лет?

– Двадцать восемь.
– Владя, она для тебя чересчур молода.
– Мама, поскольку речь не идет о женитьбе, то прости, но тебя это не должно заботить.

– Вон ты как с матерью... Зря! И раз так, я уже ее ненавижу!
– Мама! – вдруг страшно испугался Владислав Александрович. – Как ты можешь? Зачем? Она чудесное, редкое в наше время существо. Она меня любит, любит с детства...

– То есть как?
– А вот так. И все. Мы закрыли эту тему.

– Ий, тебя к телефону! – сказала Аня.
– Кто?
– Не знаю.
– Алло!
– Это Ия Руденко?
– Да, – ответила она и подумала: надо бы сменить фамилию. – Я вас слушаю.

– Дело в том, что моя дочь выходит замуж, – мужской голос в трубке звучал, как показалось Ие, очень надменно. – Когда мы с ней могли бы приехать, чтобы заказать платье?

– Да в любое время!
– Нет, вы назначьте точное время, я очень занят и не могу ждать, пока вы будете возиться с другими бабами.

– Хорошо. Сегодня в четыре часа вас устроит?
– Да. Ждите!
– Кто это? Клиент? – любопытствовала Аня.
– Папаша. Сам приедет выбирать дочке свадебный наряд.
– Воображаю! А почему не мамаша?
– Может, там и нет мамаша. Да какая нам разница?

Ровно в четыре часа в ателье вошел крепкий, бритый наголо парень лет двадцати пяти. Окинул взглядом помещение и что-то буркнул в переговорное устройство. Охранник, сообразила Ия.

И вскоре вошли двое – довольно невзрачная девушка и высокий грузноватый мужчина лет пятидесяти с красивым, но несколько обрюзгшим лицом.

– Кто тут госпожа Руденко?
– Это я.
– Ух ты! – произнес мужчина. – Ну, показывайте. Смотри, Танюшка!

Да тут только одно свадебное...

– Присаживайтесь, пожалуйста. Может, хотите кофе или чаю? – предложила Аня.

– Мы сюда не чаи распивать приехали. Вот, дочка моя замуж выходит. Я предлагал поехать в Париж платье купить. Нет, уперлась, хочу к Ие Руденко! Подружка у нее замуж в вашем платье выходила, так она тоже хочет. А то, чего требует дочка, должно быть исполнено, точка!

– А вы Мистер Твистер? – улыбнулась Ия.

– Выходит так! Татьяна, выбирай!

– Папа, но я не могу так быстро... Ты езжай по своим делам, а я как выберу платье, пришлю тебе на телефон фотку.

– Разумно. Ну, я вижу, тут и вправду долгая канитель будет. Ладно, я поехал. Все равно я ни хрена в этих тряпках не разбираюсь.

– Спасибо, папочка!

Любящий папаша пошел к выходу. Уже в дверях он обернулся, окинул Ию оценивающим взглядом, чему-то усмехнулся и сказал:

– До скорого, девушки!

Таня зачарованно бродила среди манекенов.

– А между прочим, интересный мужик, – тихонько заметила Аня.

– Да ну, типичный Мистер Твистер.

Ия подошла к девушке.

– Скажите, вы хотите что-то определенное?

– Я пока смотрю. Знаю только, что не хочу традиционное белое платье. Хочу что-то скромное, но... Чтобы я в нем не потерялась. Короче, без наворотов.

– У вас великолепная фигура. Ее надо подчеркнуть. Я просто еще не знаю ваших предпочтений...

– А какой цвет сейчас в тренде?

– В этом сезоне очень актуален оранжевый, но вам это противопоказано.

– Ой, да, оранжевый я терпеть не могу.

– А вот зеленый... У вас же глаза зеленые.

– Зеленый? – задумчиво проговорила девушка. – Даже не знаю... Нет, наверное. Папа скажет, что я царевна-лягушка. А может, вот это? Мне так оно нравится!

– Нет, оно слишком цветастое, оно вас съест. О, кажется, я знаю... Аня, принести, пожалуйста, сиреневый гипюр...

– Сиреневый гипюр? Ни за что! Это такая пошлость!

– Подождите, давайте просто прикинем, не понравится, придумаем

что-то другое.

Аня вынесла им кусок фантастически красивой ткани. В этом сиреневом почти отсутствовали розовые оттенки, это был цвет серовато-сиреневый и смотрелся он удивительно благородно. Но Ия достала из шкафа кусочек серебристой ткани и подложила под гипюр. Сиреневая ткань вдруг приобрела какую-то таинственность. Таня глаз не могла оторвать.

– Как красиво! Мне нравится, что есть серебро, но его совсем мало... Знаете, это как вода подо льдом перед закатом...

– Какое тонкое и точное сравнение! – поразилась Ия. – Вы художница?

– Нет. Просто люблю живопись. Это очень благородно выглядит. И вроде мне идет?

– Вам очень идет. Просто надо будет макияж поярче.

– А фасон?

– Одну минутку. – Ия взяла блокнот и мгновенно набросала фасон – очень облегчающее платье с изящной легкой драпировкой с одной стороны юбки. – Вот, примерно так...

– Красиво! – зачарованно проговорила девушка. – А ничего, что декольте?

– Вы будете венчаться?

– Нет.

– Тогда нормально. У вас очень красивые плечи и грудь...

– Вы правда так считаете?

– Конечно. Не считала бы, не стала бы предлагать такой фасон. А вам что, никто не говорил, какая у вас роскошная фигура? Высокая грудь, тонкая талия...

– Нет, мне все больше говорили, что у меня глаза маленькие, нос длинный, я хотела сделать ринопластику, но папа не позволил...

– А насчет носа и глаз это тоже папа?

– Папа.

– А жених? Тоже папа нашел?

– Да.

– А вы его не любите?

– Не знаю. Он мне нравится. Но, по-моему, он женится не на мне, а на папе... – грустно проговорила девушка.

– Знаете, это все ерунда.

– Вы о чем?

– Глаза маленькие, нос длинный. Ерунда! Надо сделать пышную стрижку, подвести глаза, и вы станете неузнаваемой! Почему с такими

комплексами вы не обратились к хорошему стилисту? Насколько я понимаю, материальных проблем у вас нет?

– Папа считает, что девушка должна быть натуральной... А мамы у меня нету.

– Знаете что, Таня, а давайте сделаем так... Вы в день свадьбы с утра приедете сюда, я договорюсь со стилистом. И вы явитесь к жениху такой, что он просто ахнет... А папа уже ничего сделать не сможет, к тому же вы так ему понравитесь, что он...

– Вы не знаете моего папу. Он может заставить меня смыть макияж. Просто потому, что я его слушалась.

– Таня, ваш папа ничего не заметит и не поймет. Он просто решит, что это платье так вам к лицу.

– Скажите, а если... ну... чем-то прикрыть лицо... что-то вроде вуали сделать?

– Зачем?

– Понимаете, когда нас распишут, папа уже ничего не сделает, а пока... Он всегда твердит – выйдешь замуж, твори с собой что вздумается, а пока...

– Ну не чадру же на вас надевать, в самом-то деле. Неужто он такой самодур, ваш папа?

– Такой... Он на все способен, если ему вожжа под хвост попадет.

– Таня, а вы не преувеличиваете? Ведь согласился же ваш папа, чтобы вы сшили платье у меня, а не поехали в Париж?

– Согласился. Но только потому, что моя подруга у вас шила, а ее папа такой крутой, что мой его очень сильно уважает.

– Кажется, я придумала... Когда у вас свадьба?

– Шестого сентября.

– Замечательно! Шестого сентября может быть уже холодно. Я сделаю вам на это платье пелерину с капюшоном. Это будет очень эффектно, и до порога ЗАГСа вы в ней спокойно дойдете, а там уж...

– Здорово! Не зря мне о вас говорили! Вы чудо! А пелеринка из чего будет?

– Из этой же ткани. А ваш папа, он кто? Олигарх?

– Ну, на олигарха все-таки не тянет, но очень тянется.

– Понятно, – улыбнулась Ия. Эта девушка ей определенно нравилась.

У Тани зазвонил телефон.

– Папа! Алло, да, папочка. Выбрала. Нет, прислать не могу, я выбрала только ткань и фасон, мне жутко нравится. Чудо просто. Хорошо. – Она спрятала телефон. – Папа сказал, что вам, кажется, можно доверять, просто

удивительно, папа никому вообще не доверяет. Можно я тут подожду чуть-чуть, за мной сейчас придет машина?

– Конечно. Хотите кофе или чаю? У нас потрясающее печенье. Специально заказываем в кондитерской.

У Тани блеснули глаза.

– Я с удовольствием!

Она буквально накинулась на печенье.

– Простите, мне сладкого не дают. А я так люблю...

– У вас что, диабет?

– Нет, у меня папа! – рассмеялась Таня. – Не будешь жрать сладкое, не разжиреешь, он всегда мне это внушает... А печенье у вас – мечта!

Ия вышла и через минуту вернулась с небольшой коробочкой.

– Я смотрю, у вас сумка большая, вот, спрячьте. Надеюсь, папа вашу сумку не обыскивает?

– Слава богу, нет. Спасибо вам огромное. Вы хороший человек, Ия. И имя у вас такое красивое...

– Ничего, Танечка, ждать осталось не так уж долго. Выйдете замуж, а там уж оторветесь. Только мужу не позволяйте вами командовать.

Таня беспомощно улыбнулась и сунула в рот еще одно печенье. Ей опять позвонили.

– Иду! – бросила она в трубку. – Знаете, Ия, после разговора с вами я вдруг подумала: может, я вовсе и не такая уж уродина. Это дорогого стоит. И фигура у меня классная... Словом, моя самооценка здорово повысилась после разговора с вами. Спасибо!

– Я рада. Значит, через пять дней жду вас на примерку.

– Через пять? Так долго...

– Раньше не получится, у меня много заказов.

– И вы со всеми заказчицами так возитесь?

– Ну, как вам сказать. Просто не всем это нужно.

– Вы чудо!

– Ийка, чего она такая зашуганная?

– Да папаша у нее, похоже, идиот и самодур. Совершенно заклевал девочку, внушил ей, что она уродина...

– Убивала бы таких...

– Между прочим, моя мама тоже внушала мне, что я уродина. Алинка красавица, а я жердь... Родители частенько возвращают в детях комплекс неполноценности. Им кажется, что они желают детям добра, хотят видеть их более совершенными, а те потом всю жизнь этим комплексом мучаются.

Если бы не Алинка, может, я тоже была бы такая зашуганная...

– Да тебе-то что шугаться, ты красавица, и мужики не переводятся...
Вон как сияешь.

Ию и впрямь буквально распирало от счастья и восторга. Вчера вечером Владислав Александрович приехал к ней и остался до утра. У нее не было подруг. А так хотелось поделиться с кем-то. Со старшей сестрой она могла поделиться чем угодно, но только не этой радостью. Не скажу же я ей, что сплю с ее бывшим любовником, тем более что она хотела его вернуть. Единственная закадычная подруга Авива давно уже живет в Израиле, а по скайпу как-то не получается вести душевные беседы. И вдруг ее словно обожгло – а как же Миша? Он ведь в какой-то момент обязательно приедет. Как он там, бедный? В новостях все время говорят, что вода в Амуре только прибывает. А он там спасает людей. Он вообще такой, спасатель... И меня спас. Ее вдруг залило теплом. Миша... Я, кажется, скучаю по нему... Господи, при чем тут Миша? Я же люблю Владислава Александровича, моего Влада... Но у нее никак не получалось говорить ему «ты», даже в постели. А он смеется и требует, чтобы я говорила ему «ты». «А то я чувствую себя каким-то почтенным старцем!»

И я совсем больше не боюсь, когда он снимает очки. У него такие добрые, близорукие и такие красивые глаза, в них отражается такая нежность, когда он на меня смотрит. Мне так хорошо оттого, что он со мной. И немножко оттого, что где-то далеко есть Миша... Неужели можно любить двоих? Эх, поговорить бы с Марией Евграфовной. Но звонить ей мне неудобно. Что я ей скажу? Знаете, я переспала с Голубевым, я его люблю, но еще немножко люблю Мишу? Бред! Но если я буду держать это в себе, меня просто разорвет! А может, поехать к Авивке? Она давно зовет, и отдохнуть недельку у теплого моря не мешает. Авивке можно рассказать все. Я так и слышу, как она мне говорит своим удивительным низким голосом, похожим на звучание контрабаса: «Тут все элементарно, мадемуазель! Ты просто сучка в период течки!» Авива работает ветеринаром, и все ее сравнения из мира животных. В детстве мы с ней собирали всех шелудивых котят и собак в округе, но относили их к ней, так как меня в дом с живностью просто не пустили бы. Авива как-то с детства понимала, как их выхаживать. Врожденный дар ветеринара. И сейчас в Тель-Авиве у нее большая практика. Хочу к Авиве в Тель-Авив. Правда, она всегда говорит, что раньше октября в Израиль лучше не соваться, жарко. А что, я уже три года не была в отпуске, имею право. Надо до октября разобраться с заказами, а новых пока не брать, высвободить себе недельку... Ох, а как же я без Голубева? А вдруг он захочет со мной

поехать? Вот было бы классно! Хотя нет, если он будет со мной, я не смогу много общаться с Авивкой. Да ну, скорее всего мне просто не удастся вырваться. Работы так много, и нельзя ею пренебрегать... Я тут на днях прочла в каком-то журнале, что, когда один из супругов бросает другого, виноват тот, кого бросили. Какая-то артистка разразилась житейской мудростью. Чувшь собачья! Бред самонадеянной бабенки. Чем я виновата в том, что меня бросил муж? Тем, что у меня денег меньше, чем у дочки олигарха? Да о чем я вообще думаю? У меня сбылась хрустальная мечта детства – меня полюбил Голубев! Он не может на мне жениться? Подумаешь, большое дело! Главное – он со мной. Я просыпаюсь иногда, а он спит рядом! Я смотрю на него спящего и не верю себе... А что это значит? Только одно – я самая счастливая женщина на свете, и гори оно все синим пламенем!

Что я наделал, думал Владислав Александрович. Да, я кажется и впрямь люблю эту женщину, но что я могу ей дать, кроме себя самого, а это не такой уж подарок... Я не могу на ней жениться, а ей нужна семья, ребенок, она нормальная женщина, прекрасная хозяйка, ей нужно гнездо, птенцы, над которыми она будет хлопать крыльями. А я? Я не хочу гнезда, не хочу птенцов, я вольный орел... Хотя какой я, к чертям, орел? Так, кукушка. Кстати, по-немецки кукушка мужского рода. Дер Кукук! Я вольный Кукук! Сына подбросил родителям и летаю себе... «У жирафа вышла дочь замуж за бизона». А я даже не бизон, я кукук. Довольно уже общипанный кукук. А жирафики, они млекопитающие... И что птице делать с млекопитающим?

Так он пытался защититься от своей любви, от этого терзающего его чувства, от желания ни на минуту не расставаться с Ией. От нежности, переполнявшей его, когда он смотрел на нее. От влюбленного взгляда огромных карих глаз с невероятно длинными ресницами. А вкус ее поцелуев, а кожа, шелковая, как шкурка юного жирафенка. Все эти мысли и чувства донимали его, мешали жить и работать.

Позвонила Нина.

– Влад, надо поговорить.

– Что-то случилось, Ниночка?

– Нет, просто есть задумки новой программы, хотелось бы обсудить. Надо встретиться. Давай увидимся в кафе.

Он удивился. Одно время он частенько бывал у нее. Видимо, она что-то поняла. И ведет себя на удивление деликатно. Она умна. И не хотелось бы портить с ней отношения. Она может быть хорошим другом. Хотя она,

кажется, любит меня... Господи, я сошелся с ней, что называется, с горя, а теперь приходится расхлебывать. Идиот, тебе уже пятый десяток, а скачешь из постели в постель... Стыдно, господин Голубев.

Ия никогда не звонила Голубеву. Он сам звонил ей довольно часто и присылал нежные эсмэски. Она с восторгом отвечала, но сама не была инициатором переписки. Боялась быть назойливой, боялась ему надоесть. И каждый день повторяла как заклинание: сбылась моя мечта, и даже если больше ничего не будет, все равно... Главное, что я услышала от него признание в любви.

На примерку Таня приехала с отцом. Ия увела девушку в примерочную.

– Ой, я не знаю, боюсь, он будет во все лезть. Он в самую последнюю минуту сказал, что хочет поехать со мной.

– Ничего страшного. А может, вашему папе еще все понравится.

– Да, как же... Он ничего не понимает, у него вообще нет вкуса.

– Таня, в примерках мужчины вообще ничего не смыслят, да задурим мы ему голову. Не волнуйтесь.

Платье сидело идеально.

– Ну еще бы, такая фигура. А сверху накинем пелеринку.

– Ой, как красиво... Ия, вы волшебница.

– Все, можете показаться вашему папе.

Девушка вышла из примерочной.

– Вот, папа, смотри.

– А эта хрень с капушоном зачем? – он так и сказал «капушон».

– Папа, я надену ее, если будет холодно, а потом сниму.

– Сейчас сыми!

Ия помогла Тане снять пелеринку.

– Богато! Ничего не скажешь! А у тебя, дочка, оказывается, фигура что надо! Жаль, мордашка подкачала.

– Что вы такое говорите! – возмутилась Ия.

У Тани между тем глаза были полны слез.

– Что есть, то и говорю! Пусть знает, что красотой не блещет, и мужа своего ценит.

– Вы совсем не любите вашу дочь? Тогда зачем вы сюда приехали? Говорить ей гадости? А в день свадьбы вы с утра тоже будете ей говорить такое? – вдруг страшно разозлилась Ия.

– Да я ж только правду говорю. Ты вот красавица с мордочки, а фигура

у тебя не очень, длинная и тощая.

– Вы знаете, на вкус и цвет товарищей нет. А Таня в день свадьбы будет такой красивой, что вы ахнете.

Таня от испуга сжала руку Ии.

– А знаете почему? Потому что избавится от вашей тирании.

– Смелая девушка, – с угрозой в голосе произнес папаша.

– Просто я тоже говорю правду, как вы. Вам эта правда не нравится, а нам тоже не нравится ваша правда.

– А ты мне нравишься, норовистая лошадка! – И он как-то плотоядно ухмыльнулся. – И платье красивое. Даю добро.

Ах ты, сволочь, подумала Ия, добро он дает, капушон несчастный!

Наконец они ушли.

– Ийка, ты спятила? – накинулась на нее Аня. – Он же тебя может в порошок стереть!

– Ничего, как-нибудь, меня просто захлестнуло ненавистью. Капушон!

– Ага, я тоже отметила. Давай будем звать его Капушон.

– Давай. Но как можно на людях так говорить о дочери? Это ж каким носорогом надо быть.

– А он, между прочим, тут о тебе все расспрашивал. Видать, запал.

– А что спрашивал?

– Ну, замужем ли ты...

– А ты что сказала?

– Правду, что в разводе... Еще спросил, есть ли у тебя мужик. Я сказала, что не в курсе. Но поклонников много. Ох, Ийка, чует мое сердце, ты еще с ним хлебнешь.

– Да что я с ним хлебну? Сдам платье, и прощай, Капушон!

– Хорошо бы так...

– Ой, Ань, вечно ты что-то придумашь.

Тут запищал Иин телефон. Пришла эсэмэска от Голубева: «Любимая, можно я приеду в восемь?»

Она ответила: «Ура! Но лучше в девять».

– Твой?

– С чего ты взяла?

– А ты вон как заулыбалась... Смотреть приятно.

Но тут явилась очередная клиентка.

Голубев принес ей букет пестрых астр.

– Люблю астры, – улыбнулась она, целуя его. – Но мне от них всегда немножко грустно.

– Почему?

– Потому что астры – это конец лета.

Я зиму не люблю.

– Да, московская зима – это противно. Но можно поехать за город, походить на лыжах...

– Вы голодный?

– Признаться, да. Но, может быть, мы сходим куда-то поужинать, чтоб тебе не возиться?

– Нет, у меня есть ужин, я утром приготовила. Как чувствовала, что вы придете.

Она принялась накрывать на стол. Он обожал смотреть, как она сует по кухне, что-то достает, хлопает дверцей холодильника, гремит сковородкой, у нее все это получалось легко, ненатужно и очень красиво. На ней было легкое домашнее платье какого-то удивительно красивого и невульгарного желтого цвета, восхитительно оттенявшего смуглую кожу.

– Какое красивое платье... Цвет дивный.

– Да, дюшес.

– Что дюшес? – не понял он.

– Цвет называется дюшес. Цвет груши.

Он встал, подошел к ней сзади, обнял, поцеловал голубую жилку на шее.

– Ты мое счастье, – прошептал он.

Она, не отрываясь от сковородок, погладила его по щеке.

– Садитесь. Все готово. Вина хотите?

У меня чудесное чилийское вино. «Тарапака» называется.

– Белое?

– Да. Сухое.

– Хочу. Ты ж не прогонишь меня до утра?

– Вы со мной кокетничаете?

– Отнюдь. Просто я не уверен, что...

Я должен буду тебя огорчить.

У нее упало сердце.

– Что? Что случилось?

– Ничего не случилось. Просто я вынужден буду уехать на целый месяц.

– Куда?

– Далеко. В Латинскую Америку. Буду снимать для канала программу о жизни бывших нацистских преступников в Аргентине. Мне это очень интересно...

- А вы один едете?
- Нет, со съемочной группой.
- А Нина Бронникова тоже едет?
- Да. А почему ты спросила?
- Просто так...
- Ты что, ревнуешь меня? К Нине?
- Да. Ужасно. И буду мучиться. Весь месяц.
- Дурочка! Жирафенок мой глупенький!
- Я только тебя люблю. Запомни, только тебя.
- Но ведь у вас что-то было с Ниной, я знаю!
- Как ты можешь знать, чудачка, то, чего не было?
- Я чувствую.

– Ну, придумать себе можно любую страшилку. Хочешь терзаться ревностью, терзайся, – рассердился вдруг он. – Я же вот не задаю тебе вопросов про твоего деверя, хотя меня это тоже мучает.

– Но я в Москве, а мой деверь сейчас спасает людей на Дальнем Востоке, а вы с Ниной будете там вместе... И она тоже будет вас ревновать ко мне, и вы, чтобы доказать ей, что она ошибается, будете с ней спать, тем более вы вряд ли целый месяц сможете обойтись без женщины.

Он был крайне озадачен.

- Девочка моя родная, я только тебя люблю. Поверь ты мне.
- А я верю. Но спать с ней вы будете.

И потом у вас с ней столько общего... работа... Но пусть... Просто помните, что я буду мучиться, потому что люблю вас больше жизни и кроме вас у меня никого нет и никто мне не нужен.

И все, мы закрыли эту тему. Когда вы едете?

- Через неделю.

Она достала из холодильника бутылку и налила ему вина. Он понял, что она не прогонит его. Ох, хитрюга, подумал он, сумела заранее внушить мне чувство вины. Но до чего же хороша...

Платье для Тани было готово за два дня до свадьбы. За ним приехал папаша.

- Ну что, красавица, давай платье!
- А Таня почему не приехала? А вдруг что-то не так? Надо же примерить.
- Она наказана.
- Господи, за что?
- Это тебя не касается. Вот твой гонорар. Да пересчитай, деньги счет

любят.

Ия пересчитала.

– Все в порядке. Спасибо.

– Слушай, а почему это твоя фирма ютится в каком-то переулке? Тебе надо другое помещение подыскать. Где-нибудь на Тверской или на Садовом кольце. Там попрестижнее будет.

– У меня пока нет денег на такое помещение. Аренда и так дорогая. Заработаю, переберусь.

– А тут хрен заработаешь, многим сюда ходить запахло.

– Но вот вы же пришли.

– Ну, Танька долго ныла. И потом Анциферовская дочка у тебя свадебное платье шила. Слушай, а хочешь, я тебе куплю магазин где-нибудь в хорошем месте?

– Нет, спасибо. Не хочу.

– А почему это ты не хочешь?

– Но вы же взамен чего-то потребуете. А я не готова.

– Ишь ты, умная баба. Не люблю умных. Значит, не хочешь?

– Благодарю вас, но для меня ваше предложение неприемлемо. Меня вполне устраивает это помещение. Еще раз спасибо, – убийственно холодным тоном проговорила Ия.

– Ну, была бы честь предложена. Так что, в случае чего, пеняй на себя.

С этими словами он удалился.

– Ой, Ийка, с огнем играешь! – сказала Аня, слышавшая весь разговор.

– Да что он мне сделает!

– Что в его башку взбредет. Поджечь может. Еще как-то навредить...

Да мало ли...

– Ерунда! Побесится и перестанет. У него через два дня дочка замуж выходит, не до меня ему будет, а там, глядишь, еще какую-нибудь девушку приметит, более сговорчивую.

– Поглядим. Но мне что-то боязно.

А Ия могла думать только о том, что завтра рано утром Голубев улетает на целый месяц. Вчера они уже попрощались. Он сказал, что в последний вечер не сможет к ней приехать, и она буквально сходила с ума от ревности. Но постаралась скрыть это от него. Не нужно, чтобы он уехал с раздражением в душе. Она приготовила вкусный ужин, весь вечер была спокойна и даже весела. Они провели бурную ночь, а утром он спросил:

– Ну что, жирафенок мой любимый, ты успокоилась?

– Да! – покривила душой Ия.

А он счел за благо поверить ей.

Но он был еще в Москве, и это ее терзало. Может, улетит и тогда я успокоюсь, все равно уже ничего не изменишь...

Ия допоздна задержалась на работе, не хотелось идти домой, тут ей было легче. Внезапно в дверь позвонили. В такой час двери всегда заперты. Сквозь дверное стекло она увидела мужскую фигуру.

– Вы к кому?

– Ия, открой!

– Кто это?

Голос был незнакомый.

– Ия, это Леха Чащин, помнишь меня? Мы с тобой учились...

– Господи, Алешка! – Она отперла дверь.

Это и в самом деле был ее одноклассник Леха Чащин, он был в нее влюблен классе в восьмом. Теперь это был здоровенный детина в спортивной куртке. Они обнялись.

– Леха, ты что, жениться надумал? Чего так срочно? Да заходи, хочешь кофе? Печенье вкусное есть... Куда ты пропал?

– Ийка, все потом... Я пришел тебя предупредить. Тебе надо срочно смыться из Москвы.

– Леш, что ты такое говоришь?

– Ийка, ты знаешь Валерия Курдюмова?

У Ии оборвалось сердце.

– Ну, знаю, просто он... вернее, его дочка...

– Короче, тебе надо в два дня смыться из Москвы. Причем соблюдая все меры предосторожности. Он надумал тебя похитить.

– Похитить? Что за бред?

– Это не бред, Ийка, это, к сожалению, реальность. Я его охранник и еще... выполняю всякие поручения. Так что я знаю, что говорю. Такое уже бывало. Но если ты исчезнешь на месяц, он поищет-поищет, да и махнет рукой. Проверено. Но ты его здорово разозлила... Он мне уже велел разработать план...

– Какой план?

– Ийка, не тупи! Лучше тебе не знать... как все бывает.

– Но зачем же ты на него работаешь?

– А у меня отец инвалид, Курдюмов дал мне денег на операцию в Германии, а еще... Короче, я ему должен... Но когда я понял, что он на тебя покушается, не выдержал и вот примчался к тебе. Поверь, все более чем серьезно. Ты должна как можно скорее выехать в Питер.

– Почему в Питер?

– Я не договорил. Выехать в Питер, а оттуда вылететь за границу, если у тебя есть шенген, или в любую безвизовую страну.

– Но почему из Питера?

– Потому что он проверит все аэропорты.

– Но он может и в Питере проверить.

– Нет, у него такие завязки только в Москве. И потом, он не должен понимать, что ты сбежала, просто уехала куда-то в отпуск. И лучше, чтобы я тоже не знал, куда ты полетишь.

– Леха, но как я могу... – вконец растерялась Ия. – У меня же работа...

– Но бывает же форс-мажор! У тебя есть кому доверить ателье?

– Ну, в принципе, есть... Аня.

– Можешь прямо сейчас позвонить?

– Ну, наверное, могу...

– Звони!

– А что говорить?

– Можешь вызвать ее сюда?

– Попробую.

– Звони с моего телефона!

– Почему?

– А он велел поставить твой телефон на прослушку. Приедешь в какую-нибудь страну, купи тамошнюю симку. У тебя деньги-то есть?

– Есть. Алло, Анята, можешь сейчас вернуться в салон?

– Что-то случилось?

– Да.

– Иду!

Аня тоже жила поблизости и буквально через десять минут влетела в салон.

– Ийка, что? Капушон?

– Да.

– Ой, а вы кто?

Алексей не сводил глаз с хорошенькой пухленькой Ани.

– Ой, я вас видела! Вы охранник Капушона!

– Кого? – не понял Алексей.

– Да мы так прозвали Курдюмова.

– А!

– Ань, мы с Лехой учились в школе, и он пришел меня предупредить...

Короче, мне надо уехать.

– Куда?

– Об этом никто знать не должен, ни вы, ни я! – вместо Ии ответил

Алексей.

– Но как же заказы?

– Ань, Гуля дошьет, что раскроено. Если будут претензии, выписывай расписки, а я, когда вернусь, выплачу все неустойки...

– Но меня же будут спрашивать...

– Обязательно, – заметил Алексей.

Несмотря на подлинный драматизм ситуации, Аня почувствовала, что нравится Алексею, который тоже ей глянулся, и это вдохновило ее.

– Я знаю, что надо делать!

– Что? – хором спросили Алексей и Ия.

– Я буду всем говорить, что ты умчалась на Дальний Восток к своему мужику, который там попал в больницу. Ищи там тебя, свищи!

– Нет. Про больницу я не согласна!

– Алеша, а ваш патрон меня пытать не станет?

– Да нет, ерунда.

– Знаете что? Просто скажешь, что я плохо себя чувствовала в последнее время и меня положили в больницу, я упала в обморок, у меня кровотечение, короче, что-то по женской части... Авось, ему станет неприятно...

– А что, мысль неплохая. Но он может захотеть в этом убедиться. Заставит меня прочесать все больницы, навести справки в «скорой». Он не так прост. Но направление мысли верное. Надо придумать, кто тебя в больницу увез.

– Ты просто позвонила какому-то своему другу-медику, он за тобой приехал. А кто он такой, я понятия не имею. Я в такой панике и растерянности, что с ума схожу. Твой телефон не отвечает, клиенты замучили, я клянусь тебе на чем свет стоит... – вдохновенно сочиняла Аня.

– Анечка, да вы просто золото! – восхищенно проговорил Алексей. – Это самый лучший вариант.

– Так, может, мне и уезжать не надо? Просто отсидеться где-то?

– Нет, Ийка, ты его не знаешь. За месяц он уgomонится. Но этот месяц... Короче, все куда серьезнее, чем вам, девчонки, кажется. Отмазку Аня клевою придумала, но все-таки ты должна бесследно исчезнуть.

– Но что он может ей сделать? – спросила Аня.

– У него есть своя схема. Девушку увозят, он ее прячет, насилует, потом запирает в подвале без еды дней на пять, а потом, вколов ей снотворное, перевозит на своем самолете на юг Франции, где у него вилла, и там, несчастную, сломленную, ослабевшую, начинает всячески обхаживать, кормить деликатесами, дарить брюлики, одевать у лучших

дизайнеров, но документов у нее нет, удрать она не может... Короче, надо линять, Ийка.

– Господи, Леха, это звучит как...

– Ага, все как в дурном кино.

– А что потом с этими девушками? – дрожа от ужаса, спросила Ия.

– По-разному. На моей памяти было пять таких историй. Когда девушка ему надоест, он возвращает ее на место с солидной суммой в кармане. Но две из них... Знаете, что такое стокгольмский синдром?

– Примерно, – пролепетала Аня.

– Это когда похищенный принимает сторону похитителя. Короче, эти бедолаги в результате без памяти в него втюрились. И одна, когда он ее отослал домой, покончила жизнь самоубийством.

– Неужели такое бывает в жизни? – прижав кулачки к щекам, спросила Аня.

– Сам бы не поверил, если бы не был свидетелем.

– А почему ты его не сдашь ментам, ты же хороший парень? А, ты, наверное, ему должен, он, наверное, дал денег на операцию для кого-то из твоих близких, да? – наступала на него Аня.

– А ты почему знаешь? – вытаращил глаза Алексей.

– Знаешь, сколько я сериалов про такие дела смотрела? И, кстати, у этих сериалов не всегда хороший конец... Да, Ийка, тебе надо валить.

– А Таня, его дочка, знает о художествах папаши?

– Даже не догадывается. Она как раз хорошая девка, добрая, в мать. А мать у нее с собой покончила из-за муженька.

– Леш, а ведь ты рискуешь. Вдруг он кого-то пошлет за тобой? Или уже послал?

– Ну, это вряд ли! Он хоть и осторожный, но мне доверяет именно потому, что я еще ни разу его не подвел. Да, девчонки, я конченный подонок, но Ийку в обиду не дам. Короче, сейчас ты собираешь манатки, и я отвожу тебя в Шереметьево. Полетишь в Питер. А дальше я ничего знать не хочу.

– Я тоже поеду в аэропорт! – заявила Аня.

– Зачем? Тебе надо выспаться. Завтра у тебя будет трудный день, – возразила Ия.

– И, по-твоему, я смогу заснуть?

– Аня права. И она поможет тебе вещи собрать.

У Ии голова шла кругом.

Алексей посадил девушек в свой джип и уже через три минуты затормозил у подъезда.

– Поднимайтесь. Я жду в машине. Только побыстрее.

Девушки опрометью кинулись в подъезд. Когда они вбежали в квартиру, Аня вдруг прошептала:

– Ийка, ужас какой! Куда же ты поедешь?

– Есть у меня одна мысль...

– Нет, не говори мне! А вдруг меня будут пытаться? А я боли боюсь. В кино знаешь как пытаются...

– Анька, брось. Никто тебя пытаться не будет. Да и Лешка тебя в обиду не даст. Он явно на тебя запал.

– Тебе тоже так показалось? А он ничего, интересный парень... И это все так романтично!

– Ань, ты мои цветочки будешь поливать?

– Не вопрос!

Ия между тем вынимала вещи из шкафа.

– Ты куда-то на юга намылилась? Сентябрь уже, а ты все такое легкое берешь?

– Ну да, бежать, так к теплему морю.

Когда они уже вышли в прихожую, Ия вдруг остановилась.

– Ты чего? Идем!

– А как же... Меня же все потеряют... Леха велел выбросить симку...

– Прав. А там, куда приедешь, купишь местную и уже оттуда свяжешься со своим любимым...

– Ох, Анька, спасибо тебе, я совсем уже ничего не соображаю!

– Неудивительно. В такой ситуации у кого угодно мозги отшибет! А вообще-то можно посмотреть на все под другим углом, – шептала Аня, пока Ия запирала квартиру.

– То есть?

– Тебе сказочно, просто невероятно повезло, что у этого гнусного Капушона оказался такой охранник...

– Знаешь, Анька, когда ты пришла ко мне наниматься, я сразу почувствовала, что ты чистое золото! – со слезами на глазах проговорила Ия.

Ей повезло, на ближайший рейс в Питер нашелся один билет. За время до отлета она придумала, что ей делать, и тут же купила новую симку. А старую спрятала до лучших времен. Едва выйдя из самолета, она набрала номер.

– Алло! – ответил далеко не сразу сонный недовольный голос.

– Алло! Авивка, ты?

– Ийка? Ты? Что у тебя с голосом? Большая печаль?

– Авивка, я влипла в такую идиотскую историю... Ты сможешь меня принять?

– Принять? А ты где?

– Пока в Питере, но собираюсь сегодня же вылететь к тебе.

– Ко мне? Куда? В Израиль?

– Ну да.

– Считаю, ты уже прилетела. Я тут, под Питером, в Комарове.

– То есть как? – упавшим голосом спросила Ия.

– А вот так, отпуск у меня. Эй, подруга, ты чего там, реवेशь, что ли? У тебя что-то случилось?

– Да, у меня много чего случилось... И мне надо на месяц слинять из Москвы, я думала к тебе, а теперь вообще не понимаю... – всхлипнула Ия.

– Стоп, ты сейчас где?

– В Пулкове.

– Хватай тачку и езжай на Финляндский вокзал, там сядешь на электричку и дуй до Комарова. Я тебя встречу на станции, только позвони, сообщи, каким поездом едешь. И не реви! Мы спокойненько все обсудим, и если надо будет, я тебя без проблем отправлю в Тель-Авив. Поживешь в моей квартире без меня, а я через десять дней вернусь, и мы с тобой там так зажжем... Ты все уразумела?

– Кажется, да.

– Вот и хорошо.

– А что ты делаешь в Комарове?

– У меня тут любовь, – со вздохом отозвалась Авива. – Ой, Ийка, как же я рада, что увижу тебя, Жирафа моя дорогая! Не теряй время!

Голос любимой подруги подействовал умиротворяюще. Ия взяла себя в руки и отправилась для начала в кафе. Она была страшно голодна. Выпив кофе с не слишком свежим чизкейком, она поехала на Финляндский вокзал. И хотя она обожала Питер и давно в нем не была, сейчас ей было не до архитектурных красот Северной столицы.

Прильнув к окну в электричке, она думала: во что я влипла? Так страшно... И я, в сущности, совсем одна, несмотря на двух мужиков... Да и где они? Оба фанатично преданы своему делу, а я для них мало что значу. А муж так и вовсе меня бросил... И слезы сами потекли из глаз.

Сидевшая напротив тетка вдруг открыла объемистую хозяйственную сумку, достала оттуда большое красивое яблоко и протянула Ие.

– Возьми, милая, мытые... из своего сада, сестре везу. И плюнь ты на них, не стоят они твоих слез!

– Кто? – не поняла Ия, но яблоко взяла. – Спасибо большое!

– Как кто? Мужики! Из-за мужика же ревешь?

Ия невольно улыбнулась и надкусила яблоко. Оно оказалось достаточно сладким, но прохладным и освежающим.

– Вкусно, спасибо!

– Ох, а ты когда не ревешь, красивая, зараза!

– Еще раз спасибо.

– Да чего там...

– Скажите пожалуйста, а до Комарова далеко еще?

– Двадцать минут.

– Мне позвонить надо. Алло, Авивка, буду через двадцать минут.

– Отлично!

Женщина вдруг спросила:

– Слушай, а что это за имя такое – Завивка? Или это кликуха?

Ия рассмеялась:

– Нет, это имя такое – Авива. На иврите значит весна.

– Еврейка, что ли?

– Да, еврейка... – напряглась Ия.

– У меня тоже была подруга-еврейка, Руфка, померла давно уж, а я все по ней горюю. Сроду никого добрее не встречала.

– Вот и моя Авивка – сама доброта, но это не в национальности дело.

– Может и так. Ну ладно, милая, тебе на следующей сходить. Бывай здорова и глазки свои красивые слезами не порти. – Она достала из сумки еще одно яблоко. – А это евреечке своей передай.

Ия растрогалась чуть не до слез. Она вдруг уверовала в то, что Авивка непременно ей поможет, и, возможно, это даже хорошо, что она сейчас здесь, в России.

Авива, невысокая, полноватая, медноволосая девушка, близоруко вглядывалась в сошедших с поезда людей. И вдруг как закричит:

– Жирафа, привет!

– Авивка, какое счастье, что ты здесь. Вот, держи! – Она протягивала подруге румяное яблоко. – Это тебе от одной доброй тетки из поезда.

– Мне? – крайне удивилась Авива.

– Тебе, тебе!

– Ийка, у тебя беда?

– Можно и так сказать.

– А от кого скрываешься? От Ромки?

– Вовсе нет. Ромка от меня ушел. И уже довольно давно.

– Ох, а почему я не знаю?

– Да я закрутилась тут... И потом... Да ладно... Дело совсем не в нем...

– А я тоже хороша, дура набитая! Прямо на перроне лезу с такими разговорами. Сейчас поймаем такси и поедем.

– Куда?

– Да недалеко, на дачу. У моего тут дача. Он будет только вечером, так что мы за день успеем со всем разобраться. Вижу, тебя надо лечить, правда, жирафов мне лечить еще не приходилось, но попробую, я вообще-то хороший ветеринар.

Ие сразу стало легче. Авивка всегда на нее хорошо действовала.

Они сели в такси и через десять минут подъехали к старой даче за старым забором. Участок сплошь зарос высокими кустами, никаких клумб и грядок. Только запах чуть прелой листвы.

– Ах, хорошо, – простонала Ия.

– Конечно, хорошо! А у нас в Израиле сейчас адская жарница, да еще американцы собрались Сирию бомбить, а как это еще на нас отразится... Но к черту политику! Давай, выкладывай, что у тебя стряслось, а я пока на стол соберу!

– Даже не знаю, с чего начать...

– Естественно, с самого начала. Что с твоим летчиком вышло, и далее со всеми остановками. Тебе кофе или чай? Ой, а хочешь холодного молочка, свежего, из-под коровки?

– Да, молочка, с черным хлебушком.

– Умница! И не бойся, корову я сама проверяла.

– Ну, Авивка, ты даешь!

– А ты как думала? Нешто я стану пить, а главное, поить своего любимого невесть чем?

– А кто он, твой любимый?

– Замечательный мужик!

– Тебя вывез в Геленджик?

– Что? – опешила Авива.

– Да песенка такая есть.

– Никогда не слыхала. А мой любимый, он тоже ветеринар, великий, можно сказать, я у него многому учусь и вообще... Но обо мне потом, у меня вроде бы все хорошо. Выкладывай, Жирафа! Молочка подлить? А обедать будем, когда Ашот приедет, ты с голоду до тех пор не помрешь?

– Да нет же! – с досадой воскликнула Ия, которой уже не терпелось все рассказать, сбросить с себя часть неподъемного груза.

Ия подробно все рассказала старой подруге – и об уходе Романа, об

отношениях с Мишей, о романе с Голубевым и, наконец, о причинах столь поспешного бегства из Москвы.

– Леха Чащин? Помню его, он с пятого класса по тебе сох... А вообще история – зашибись! Просто кино. У нас в Израйловке по девятому каналу частенько такие истории показывают...

– Какие?

– Извини, ерунда... Сериалы там какие-то бесконечные и третьесортные гоняют. Но ты не дрейфь, подруга, тут тебя уж точно никто искать не станет. И Ашот что-нибудь придумает, он такой, всем помогает, и тебе поможет, как нечего делать...

– А я все только летнее взяла, на жару... – растерянно пробормотала Ия.

– Подумаешь, драма! Найдем, чем тебя прикрыть.

– Это-то скорее комедия, но пока я тут прячусь, мой бизнес может пойти ко дну. У меня в последнее время появилась настоящая клиентура.

– Послушай, а почему бы тебе не сообщить обо всем Голубеву?

Ия подняла на нее измученные глаза.

– Он же занимается разведкой, у него наверняка есть какие-нибудь достаточно влиятельные знакомые...

– Авивка, пойми, он сейчас в Аргентине, на другом конце света...

– Но если он тебя любит...

– Если любит.

– А ты сомневаешься?

– Я не знаю, я уже не понимаю, кому можно верить, а кому нет...

– Тогда свяжись с Мишей, он просто свернет башку этому ублюдку!

– И сядет в тюрьму?

...Владислав Александрович был занят с раннего утра до глубокой ночи. Он был всецело захвачен работой, многое явилось для него неожиданностью. Особенно потрясла встреча с девяностопятилетним бывшим полицаем из Белоруссии. Благообразный, седой как лунь старичок, роскошные белые зубы на смуглом сморщенном лице пугали жутким несоответствием общему облику, и оттого улыбка старичка казалась зловещим оскалом.

– Ох, братушки, в чем я-то виноват? Приказ выполнял, а попробуй, не выполни! А мой двоюродный брат своих расстреливал в подвалах НКВД, а ему почему-то и почет и пенсия, а я, вишь ли, преступник? Это разве справедливо?

В словах этого старика была своя логика.

В Советском Союзе палачей, как правило, не преследовали, а тихо-

мирно отправляли на заслуженный отдых, и они зачастую громко сетовали на жизнь и почему-то с особым остервенением гоняли собак на скверах. И умирали они, как правило, в своих постелях, а этого белозубого полицая все никак не оставляли в покое...

– Знаешь, Влад, а мне его даже жалко, – сказала после интервью Нина. – Ну, допустим, посадят его, так он свою жизнь уже прожил и, судя по всему, совсем неплохо, вон детей шесть штук наплодил, внуков и правнуков без числа...

– Ты не права, – резко возразил Владислав Александрович, – и дело вовсе не в самом этом старике, а в том, чтобы ему подобные понимали, что наказание неотвратимо, что оно может настичь человека даже на пороге смерти. Впрочем, ты и сама все понимаешь, просто жертвы его для тебя уже некая абстракция, а он сам – такой вполне себе даже уютный старичок... Ты была в Яд-Вашем в Израиле? В детском зале? Нет? Тогда ты вряд ли сможешь прочувствовать...

– То есть я бесчувственная дура?

– Вовсе нет. Просто ты типичная женщина с добрым сердцем.

– А по-моему, я для тебя больше не женщина, а боевой товарищ, – в сердцах проговорила Нина.

Ему стало неловко, но он счел за благо промолчать. А что тут возразишь, когда все мысли в редкие свободные минуты устремлялись в Москву, к любимому жирафенку. И волнение сжимало горло. Почему-то вот уже три дня он не может ей дозвониться ни домой, ни на мобильный. В ателье тоже никто не берет трубку. Скорее всего, это шутки связи, но кто знает... К счастью, Нина больше на эту тему не заговаривала, но его мучила совесть. Зачем я вообще вздумал с ней спать? А ни за чем, просто она подвернулась в нужный момент и была достаточно настойчива... Но теперь, надеюсь, она поняла. А что же все-таки с Ией? Ни звонка, ни эсэмэс... Электронная почта тоже остается без ответа. Но работы у него было столько, что она волей-неволей вытесняла все тревожные мысли.

Ашот Геворкян оказался красивым ражим мужиком с необыкновенно добрым и располагающим лицом. Такому, подумалось Ие, легко доверяются и люди и звери.

– Ой, вы наша любимая подруга Ия по прозвищу Жирафа? Я сразу понял, кто вы! Рад, страшно рад вас видеть! Я все подбивал Авиву поехать в Москву, а она почему-то не соглашается!

– Ашотик, сейчас я тебя буду кормить.

– А почему только меня?

– Да мы с Ийкой целый день что-то жуем на нервной почве.
Ашот сразу стал серьезным.

– У Ии что-то случилось? Плохое, да?

– Надо бы хуже, да некуда! – шмыгнула носом Авива.

– Выкладывайте, живо! – потребовал он.

Женщины заговорили одновременно, перебивая друг дружку.

В конце концов Ашот не выдержал и стукнул кулаком по столу:

– Тихо, девушки! Кто из вас способен членораздельно и без излишних эмоций рассказать все и, по возможности, кратко, не растекаясь в подробностях?

– Я! – вызвалась Авива. – Вот: на Ийку положил глаз один сволочной олигарх, который любит сперва изнасиловать, растоптать морально свою жертву, запереть в подвале, морить голодом, а потом вывезти на Лазурный берег...

– Откуда такие подробности? – очень серьезно спросил Ашот.

– От одного нашего одноклассника, он доверенное лицо этого ублюдка...

– Понятно, рассказывай дальше!

Авива рассказала.

– Ну вот что, девочки, – медленно и как-то очень основательно начал Ашот, – Ия останется у нас, никому в голову не вскочит искать ее в Комарове. Но мне почему-то кажется, что вся эта хрень закончится самое большее дней через семь-восемь.

Авива внимательно на него посмотрела.

– Ашотик, тебе и вправду так кажется?

– Да.

– Ийка, ему всегда все правильно кажется, он не только гениальный ветеринар, он еще маленько экстрасенс.

– Не ерунди, любимая! Но если до конца твоего отпуска это не рассосется, полетите в Израиль вместе. А я... Я свяжусь с этим вашим Чашинным и слегка намекну, что Ия уехала, ну, допустим на Гоа...

– Зачем это? – вскинулась Авива.

– Во-первых, чтобы сбить со следа, а во-вторых, выясню, что там с Ииным ателье.

– Только не говори Лехе обо мне, а то он сразу догадается, что Ийка у меня. А лучше вообще ему не звонить.

– Послушайте! – вмешалась в разговор до сих пор молчавшая Ия. – Почему вы считаете, что Леха может меня сдать? Это нехорошо, несправедливо, он же сам меня предупредил и помог уехать!

– В общем и целом вы правы, Иечка, но, как говорится, береженого Бог бережет. Хотя Авива тоже права, не надо никому звонить.

– Ашот, а как вы считаете, я могу с вашего компьютера связаться с одним человеком, который сейчас в Аргентине?

– Я так понимаю, с любимым человеком? – ласково улыбнулся Ашот.

– Да, – зарделась вдруг Ия.

– Конечно, можете, почему бы и нет? Вряд ли ваш чересчур пылкий поклонник отслеживает почту какого-то питерского ветеринара.

– Ашотик, ты представляешь, этот ее любимый человек занимается историей разных разведслужб!

– И что?

– Ну, он, наверное, мог бы найти управу на этого маньяка?

– Типично женская логика! Никакая разведка в мире даже по благу не станет заниматься каким-то сексуальным террористом, если только он у них не в разработке. Поверьте, ветеринар тоже может помочь в такой ситуации. Но твой, уж прости, любимая, глуповатый вопрос, навел меня на одну мысль... Я недавно буквально с того света вытащил ротвейлера одного крупного полицейского начальника. Собака – чудо, чемпион мира, хозяин над ней трясется, так что я в любой момент могу к нему обратиться.

И обращаюсь!

– погоди, Ашотик! А ты уверен, что этот твой полицейский чин не коррумпирован? Что он каким-то образом не связан с этим ублюдком и что он не кинется сдавать Ийку? Такой вариант ведь нельзя исключить!

Ашот с удивлением посмотрел на Авиву.

– Да, к сожалению, такой вариант нельзя исключить.

Заметив, что у Ии глаза уже полны слез, Ашот взял ее руки в свои и сказал очень мягко и сердечно:

– Иечка, дорогая вы наша, живите здесь и ничего не бойтесь, вам и впрямь лучше всего просто пока затаиться. Здесь вам ничего не грозит, так что успокойтесь, вы хотели побыть со старой подружкой, вот и славно. Может, за это время вам удастся объяснить этой упрямой женщине, что зря она не хочет выйти за меня замуж. Армяне хорошие мужья.

– Весьма спорный вопрос! – не преминула ответить Авива.

Ашот только рукой махнул, встал и принес планшетник.

– Вот, Иечка, спокойно связывайтесь со своим мужчиной, но все-таки лучше не рассказывайте ему правду. На всякий случай. Тем более что он связан с разведкой и за его перепиской вполне могут следить и ваши, и наши, и ихние, – он кивнул на Авиву, – так что утечка не исключается. Просто сообщите ему, что живы-здоровы, а все потом объясните при

личной встрече. Так надежней.

Ия заплакала. В устах Ашота ее частная история приобретала уже какой-то глобальных размах.

– Ашот, не сходи с ума! По-твоему, этот ушлепок способен отслеживать весь мир? Это можно уже назвать «синдром Сноудена»! – напустилась на него Авива. – Эдак у Ийки разовьется мания преследования. Короче, Ийка, ты останешься здесь, и мы просто выжидаем. Напиши Голубеву, что...

– Ваш мужчина Владислав Голубев? – вытаращил глаза Ашот.

– Да. А что? – перепугалась вдруг и без того напуганная Ия.

– Ох ты, господи, да я же читал все его книги. Он так интересно пишет! Я, можно сказать, его фанат!

Ие вдруг стало тепло и хорошо. Этот добряк Ашот читает Голубева, он его фанат и к тому же он любит ее лучшую подругу Авивку! Да, с ними мне не страшно! С ними я верю, что все каким-то образом обойдется...

Владислав Александрович получил наконец весточку от Ии, но не только не успокоился, а еще пуще встревожился. Что там такое могло случиться? Он ничего не понял, кроме одного – она, очевидно, от кого-то или от чего-то вынуждена скрываться, однако она пишет следующее: *«Любимый мой, как Вы там, в Вашей Аргентине? У меня все нормально, только пришлось поменять электронный адрес, это пустяки, при встрече объясню. И телефон у меня украли, а так как его покупал на свой паспорт мой бывший муж, то восстановить симку невозможно, пришлось купить новый телефон с новым номером. А дома я сейчас не живу, у меня небольшие проблемы, живу у Ани. Но Вы не беспокойтесь, я из-за таких пустяков не огорчаюсь, для меня главное – Вы! И я Вас по-прежнему люблю и очень скучаю. Ваша Ия».*

Он еще раз перечитал послание. Ясно одно – она все врет. Но зачем? Не хочет меня волновать? Но от этого совсем детского нагромождения вранья он встревожился уже не на шутку.

И полез в Интернет. Завел в поисковик «Салон свадебных и вечерних платьев Ии Руденко». Никаких тревожных событий. Ни пожара, ни ограбления. Тогда что? Может, вернулся этот ее бывший деверь, к которому она «прислонилась», и теперь она прячется от него? Нет, вряд ли, он, кажется, вполне приличный малый, Ия о нем говорила только хорошее... Непонятно. Более того, похоже, что она вообще не в Москве. Его вдруг захлестнуло волной дикой ревности. А вдруг у нее завелся кто-то еще, она с ним удрала куда-нибудь к теплому морю, но терять меня не хочет и решила

запудрить мне мозги, благо я так далеко? Но, охолонув немного, он понял – это чепуха. Она же любит меня, любит с самого детства, и она вовсе не легкомысленная девица, которая способна на такое. Нет, с ней определенно что-то плохое случилось.

Он готов был уже сорваться и лететь в Москву, но подумал: если я сейчас сорвусь и все тут брошу, больше я сюда скорее всего не попаду, работа останется недоделанной, а если к тому же выяснится, что у Ии какие-то пустяки, я не прощу этого ни себе, ни ей. В конце концов она пишет, что у нее все в порядке, так с какой стати мне ей не верить?

«Девочка моя дорогая, я безумно по тебе тоскую, меня буквально сводит с ума расстояние, разделившее нас, и еще твое явное вранье, неумелое, детское, глупое, наконец! Что у тебя случилось? Где ты? Почему не пишешь откровенно? Бережешь меня? Поверь, это просто глупо, я только сильнее беспокоюсь, умоляю, напиши все как есть! Складывается впечатление, что ты от кого-то скрываешься или что-то в этом роде. Но что же это все-таки такое? Напиши откровенно, может, я смогу даже отсюда тебе помочь. Может, все не так уж страшно?»

Получив это письмо, Ия снова разрыдалась.

– Авивка, ну как я могу ему откровенно написать, скажи на милость? И почему он мне не звонит, я же дала ему новый телефон?

– До тебя и впрямь все доходит, как до жирафа! Ты про разницу во времени забыла?

– Только поэтому?

– Да откуда же я знаю? Может, поэтому, а может, он элементарно занят или попросту жмот. Звонить из Аргентины удовольствие не из дешевых.

– Ничего он не жмот! Он очень даже щедрый.

– Ну, значит, просто зверски занят. А между прочим, он у тебя умный и чуткий, сразу просек, что ты все брешешь. И вот еще что, я думаю, лучше ему там подробностей не знать. Мужики, даже самые лучшие, все равно все понимают как-то криво... Даже мой Ашотик. Знаешь, у меня в Тель-Авиве есть знакомая, она со мной работает, красивая девка, эффектная, яркая, с ней такое случилось... Еще до приезда в Израиль. Она жила в Ярославле, у нее был жених, талантливый хирург, любил-обожал, замуж позвал, она согласилась. А в один отнюдь не прекрасный день она поздно возвращалась от подружки и на нее напали трое отморожков, изнасиловали, избили и бросили на морозе подышать, спасибо, не убили. Ее подобрала какая-то женщина, которая гуляла с собакой, ее отвезли в больницу, завели дело, та женщина оказалась адвокатом, не позволила спустить дело на

тормозах, этих ублюдков нашли и осудили, но... хирург от нее отказался.

– Вот скотина!

– Да уж! Он ей сказал, что все понимает и даже верит, что все так и было, но не сможет теперь к ней прикоснуться. Что с ней было, не описать, она пыталась с собой покончить. А потом взяла себя в руки и смотралась на историческую родину. Долго вообще не могла смотреть на мужиков, а однажды призналась мне: «Знаешь, Авива, что взять с пьяных отморозков? Спасибо, не убили, я выжила, приехала сюда, тебя встретила, помогаю тебе зверье лечить... А вот Юру своего никогда не прощу, даже на смертном одре...»

– Авивка, ты это к чему мне рассказала?

– Просто для примера, на всякий случай. Не надо Голубеву про этого ублюдка рассказывать. Мало ли как он отреагирует...

Ия глубоко задумалась, а потом заявила:

– Да, ты права, сейчас не надо, а когда вернется, обязательно расскажу. Это проверка будет...

– На вшивость?

– Именно.

– Права! На худой конец у тебя еще Миша есть, герой, спасатель. И вообще, по-моему, он тебе больше подходит, хотя бы по возрасту.

Ия не хотела больше говорить на эту тему и перевела разговор:

– Да, а почему это ты не хочешь замуж за Ашота? Он такой классный!

– Классный, не спорю! И мы любим друг друга, но если мы поженимся, кому-то из нас придется бросить свое дело. И, как ты понимаешь, бросить придется мне. Но я категорически на это не согласна. Я в свои двадцать девять многого добилась, у меня репутация, обширная практика, я веду рубрику на телевидении, да и уезжать из Израиля не собираюсь. А Ашот требует, чтобы я переехала в Питер, работала вместе с ним. А я не хочу. И боюсь!

– Чего боишься? – удивилась Ия. Авивка никогда ничего не боялась.

– А кто знает, что будет, когда мы поженимся? Кто может гарантировать, что моя жертва не будет напрасной?

– Значит, ты его не любишь!

– Глупости! Еще как люблю! Но просто у меня реальный взгляд на вещи.

– И ни на шекель романтизма, – улыбнулась Ия.

– Что правда, то правда, ни на шекель!

На четвертый день Ия набралась храбрости и позвонила Ане.

– Ань, привет, это я!
– Ой, привет, Тамарочка! Рада тебя слышать! – заверещала Аня. – Как ты? Как детки?
– Ань, это я...
– Да что ж я, дура набитая, школьную подружку не узнаю! Ты чего звонишь? Не бросила еще идею заказать платье у нас в салоне?
– Его еще не разгромили? – осведомилась Ия.
– Ты как в воду глядишь! Тут такое было... Если бы не один человек, ну, ты его знаешь, его фамилия Дебрин...
– Дебрин? Первый раз слышу... Кто это?
– Совсем дура, да?
– Совсем, – всхлипнула Ия. – Я такого не знаю.
– Блин! Ну, я с ним еще при тебе познакомилась. Ладно, ты там мозги-то включи! Короче, салон пока закрыт. Написали объяву «По техническим причинам». Но ущерб большой, правда, готовые платья я вывезла к себе, а хозяйка улетела в отпуск незнамо куда и связи с ней нет. Тамар, ты в двух словах скажи, как сама-то?
– Кое-как, волнуюсь очень.
– Да ладно, сдюжим! Дебрин помогает... Знаешь, Томка, у нас с ним, кажется, любовь...
И только тут до Ии дошло, кто такой этот таинственный Дебрин – попросту Леха Чащин. А до меня и впрямь доходит, как до жирафа...

Зарядили дожди. В старом деревянном доме подруги топили голландскую печь, было тепло и уютно. Они вдвоем возились на кухне, готовили ужин к возвращению Ашота. Ия испекла пирог с яблоками и сделала к нему еще соус сабайон.

– Ну, Ийка, ты даешь! – воскликнула Авива, отведав незнакомого лакомства. – Как в лучшем ресторане! Ашотик будет в восторге, он такой сластена...

И тут у Авивы зазвонил телефон.

– Алло! Ты где, любимый?

– Включи громкую связь! – потребовал Ашот.

– Зачем?

– Ладно, бестолочь, тогда включи телевизор, через две минуты будут новости! Замечательные, просто офигительные новости! – И он отключился.

– Ничего не понимаю... Ийка, включай телевизор!

– Что? Что случилось? – побледнела Ия. Она почувствовала, что эти

новости каким-то боком касаются ее и безумно испугалась. Неужели что-то случилось с Голубевым в Аргентине? Она почти потеряла сознание от ужаса.

– Ты чего? – всполошилась Авива. – Он сказал, что новости просто прекрасные. Тихо!

«Сегодня утром на Петровку, 38 пришла женщина и заявила, что ночью убила известного бизнесмена Валерия Курдюмова. Женщина отдала в руки полиции орудие убийства, пистолет системы ТТ. Однако выяснилось, что бизнесмен остался жив, хотя и пребывает в тяжелом состоянии. Что же толкнуло молодую женщину на столь тяжкое преступление? Одно можно сказать с уверенностью – это личная месть. За что? Следствие уже вплотную занимается этим вопросом. И обращается ко всем, кто может помочь в расследовании этой очень неоднозначной истории, с просьбой оказать эту помощь. Все свидетельские показания будут использованы во благо. Виновный понесет заслуженное наказание».

– Авивка, ты что-нибудь поняла?

– А то!

– Тогда растолкуй мне! – взмолилась Ия.

– Нашлась сильная девка, грохнула этого ублюдка и сама сдалась в полицию. Он, к сожалению, выжил, но находится в тяжелом состоянии. Она, очевидно, объяснила в полиции мотивы своего поступка и, скорее всего, сказала, что случай не единственный. И полиция решила этим заниматься. Дело, что называется, обещает быть резонансным. Вот вкратце вся история. Но ты, подруга, можешь спокойно валить в свою Москву и больше не прятаться. Везучая ты, Ийка! Всего несколько дней была в бегах. Но если ты свалишь, не сшив мне потрясающее платье, будешь последней свиньей! – резюмировала Авива.

Ия опять разрыдалась, но на сей раз от облегчения.

– Между прочим, ты всегда была плаксой. Помнишь, Вовка Федотов обозвал меня жидовской мордой? Я ему тогда сразу в рыло заехала, а ты только рыдала. Чего ты сейчас-то реवेशь?

– От радости!

Ия обняла подругу и выплакалась на ее пышной груди.

Вечером примчался Ашот с шампанским и фруктами.

– Иечка, дорогая, а что я вам говорил?

Я чувствовал, что скоро этот кошмар закончится! И как в воду глядел!

– Ашотик, а Ийка тут такой пирог замурцевала, с ума сойти можно!

– Надеюсь, сладкий?

– Сладкий, сладкий! Иди, мой руки, будем ужинать, и объясни нашей Жирафе, что все кончилось.

– К сожалению, ничего еще не кончилось, девочки.

– То есть как? – ахнула Авива.

А Ия испуганно на него уставилась.

– Я хочу сказать... Нет, бояться Курдюмова уже не нужно, но вы же понимаете, девочки, что история сейчас только еще начинается. История весьма занимательная для журналистов. Вот увидите, не сегодня завтра появится какое-нибудь ток-шоу, да скорее всего не одно, телевизионщики народ ушлый, они отыщут и других жертв Курдюмова, и эти жертвы придут в студию, будут рыдать, рассказывать всякие жуткие подробности, короче, массмедиа будут всячески это смаковать.

– Ни за что не пойду ни на какие ток-шоу, – решительно заявила Ия.

– Это ваше право, конечно. Но хуже другое...

– Что? – хором воскликнули подруги.

– Заведено уголовное дело, и я подозреваю, не одно, вы не обратили внимания на весьма странную и весьма туманную формулировку в конце сообщения?

– Нет, а что? – воскликнула Ия.

– Попросят свидетелей откликнуться, обещают наказать виновного. А при этом они не уточнили, свидетелей чего именно призывают помочь следствию. Полагаю, там много чего еще вскрылось, возможно, у полиции давно зуб на этого вашего Курдюмова. И еще они обещают, что виновный будет наказан. И обратите внимание – не виновная, а виновный! И уж будьте уверены, что первыми привлекут охранников, которые вряд ли будут насмерть стоять за умирающего хозяина, по крайней мере ваш Чащин, если ему будет грозить реальный срок, непременно упомянет о том, что предупредил вас, Иечка, иными словами, практически спас...

– И правильно! И я сама пойду и буду свидетельствовать в его пользу!

– Конечно, будешь, куда ты денешься, – тяжело вздохнула Авива.

– Ашот, скажите, как вам кажется, Леху могут посадить?

– Полагаю, да, могут. Он же знал о совершившихся преступлениях. Вас он предупредил как старую знакомую, а вовсе не из честности и принципиальности. Другое дело, это может быть сочтено в суде смягчающим обстоятельством.

– Нужно найти ему хорошего адвоката во что бы то ни стало. Ох, а как жалко Таню! – воскликнула вдруг Ия. – Она такая славная и такая несчастная...

– Ну, судя по твоим рассказам, она особо горевать-то не будет.

– А позору сколько? Отец маньяк, насильник, ужас просто!

– Ладно, девочки, как бы там ни было, но Ия теперь может его не бояться, и это уже само по себе прекрасно, за это стоит выпить! А что там дальше будет – поживем-увидим. Иечка, только не подумайте, что мы вас гоним, боже упаси! Наоборот! Мне куда приятнее сознавать, что моя Авива не томится тут в одиночестве.

А то от скуки она начала наводить свой порядок и я уже многого не могу найти. А за те дни, что вы здесь, она к моим вещам, слава богу, не притронулась.

– Вот паразит! – воскликнула со смехом Авива.

– Спасибо вам за все, Ашот, но мне нужно возвращаться. Мой салон разгромили.

– Кстати, Ийка, пойдика ты тоже в полицию и заяви на ублюдка, пусть ущерб возмещает.

– Нет, я с полицией боюсь связаться, они чего доброго еще меня в чем-нибудь обвинят, ну их...

– Все равно тебе придется иметь с ними дело, – пожала плечами Авива.

– Да, но... А если Курдюмов выживет и начнет мстить? Он же запросто может откупиться... Ой, господи, и зачем Тане вздумалось у меня шить...

– А между прочим, кто-то обещал сшить мне платье?

– Надеюсь, подвенечное? – радостно воскликнул Ашот.

– Даже не мечтай! Просто нарядное.

Решено было, что утром Ия с Авивой поедут в Питер, купят ткань, к утру послезавтра Ия сошьет платье и дневным поездом уедет в Москву.

Впервые за все это время Ия уснула, едва положив голову на подушку.

Ашот умчался ни свет ни заря – у него был срочный вызов, а Ия с Авивой на электричке отправились в город, напрямиком в Гостиный двор.

– Ты можешь толком объяснить мне, что именно ты хочешь? – спросила Ия на подходе к магазину тканей.

– Что-то не слишком вычурное, но такое... классное... изысканное...

– Для какого случая? Вечернее, коктейльное?

– Скорее коктейльное, в вечернем мне некуда ходить.

– А цвет?

– Не голубой, не розовый и не желтый.

И, конечно, не оранжевый.

– А если маленькое черное платье?

– Ийка, ну реши сама, я же в этом ни черта не понимаю!
Они долго бродили между стендами.
– Ий, а как тебе эта ткань?
– Фу, дешевка! Она тебя недостойна!
– Ишь ты!
– Да, а ты как думала? Поди-ка сюда, давай к лицу приложим. Нет, эта не пойдет. А вот то, что нужно!
– Зеленый? – засомневалась Авива. – А я не буду в нем похожа на жабу?

Но Ия уже ее не слушала, она буквально вцепилась в одну ткань. Приложила ее к себе, потом поймала за рукав Авиву.

– Вот, это то, что нам нужно. И не спорь, я лучше знаю.
– Лиловый? Никогда не носила лилового.
– Теперь будешь!
Ия загорелась, она уже видела это платье.
– Девушка, – окликнула она проходившую мимо молоденькую продавщицу, – нам нужно три с половиной метра.
– У нас только три в наличии.
– Жаль, но что делать...
– Можно заказать...
– Времени нет. Ладно, берем три и еще метр вот этой.
– А это зачем? – спросила слегка ошалевшая Авива.
– Надо! Будет не платье, а мечта!
– И ты до завтра его сошьешь?
– Как нечего делать! Пошли теперь кофе пить, и я тебе нарисую будущее платье.
– Знаешь, Ийка, я сроду не шила себе платьев...
– Знаю. Но надо же когда-то начинать, тем более у тебя подруга недурно шьет.

Они сели за столик. Заказали кофе с пирожными, Ия достала из сумки блокнот и ручку и буквально несколькими штрихами нарисовала фасон.

– Вот, смотри!
Авива с некоторым испугом воззрилась на рисунок.
– Ну, здорово, конечно, но только вот эта линия... Она полнить не будет?
– Она сделает тебя уже. И ты еще запомни на будущее – круглые вырезы тебе носить нельзя.
– Потому что морда круглая?
– И поэтому тоже, хотя я люблю твою круглую морду.

В Москве на вокзале Ию встречала Аня, вся зареванная и несчастная.

– Ийка, что же это такое творится, Леху арестовали! Ты просто обязана пойти в полицию и сказать, что он тебя предупредил, то есть спас...

– Конечно, пойду, о чем речь. У него есть адвокат?

– Адвокат? Я не знаю.

– А кто знает? У него жена есть?

– У кого? У Лехи? Нет у него никакой жены! Он, если хочешь знать, меня замуж позвал... Он такой... такой клевый... А теперь что? Ждать его из тюрьмы?

– Да погоди ты! Ты в курсе, кто ведет это дело?

– Это на Петровке. Та девушка на Петровку явилась сдаваться.

– Фамилию следователя знаешь?

– Откуда?

– Разберемся. Поехали!

– Куда?

– Как куда? На Петровку! Но вообще-то мне кажется, это дело прокуратуры. Хотя я ничегошеньки в этом не понимаю, все сведения только из сериалов.

– Ий, уже десятый час, там, наверное, уже никого нет...

– Да, ты права, поздно уже... Тогда едем сейчас ко мне. Я позвоню одной клиентке, у нее муж известный адвокат...

– Сретенский?

– Ну да.

– Это было бы круто!

И они поехали к Ие. По дороге Аня рассказала много интересного. Через три дня после бегства Ии в салон явился сам Курдюмов, он был в бешенстве, орал, матерился, а потом вдруг возник какой-то парень с двумя бейсбольными битами, и они вдвоем принялись с остервенением крушить все, что попадалось под руку.

– Думала, помру со страху, но довольно скоро примчалась полиция. Его схватили, но он, ясное дело, живенько откупился, мне швырнул штуку евро и преспокойно удалился. А через полчаса примчался Леха. Оказалось, это он вызвал полицию, хотел, чтоб этого скота повязали на месте преступления. Сфотографировал все разрушения и велел нам ничего не убирать в салоне.

– Ань, а камера?

– Какая камера?

– У нас есть камера видеонаблюдения.

– А я не знала... Леха еще спрашивал, а я не знала...

– Тогда сейчас же идем туда!

– Почему ты мне не сказала про камеру?

– По-моему, я тебе говорила...

– А по-моему, нет! Ты когда ее поставила?

– Перед Первым мая. А, ты тогда в отпуске была.

Вид разгромленного салона производил гнетущее впечатление.

– Ну и полиция у нас... Они же своими глазами видели, как он тут бесновался. Просто слупили с него денег и даже не задержали, хотя бы для вида... А Леха, который их вызвал, сидит, – потерянно проговорила Аня.

На записи видеорекамеры было отчетливо видно все – и побоище, и даже передача денег полицейским.

– Я этого так не оставлю! – вдруг вскипела Ия. – И никому мало не покажется! Я звоню Сретенскому и отдам эту запись ему. И я сама ему заплачу, лишь бы вытащил Леху!

Но на автоответчике у знаменитого адвоката была следующая запись: «Друзья мои, мы в отпуске, вернемся в конце октября. Адвокатам тоже иногда надо отдыхать!»

У Ани потекли слезы.

– Не реви, я знаю, что делать! – не растерялась Ия и набрала другой номер. На минуту стало страшно, а вдруг старухи уже нет в живых? Но вот в трубке раздался знакомый, не по возрасту звонкий голос:

– Я вас слушаю!

– Мария Евграфовна, я не слишком поздно? Это Ия.

– О, Иечка, сколько лет, сколько зим! Что вас заставило вспомнить о вздорной старухе?

– Мария Евграфовна, дорогая, простите меня, я так закрутилась... но мне... мне нужна ваша помощь!

– С Владом поссорились?

– Нет, но...

– Думаете, я ничего не понимаю? Ошибаетесь, деточка! Но на сей раз дело не в нем, я полагаю?

– Да. Не в нем. Я влипла в такую идиотскую историю... Нужен очень хороший адвокат.

– Цивилист? – уточнила Мария Евграфовна.

– Нет, по уголовным делам.

– Боже, во что вы ввязались? Вот что, голубушка, приезжайте-ка сейчас ко мне!

– А не поздно?

– Ерунда! В иных случаях промедление смерти подобно, а откуда мне знать, что у вас не такой именно случай?

– Хорошо, я сейчас приеду.

– Я с тобой! – дернула ее за рукав Аня.

– Мария Евграфовна, а можно со мной приедет Аня? Помните ее? Она у меня в салоне работает?

– Разумеется, можно. Не теряйте время попусту. А я немедленно свяжусь с адвокатом.

– Анька, поедем на скутере, так быстрее.

– Я боюсь!

– Боишься, тогда вали домой!

– Да ни за что! Лучше смерть в седле, чем неизвестность!

Через двадцать минут они уже входили в подъезд Марии Евграфовны.

...Ия вдруг позвонила ему.

– Владислав Александрович!

– Девочка моя! – несказанно обрадовался он. – Что там у тебя? Что-то случилось?

– Нет, просто я ужасно соскучилась.

– Я тоже! И я с ума схожу от беспокойства!

– Все хорошо, я дома, все нормально, это была чепуха, просто я маленько перетрусилась, вы не волнуйтесь, пожалуйста!

– Тебе точно не нужна помощь?

– Нет-нет, мне просто... нужны вы.

– Мне не нравится эта фраза! Скажи: Влад, ты мне нужен.

– У меня пока не получается... Я еще не привыкла... Я люблю вас... то есть тебя...

– И я люблю тебя, люблю как сумасшедший...

– Как хорошо, как приятно...

Ия положила трубку и даже застонала от счастья. Влад Голубев, такой далекий и недостижимый когда-то, любит ее до сумасшествия, и он главный в ее жизни. Даже надежда на более или менее справедливый исход этого идиотского дела появилась у нее благодаря Голубеву. Ведь это он познакомил ее с этой потрясающей женщиной, Марией Евграфовной, которая так помогла им с Анькой. К их приезду в ее квартире уже сидел немолодой вальяжный господин, известный адвокат Марк Борисович Виллер. Он внимательнейшим образом выслушал девушек, задал кучу вопросов, казалось бы, совершенно тут неуместных, что-то без конца уточнял, и лишь после этого посмотрел запись.

– Да, дело настолько интересное и обещает стать столь эффектным,

что я, пожалуй, не возьму с вас денег, дорогие дамы, но с единственным условием – вы с этой минуты забываете о существовании записи. У вас амнезия, мои красавицы. Вас, понятное дело, будут тягать в полицию, там вы говорите абсолютно всю правду, но как партизанки молчите о существовании записи. И я обещаю вам бомбу! У меня давние счеты именно с этим отделением милиции, тьфу ты, полиции. Моя бомба взорвется на суде! И ваш героический друг, а отныне мой подзащитный, отделается скорее всего условным сроком.

Я знаю курдюмовского адвоката и побороть его для меня дело принципа. А еще я молю бога, чтобы Курдюмов выжил и предстал перед судом... Мария Евграфовна, когда вы меня так срочно вытребовали к себе, я даже отдаленно не мог предположить, какой это для меня будет подарок!

Оказалось, что Марк Борисович живет в одном подъезде с Марией Евграфовной.

Когда девушки ушли, Марк Борисович сказал:

– Бог мой, до чего же красива эта Ия! – Он поцеловал кончики своих пальцев. – Я так понял, она в разводе?

– Марк Борисович, даже не думайте об этом! У нее есть мужчина, и он находится под моим покровительством.

– О, тогда я отступаю, – расхохотался Виллер. – Ни за что не хочу терять такого друга, как вы. Но я, кажется, никогда не видел таких бархатных глаз... Повезло этому вашему знакомому. И она не только красива, она еще и человек хороший, я это сразу заметил.

– Да, она чудная девочка! Я к ней искренне привязана. И советую вам, Марк Борисович, направлять к ней в салон ваших дам, она божественно шьет и у нее безупречный вкус.

– О, когда такой совет исходит от дамы, которая была моделью у самого Диора, ему стоит следовать...

В салон явились двое полицейских в штатском. Все осмотрели, сфотографировали, опросили всех, кто был свидетелем бесчинств.

– Ну что ж, все более или менее ясно, – констатировал один из них.

– А обратиться здесь уже можно? – спросила Аня.

– Можно, можно. Только вы это зря все затеяли, девушки.

– Что? Уборку?

– Да нет, не уборку, а эту вашу инсценировку.

– Какую инсценировку? – ахнула Аня. – Или, по-вашему, мы сами тут все разгромили?

– Полагаю, этот вариант вполне возможен, такое нередко бывает, – заметил тот, что постарше.

– А можно узнать, зачем нам это? – полюбопытствовала Ия.

– Ну мало ли, деньжат с богатого дяденьки слупить или же получить страховку, ведь ваш салон застрахован, надо полагать?

– О да, конечно, застрахован, от залива, от пожара, от ограбления, но то, что случилось здесь, ни под одно из этих определений не подходит. Короче, если вы хотите повесить это безобразие на нас, у вас ничего не получится. Впрочем, меня уже ничего не удивляет, после того как, застав хулиганов на месте преступления, их не задержали...

– Вы на что это намекаете? – взбесился полицейский.

– Я не намекаю, я говорю открытым текстом, что...

Аня больно ущипнула ее за руку.

– А, ладно. Короче, мы все сказали, что знаем.

– Уметь вовремя придержать язычок, это хорошая черта, похвальная, – резюмировал полицейский.

И с этим они удалились.

– Ийка, ты совсем, что ли, рехнулась? Тебе что, нужны еще разборки с нашим отделением милиции, тьфу, то есть полиции? Ты не волнуйся, я все это записала и сейчас же перешлю Марку Борисовичу, вдруг ему сгодится?

– Но он же не разгромом занимается, а Лехой...

– А тогда зачем, спрашивается, ему та записка? Он же говорил, что у него счета с нашим отделением, авось пригодится.

А на другой день рано утром к Ие домой явился человек с Петровки. Она открыла ему дверь, и он замер на пороге, до того хороша была эта молодая женщина. Высокая, ноги от ушей, огромные карие глаза на нежном смуглом лице.

– Извините, вы Ия Владимировна Руденко?

– Да, я.

– Вы позволите задать вам ряд вопросов?

– Ну, конечно. Проходите, пожалуйста, хотите кофе?

– Если можно.

– Можно, конечно, а как к вам обращаться? Господин майор или товарищ майор?

– Просто Андрей.

– Хорошо, Андрей. Вам черный или со сливками?

– Черный, без сахара.

– Хорошо. Вот, берите печенье, вкусное.

И задавайте ваши вопросы.

– Вы не торопитесь?

– Нет. Мой салон еще не работает.

– Да-да, я в курсе. Так вот, Ия Владимировна...

– Лучше просто Ия.

– Ия, вы давно знакомы с господином Курдюмовым?

– Я с ним, собственно говоря, и не знакома. Он отец моей клиентки, он приезжал с ней ко мне в ателье и произвел очень неприятное впечатление.

– Чем именно?

– Ну, во-первых, его дочь, очень милая девушка, была им до такой степени запугана, что в его присутствии боялась даже съесть печенье. А когда свадебное платье было готово, Курдюмов сам явился за ним, без дочери, сказал, что она наказана, и вел себя отвратительно, хамил, угрожал...

– По какому поводу?

– Я уж всех подробностей не помню, но, кажется, я, с его точки зрения, недостаточно почтительно ему ответила, а он стал сыпать угрозами. Но мне и в голову не могло прийти, что эти угрозы могут оказаться реальными...

– А что произошло потом?

– А потом ко мне пришел Алексей Чащин и предупредил.

– Вы были с ним раньше знакомы?

– Да, мы учились в одном классе. Он всегда был отличным парнем...

– Отличные парни у таких, как Курдюмов, не работают.

– Андрей, это стереотипное восприятие.

Я вот сейчас разговариваю с вами, и у меня создалось впечатление, что вы нормальный человек, я не подозреваю вас во всех смертных грехах, а вчера ко мне в разгромленный салон явились ваши коллеги из нашего отделения полиции и прямым текстом заявили, что я сама его разгромила... Так почему бы мне не перенести мое отношение к ним на вас? Мол, все полицейские коррупционеры и взяточники...

Андрей Мануйлов с огромным удовольствием смотрел на эту красавицу, которая говорила с такой горячностью, с такой страстной убежденностью, что он невольно подумал словами песенки: «Ах, какая женщина, мне б такую!»

Он еще долго задавал вопросы, порой совсем неожиданные, словно хотел поставить ее в тупик, но она на все отвечала спокойно и вдумчиво и явно ничего не скрывала.

Она сварила ему еще кофе, сделала бутерброды. Он внушал ей доверие и даже симпатию.

Напоследок она все-таки не удержалась и сказала:

– Андрей, я знаю, что задавать вопросы ваша прерогатива...

– Валяйте, задавайте! – улыбнулся он.

– Скажите, а Чащин... ему дадут срок?

– Ну, это будет решать суд, но он активно сотрудничает со следствием, и это ему зачтется, как и тот факт, что он предупредил вас... Не исключено, что отделается условным, к тому же у него потрясающий адвокат. Есть еще вопросы?

– Один! А Курдюмов?

– Если выживет, мало ему не покажется.

– Тогда последний вопрос! А та девушка? Неужто ее посадят после всего того, что она пережила?

– Но она все-таки стреляла в живого человека.

– Какой же Курдюмов человек? Он монстр!

– Видите ли, Ия, правосудие не оперирует подобными понятиями. И как представитель правоохранительных органов я не могу принять вашу формулировку, но как просто человек я с вами согласен, Ия. И еще, как говорится, не для протокола, я страшно рад, что Чащин оказался вашим одноклассником.

И с этими словами майор полиции Андрей Мануйлов удалился.

Работа в Аргентине близилась к завершению. Владислав Александрович все дни напролет снимал, записывал, а по ночам систематизировал сделанное днем, с трудом выкраивая считанные часы на сон. И чувствовал себя счастливым. Ия нашлась, у нее все в порядке. Сын и родители тоже ни на что не жаловались. Он даже научился справляться с теми впечатлениями от встреч с бывшими согражданами, что поначалу тяжким грузом ложились на душу. Загонял их до поры до времени в самые дальние уголки сознания, точно зная, что, когда начнет писать книгу или делать программу, сумеет, как актер, их оттуда вовремя извлечь.

Как бы поздно он ни ложился, перед сном всегда проверял почту. Вот и сегодня он не изменил своей привычке. Среди прочего какой-то неведомый отправитель прислал ему что-то, и это явно не было спамом. Он секунду помедлил, почему-то ему вдруг стало как-то неудобно.

«Вчера в Москве, в госпитале им. Бурденко, скончался крупный московский бизнесмен Валерий Курдюмов. Скончался от полученных ранений. В бизнесмена стреляла молодая женщина Лидия Кострова, которая потом сама явилась на Петровку, 38. В связи с этой весьма странной историей были задержаны трое охранников Курдюмова, из

рассказов которых следует, что покойный был фигурой весьма неоднозначной...»

Ну и какой дурак мне это прислал? Какое мне-то дело до этого неоднозначного покойника? Я уголовной хроникой сроду не занимался, и вообще я страшно хочу спать. Он собрался уже удалить полученную статью, как вдруг в глаза ему бросились слова «красавица Ия Руденко». И сердце оборвалось.

«Последней жертвой сексуального маньяка стала хозяйка салона свадебных и вечерних платьев красавица Ия Руденко. Однако, судя по всему, женщина отделалась легким испугом. Подробностей мы не знаем, однако нам стало известно, что салон Ии Руденко был разгромлен и, по словам приемщицы Анны Звягиной, сделал это сам Курдюмов, когда узнал, что намеченная им жертва куда-то исчезла. Однако полиция, прибывшая на место преступления, Курдюмова почему-то не задержала. Остается только строить предположения почему».

У Голубева все поплыло перед глазами. Он вернулся на несколько абзацев назад.

«Оказывается, Валерий Курдюмов, человек жестокий, необузданный и чрезвычайно охочий до красивых женщин, уже неоднократно проделывал следующее: он похищал девушку, насилует, неделю держал в темном подвале без еды, а потом тайно вывозил на Лазурный берег, где совершенно сломленную жертву начинал всячески ублажать – морально, материально и сексуально. А когда девушка ему надоедала, он отправлял ее восвояси с солидной суммой денег. Одна из девушек покончила с собой. Но что характерно – ни одна из жертв по возвращении не обратилась в полицию. Судя по показаниям охранников, всего таких историй было шесть. Седьмой должна была стать Ия Руденко...»

Голубева прошиб холодный пот. Так вот что значило ее исчезновение, вот от кого она пряталась! Бедная моя девочка! Нет, ее нельзя больше оставлять надолго. И вообще... Надо на ней жениться. Но я же не могу, я дал себе слово, что у Саньки не будет мачехи. Нельзя мне жениться на ней, она же захочет ребенка... И это только естественно, но так же естественно Санька станет ревновать меня к малышу и его матери. А как этот шаг восприняли бы родители? Но и Ию я не могу бросить. А ведь она даже не заикается о браке. Но рано или поздно непременно заикнется. Все они на эту тему заикаются... Но моя Ия – не все, она чудо! «Красавица Ия Руденко». Как-то никогда не думал о ней как о красавице. Вот Алина, та была настоящая красавица, а Ия... Она мой дивный жирафенок, любимая девочка, и я, кажется, не смогу без нее жить... Но что же делать? Вот

вернусь в Москву и поговорю с мамой. Как-нибудь невзначай познакомлю Саньку с Ией... А что такого в конце-то концов? Поженимся, будем жить отдельно, а с ребеночком повременим. Пусть Санька еще подрастет, привыкнет к Ие, может, даже подружится с ней. А там... Может, мы еще и не уживемся вместе... Так зачем спешить с ребенком? Я как-то спросил, почему у нее нет детей. Она пожала плечами, мол, муж не хотел. А может, она и сама не хочет? Да нет, вряд ли. Просто она меня еще побаивается, не верит, наверное, все зовет на «вы» и по имени-отчеству, только в самые жаркие минуты иногда шепчет: «Влад, любимый!» От воспоминания об этих «жарких минутах» мгновенно пересохло в горле. Он посмотрел на часы. В Москве сейчас день.

- Алло! – донесся до него знакомый и такой уже родной голос.
 - Жирафка моя, как ты?
 - Ой, это вы! Какое счастье! Когда вы возвращаетесь?
 - Через неделю только, но я смертельно соскучился.
 - И я! Смертельно.
 - Ты что, плачешь?
 - Нет, что вы... Это я от чувств.
 - Родная моя, ты почему ничего мне не говорила об этом кошмаре?
 - Вы о чем?
 - О Курдюмове.
 - А... Я не хотела вас пугать, вы же так далеко! Но все же обошлось.
 - Каким образом?
 - Я все вам подробно расскажу, когда вы приедете.
 - Да, пожалуй, так будет лучше, ты права, моя девочка!
- Они еще поговорили. Сна не было. Он включил скайп и позвонил матери.

- Владя, у вас же там ночь! Ты почему не спишь?
- Да не спится что-то, мамочка. Что у вас? Как Санька? Он дома?
- Нет, он в бассейне с дедом. Владя, у тебя неважный вид.
- Я тут здорово вымотался, мама.
- И, по-моему, ты хочешь мне что-то сказать, Владя?
- Да, мама, ты меня хорошо знаешь, – улыбнулся он.
- Неужто тебя это удивляет?
- Да нет, – засмеялся он, – я хочу спросить у тебя совета.
- Из Аргентины?
- Да, приспичило, мамочка!
- Ты что, жениться собрался?

- Ох, мамуля, ничего-то от тебя не скроешь.
- Не приведи господь, на аргентинке?
- Нет, мамуля, на москвичке.
- И на том спасибо. Она молодая?
- Двадцать восемь.
- Дети есть?
- Нет.
- Красивая?
- Очень.
- Чем занимается?
- У нее свой салон свадебных платьев.
- Портниха?
- Можно и так сказать.
- Тебя любит?
- Да.
- Ты в этом уверен?
- Уверен.
- Ребенка хочет?
- Наверное, но без фанатизма.
- А ты-то сам, сын, почему не решаешься? С чего вдруг тебе мамин совет понадобился? Как-то на тебя не похоже, Владя.
- Не знаю, – смущенно засмеялся он.
- А я вот знаю! Тебе просто приспичило среди ночи поговорить о ней, я права?
- Ты у меня самая умная мама на свете.
- Я знаю своих паппенгеймцев ^[2]! А ведь ты мне о ней уже говорил... Как ее зовут?
- Ия.
- Ия? Ох, Владька, а это часом не младшая сестренка твоей Алины?
- Она, мама.
- Так она же вроде с детства была в тебя влюблена?
- Ты и это знаешь?
- У меня вообще хорошая память, особенно когда дело касается моего единственного сына. Выходит, у девчонки мечта детства сбылась? Надо же, повезло ей. Вот что, сын, познакомь-ка меня с ней. Но для начала только меня, чтобы волну не поднимать.
- Ладно, мамочка, я рад, что ты не встретила эту новость в штыки.
- А я давно мечтаю, чтобы ты женился на хорошей женщине. Да, а как к вашему роману отнеслась Алина?

– Мне нет дела до этого. Это давно пройденный этап.

– Ну не злись, я просто из бабьего любопытства спросила. А хочу я только одного – чтобы ты был счастлив. А за Саньку не волнуйся, мы с отцом внушаем ему, что если даже папа женится, никакой трагедии не произойдет. Он же все равно будет жить с нами. Ты же не собираешься отнять его у нас?

– Да что ты, мама, в его жизни ровным счетом ничего не изменится.

– Ну вот и прекрасно, но для начала все же познакомь меня с этой Ией.

– Непременно, мамочка! И спасибо тебе!

Донельзя растроганный разговором с матерью, он наконец уснул.

Ия, Аня и девушки-швей приводили салон в порядок. В ходе уборки выяснилось, что помимо прочих разрушений Курдюмов умудрился расколошматить очень дорогую электронную машинку, без которой многие операции практически невозможно выполнить на должном уровне.

– Чтоб ему гореть в аду синим пламенем, – высказалась одна из девушек.

– Так горит уже, не сомневайся, поджаривается на медленном огне, – заверила ее Аня. – Ий, а ее можно будет отремонтировать?

– Не уверена, это ж все-таки электроника, а электроника не любит, чтоб по ней бейсбольной битой колотили. Но я уже вызвала мастера из фирмы.

Однако мастер, приехавший на следующий день, осмотрел машинку и только руками развел:

– Ничего не выйдет. Диагноз – на помойку! А жаль, такая была машинка хорошая, умная и надежная.

– Не то слово, – чуть не расплакалась Ия. На новую машинку нужны большие деньги, не говоря уж о том, что ее не пойдешь купить в магазин, надо заказывать, а это требует времени, и притом немало.

Пострадали еще и вышивальная машинка, компьютер, телефонный аппарат.

– Нет, ты скажи, что у нас за полиция? Просто полицаи какие-то! Это ж надо придумать – мы сами все это устроили, вот усоски, – кипятилась Аня, – и они, между прочим, на свободе разгуливают, а Леха на киче парится.

– Ничего, когда Марк Борисович на суде нашу запись покажет...

– Да ну, Ий, я вообще не понимаю, какое отношение наша запись имеет к этому суду? Курдюмов подход, туда ему и дорога! Суд будет над

Лехой... И еще над той несчастной... И при чем тут эта запись? Ты понимаешь?

– Ну, если честно, не очень... Хотя нет, понимаю, ведь Марк Борисович говорил, что...

А вообще, Мария Евграфовна считает, что адвокат тогда хорош, когда его нельзя просчитать, адвокат своего рода фокусник, который вместо ожидаемого кролика вдруг достает из шляпы, допустим, рысь.

– Круто! Она вообще крутая тетка!

– Да уж!

– Ий, а как ты думаешь, вытацил Марк Борисович Леху?

– Вытацил, обязательно вытацил! – горячо заговорила Ия. – Я просто уверена, особенно теперь, когда Курдюмов умер. Он же так мне помог и следствию теперь помогает. А вот Кострову скорее всего посадят... Марк Борисович говорит, что у нее не самый лучший адвокат.

– Жалко ее, просто сил нет, – всхлипнула Аня. – Как тебе повезло, Ийка... И мне тоже... Я Леху встретила... Знаешь, я тут на днях ночью проснулась, ну, когда сообщили, что этот мерзавец подох, и подумала...

– Что ты подумала?

– Ий, а ты мне платье на свадьбу сошьешь?

– Ты совсем дура?

– Так сошьешь?

– Не задавай дурацких вопросов.

– Ий, а я настоящее хочу, белое, пышное и с фатой...

– Никаких проблем, сошью белое, пышное, но с работы уволю! – засмеялась Ия.

– Ну, Ийка, я же серьезно.

– А что, Леха тебе уже предложение сделал?

– Ну, если честно, формально еще не сделал, но намекал, мол, хорошо бы нам с тобой вместе жить... Это разве не предложение?

– Ань, ты погоди, не торопись, тюрьма – дело такое...

– Ты о чем?

– Ну, мало ли каким он из всей этой заварухи выйдет...

– Да ну тебя, Ийка, перестань! Дай хоть помечтать!

– Ань, а шлейф на платье тоже нужен?

– А как же! У моей двоюродной сестры мальчишки-двойняшки, одинаковые, не отличишь, вот шлейф и понесут. Такие сладенькие карапузы...

– Сколько лет?

– Пять. Ийка, а ты сама... неужели замуж не хочешь?

- Не хочу.
- Но ты же любишь своего Голубева?
- Люблю. Еще как люблю... Но замуж за него не хочу.
- Но почему?
- Понимаешь, я его немного боюсь, что ли... Он такой умный, образованный, талантливый. Я боюсь, что ему скоро станет со мной скучно. Знаешь, я всегда его немного боялась... особенно когда он снимал очки...
- Почему?
- Я как-то забывала, какие у него голубые глаза...
- Ну ты и дура!
- Знаю, что дура, набитая дура!
- Слушай, а как он в койке?
- Ань, я не выношу эти разговоры.
- А мы не будем разговаривать, ты просто скажи, хорош или нет.
- По-моему, лучше и быть не может, я же его люблю...
- А Леха в койке орел... – тяжело вздохнула Аня. – И я его тоже люблю. Всегда раньше думала, что мужа надо какого-нибудь статусного, а вот встретила простого охранника и пропала...
- Леха не простой охранник, Леха по-настоящему хороший человек.
- Это да! Ий, скажи, как думаешь, женится на мне этот по-настоящему хороший человек?
- Обязательно женится, я просто уверена!
- А ты все-таки выйдешь за своего Голубева, и мы не будем дружить домами.
- Ия с удивлением взглянула на подругу, улыбнулась и сказала:
- Домами, может, и не будем, а просто дружить – обязательно.
- Ийка, как же мне повезло, когда ты взяла меня на работу!
- Мне тоже повезло, что я взяла тебя на работу, хоть ты и мечтаешь о платье со шлейфом.

Ашот как в воду глядел. Ию буквально осаждали журналисты, ей то и дело звонили с разных телеканалов, уговаривали принять участие в ток-шоу. Она всем отказывала.

– Вы странная, я не понимаю, – в сердцах сказала ей девушка, пригласившая ее на очередное ток-шоу на федеральном канале, – это ж такая реклама для вашего салона! И притом совершенно бесплатная. Нерационально, Ия!

- Ничего, как-нибудь!

- Да почему? Чего вы теперь-то боитесь?
- Я ничего не боюсь, просто не хочу, можете вы это понять?
- Не могу! Но и заставить вас не могу, к сожалению. Обычно все так рвутся в телевизор, а вы...
- А я не рвусь, вот такая я ненормальная.

Часть четвертая

Владислав Александрович прилетел в Москву глубокой ночью, а потому никого не известил о времени прилета – ни Ию, ни родителей. Ему безумно хотелось поехать напрямик к Ие, но вламываться к ней среди ночи, да еще после утомительного многочасового перелета с пересадками, считал излишним.

Войдя в свою холостяцкую квартиру, где все было привычно, он вдруг испугался – а как будет, когда здесь поселится женщина, хоть и любимая, но все равно еще немного чужая, со своими запахами, звуками, привычками. А вдруг все это придет в противоречие с моими привычками и вкусами? Сейчас мне все абсолютно ясно – я спокойно приму душ, выпью горячего крепкого сладкого чая, съем бутерброд с сыром и лягу в чистую постель. Два раза в неделю будет приходить домработница Полина Викторовна, милейшая пожилая женщина, которая всегда очень ко мне внимательна, следит за тем, чтобы к моему приезду в доме был порядок, а в холодильнике все, что нужно для нормальной жизни и работы. Она хорошо знает мои вкусы и привычки. А как же Ия? А Ия тоже нужна мне, но, наверное, все-таки не здесь... А там, у себя. Да, пожалуй, так будет лучше. Но я обязательно женюсь на ней, чтобы не увели. Но жить будем врозь. Совсем неплохая идея, между прочим. Будем вместе ездить отдыхать.

И Саньке можно пока ничего не говорить, чего зря нервировать мальчишку. Кстати, вполне возможно, Ие идея такого гостевого брака может понравиться. И меньше шансов, что она захочет родить. Что-то нет у меня сил на младенца в доме. Вся работа полетит к чертям, а ее сейчас столько, что и вздохнуть скоро будет некогда. Ну, если, конечно, Нине не вздумается мстить мне за обманутые ожидания, хотя, видит бог, я ничего ей не обещал.

Ия вернулась домой в полном изнеможении. Помимо всех дел в ателье, достаточно грустных в сложившихся обстоятельствах, ее еще вызывали на Петровку, где симпатяга Андрей Мануйлов опять задавал ей кучу вопросов, и хотя он абсолютно ни в чем ее не обвинял и, похоже, даже не подозревал, но само это учреждение внушало тоску и какой-то безотчетный страх. От этого она устала еще больше.

Дома она первым делом сбросила с себя все, долго стояла под душем, смывая усталость и страх, потом накинула легкий халатик – в квартире уже

включили отопление – и открыла холодильник, в котором практически ничего не было, кроме куска масла и пластиковой упаковки с селедкой. Не густо. Ни хлеба, ни картошки в доме не было. Тогда к чему селедка? Надо бы одеться и пойти что-то купить. Ерунда! Сварю гречневой каши. С маслом очень даже вкусно. Она поставила кашу на плиту, и в этот момент кто-то позвонил в дверь. Неужто Голубев? Ее захлестнуло восторгом. Но на всякий случай она спросила:

– Кто?

– Ия, это я, Роман!

– Ром, ты чего? – крайне удивилась она.

– Впустишь?

– Заходи.

– Привет, выглядишь не очень...

– Зато ты цветешь. Как твоя авиакомпания?

– Создается! – просиял Роман. – Знаешь, это так интересно, все с самого начала, практически с нуля, кручусь как белка в колесе, за всеми глаз да глаз нужен, разгильдяйства много, надо в корне пресекать, ну, сама понимаешь...

– Рада за тебя. А ко мне-то ты зачем пожаловал?

– Я в курсе, что с тобой произошло. Ужас какой!

– Слава богу, до настоящего ужаса не дошло.

– Знаю, все знаю. Ий, я вот тут тебе принес...

Он вытащил из роскошного кейса крокодиловой кожи толстую пачку пятитысячных купюр.

– Это что?

– Странный вопрос, деньги, не видишь разве?

– Какие деньги? Зачем?

– Отвечаю по пунктам. Деньги российские, деревянные, тебе на восстановление салона.

– Ром, спасибо, конечно, но с какой стати?

– Тебе не нужны деньги?

– Очень нужны.

– Тогда бери и пользуйся.

– И что я буду тебе должна?

– Абсолютно ничего. Это просто подарок. Ты же мне все-таки не чужая.

– Вот как? Интересно.

– А что тут такого? Это мои деньги, я заработал, тут четыреста тысяч, должно хватить...

– Ромка, тебе там плохо, да?

– Да что ты! Мне замечательно, но просто я же понимаю, каково это... А вообще, Ийка, ты прости меня, я любил тебя, честно, но такой шанс... Разве я мог мечтать о том, что стану директором авиакомпании? Думаешь, я не понимаю, как все это выглядит в глазах людей? Но мне наплевать... Только не на тебя. Но ты же не осталась одна, правда?

– Правда, Ромка, правда. И я давно тебя простила. Если б ты не ушел, кто знает, может, я пропустила бы главную любовь своей жизни...

– А это случайно не Михась главная любовь твоей жизни? – вдруг напрягся Роман.

– Нет, что ты! Миша чудесный человек, но это не он.

– А мне тогда показалось, что он к тебе неровно дышит.

– Говорю же тебе – не он!

– Ну и хорошо, – как-то потерянно проговорил Роман. – Ладно, я пойду. Дел невпроворот, вот вырвался к тебе, а время поджимает уже...

– Ром, ты деньги-то заberi.

– Начинается! Ий, а ты от брата деньги бы взяла?

– Но ты же мне не брат, а бывший муж.

– Ну и что? А разве бывший муж не может войти в положение бывшей жены? Тебе же наверняка позарез нужны эти бабки?

– Факт. Нужны.

– Вот и бери.

– Хорошо, я возьму, но только в долг.

– Хорошо, пусть в долг, – поморщился Роман. – Отдашь, когда сможешь.

– Спасибо тебе, Ромка, я тронута. Не ожидала.

И она чмокнула его в щеку.

А он вдруг обнял ее, прижал к себе и прошептал:

– Это ты для любимого такой халатик надела, вернее, полхалатика? Правильно, здорово действует!

И с этими словами он вышел из квартиры. Ия стояла в полном ошалении. Но пачка денег на кухонном столе осталась. Надо же... Неужели он, несмотря ни на что, меня любит? А я его уже совсем не люблю. Но он, несомненно, хороший парень, не жлоб, не подонок, так, немножко продажный...

Гречневая каша тем временем давно сварилась.

Владислав Александрович проснулся с головной болью, которая всегда сопровождала его возвращение из стран Западного полушария. Перемена

часовых поясов штука утомительная. Вставать не хотелось. Может, поваляться еще, никто ведь не знает, что я уже вернулся. Санька сейчас в школе, Ия на работе. Ия... Он вдруг отчетливо вспомнил фантастический вкус ее губ, руки истосковались по нежной смуглой коже, которой подходили только затертые, трафаретные сравнения – шелк, бархат... Нет, не шелк и не бархат, а шкурка маленького жирафенка... У него перехватило дыхание. Он вскочил, побрился, оделся, наскоро что-то сжевал и выбежал из квартиры. По дороге он конечно же попал в пробку. Вытащил мобильный и позвонил в салон. Ответила ему, по-видимому, Аня.

– Простите, могу я поговорить с госпожой Руденко? – произнес он, изменив голос, а почему, и сам не знал.

– А вы по какому вопросу? – осторожно осведомилась Аня. В последнее время Ию замучили звонками журналисты.

– По личному.

– А ее сегодня не будет.

– Спасибо!

И он помчался к ее дому. Неужели я сейчас увижу ее, поцелую, прижму к себе, вдохну легкий запах ее духов...

Но сколько он ни звонил в дверь, никто ему не открыл.

Что я за идиот! Почему не назвался Ане, а ляпнул дурацкое «По личному»? Поди пойми...

Он подъехал к ателье, взбежал по ступенькам, открыл дверь. Никого, но колокольчик на двери звякнул. Выглянула Аня.

– Ой, это вы! Здравствуйте, с приездом!

А Ийки нет, она поехала машинку новую заказывать. Вы знаете, что тут у нас было?

– Только в общих чертах.

– Да нам этот урод тут все поразбивал.

И, главное, дороговую машинку, мы просто не знали, что делать, но вчера Ийке денежки неожиданно обломались, вот она и помчалась новую заказывать, – тараторила Аня. Она тоже почему-то побаивалась Голубева. – Ой, а она вообще-то в курсе, что вы приехали? Или это сюрприз?

– Да нет, неважно... А когда она должна вернуться?

– Ой, не знаю, ей еще надо с адвокатом встретиться.

– С адвокатом? Зачем ей адвокат? – насторожился Голубев.

– Так это не ей... Просто это она нашла... Ой, знаете что, пусть лучше она сама вам все расскажет, я еще не дай бог чего-нибудь напутаю...

В душе поднялось глухое раздражение – знает же, что я должен приехать, а тут у нее какие-то дела, видите ли... Он набрал ее номер.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Черт знает что! И волна слепой бессмысленной ревности вновь окатила его. Откуда это ей «обломилась» деньги? Уж не отрабатывает ли она их? Мало ли... Желающих, похоже, тьма. Стоило мне уехать, как ее чуть не похитили... Адвокат... Что еще за адвокат? Какой-нибудь лощеный красавец, который в чем-то там ей помогает и за помощь берет натурой? Но я же собираюсь на ней жениться... Нельзя, я с ума сойду от ревности, это добром не кончится. Но тут же он сам себя одернул. Что за мерзкая чушь лезет в голову? Какие у меня основания хоть в чем-то ее подозревать? Она чудесное, чистое, любящее существо. Она, как жена Цезаря, вне подозрений! Тоже мне, Цезарь нашелся! И она пока еще тебе не жена. Но будет! Я люблю ее! И в этот момент она вдруг позвонила.

– Боже мой, вы в Москве! Вы мне звонили? Простите, я была вне зоны, – слегка задыхаясь, говорила она. И такая искренняя радость была в этом голосе, что все сомнения мгновенно улетучились.

– Ийка, любимая моя, я так соскучился! Где ты?

– Мотаюсь по всяким неинтересным делам. Когда мы увидимся?

Людмила Васильевна волновалась. Сын позвонил и сказал, что хочет сегодня же познакомить ее со своей Ией. Они договорились, что Людмила Васильевна придет в кафе, где «случайно» окажутся Владислав Александрович с Ией.

– Не хочу ее заранее пугать, – объяснил он матери столь странную идею.

– Она такая пугливая?

– Да нет, но она напряжется, будет нервничать.

– Владя, а ты уже сделал предложение?

– Пока нет, но если честно, еле удержался.

– Любишь ее?

– Безумно, мама.

– Так зачем тебе мое мнение? Что оно может изменить?

– Хочу, чтобы в моем безумии появилась хоть какая-то метода.

Людмила Васильевна засмеялась.

– По-прежнему помешан на «Гамлете»?

– Я постоянен в своих привязанностях, по крайней мере литературных, – засмеялся он. – Так мы договорились?

– Разумеется. Тем более что я сгораю от любопытства.

Людмила Васильевна вошла в кафе и сразу заметила сына, сидевшего

спиной к ней. Девушки с ним не было. Опаздывает, что ли? Это не понравилось Людмиле Васильевне. Она терпеть не могла непунктуальности и решила пока сесть за другой столик, понаблюдать со стороны. К ней сразу подошла молоденькая официантка с меню.

– Будьте добры, чашку американо со сливками.

Девушка кивнула.

И тут Людмила Васильевна увидела любимую женщину сына. Она, по-видимому, отлучалась в туалет. Очень высокая, стройная, смуглая, с густыми черными волосами. И на ее красивом, каком-то, как показалось Людмиле Васильевне, экзотическом лице играла такая улыбка и была написана такая любовь, что сердце матери дрогнуло. Ох, хороша, удивительно хороша, может быть, даже слишком? Ее старшая сестра тоже была очень красива, но у нее в лице всегда читалась какая-то жесткость, а эта, младшенькая, совсем другая. Подойти? Нет, сначала я выпью кофе. А как она на него смотрит... Как на сбывшуюся мечту. Надо же... А будет ли она с ним счастлива? Первое время, конечно, а там... Одному богу известно. У него нелегкий характер. А она совсем не стерва, в отличие от старшей сестры. Это хорошо. Конечно, разница в возрасте у них существенная, однако не роковая...

Допив кофе и расплатившись, Людмила Васильевна направилась в туалет.

– Мама! – окликнул ее сын. – Какими судьбами?

– Владя? Вот так встреча! Какая красивая у тебя девушка!

– Познакомься, мамочка, это...

– погоди, торопыга, я сейчас вернусь!

Людмила Васильевна ласково улыбнулась Ие и скрылась в туалете.

– Это ваша мама? – испуганно спросила Ия. Она побледнела, глаза расширились.

– Чего ты испугалась, дурочка? Мама тебя не съест.

– Вы это... нарочно, да?

– Да ты что! Зачем? Да успокойся ты...

Но тут вернулась Людмила Васильевна. Слава богу, она не выше Владьки, успела подумать мать.

– Ну что тебе сказать, сын? Я, как говорится, даю добро. Хорошая, красивая, дельная, очень милая, только почему она обращается к тебе на «вы»?

Разговор происходил утром следующего дня на кухне родительской квартиры.

– Я ничего не могу с этим поделаться, – развел руками Владислав Александрович. – Это нестрашно, может, привыкнет и перейдет на «ты». Хотя мне это даже нравится, если честно.

– Да тебе, по-моему, все в ней нравится. Кстати, я вчера, пока сидела отдельно, сняла ее на телефон и вечером показала папе. Он просто в восторге!

– Вот даже как! – засмеялся Владислав Александрович, впрочем, очень довольный.

– Да, и папа тоже сказал, что не нужно ничего скрывать от Саньки, тем более что вы будете жить отдельно от нас. Пусть мальчик знает, что у отца есть жена. Это только нормально, и я с этим тоже согласна.

– Знаешь, мамочка, а я вот думал, может, мы поженимся, а жить будем пока врозь...

– Это что еще за новости? – нахмурилась Людмила Васильевна.

– Ах, мама, я так давно живу один, я привык...

– О, милый друг, ты уже превращаешься в старого холостяка, терпеть не могу эту породу. Или ты, женись на молодой красотке, намерен по-прежнему кобелировать на свободе? – возмущенно спросила Людмила Васильевна. – В таком случае будь готов к тому, что у тебя довольно скоро вырастут ветвистые рога!

– Господь с тобой, мама, что ты такое говоришь!

– Просто я чего-то, видимо, не понимаю.

– Мама, это принято сейчас, называется гостевой брак, – растерянно бормотал Владислав Александрович, никак не ожидавший от матери такой реакции.

– Ах, гостевой брак, говоришь?

– Ну да, а что такого...

– А мне приходит в голову только картина Пукирева «Неравный брак»! Помнишь такую?

– Мама, побойся бога, ты сравниваешь меня с этим разваленным старикашкой? Несправедливо, мамочка, чудовищно несправедливо! – смеялся уже Владислав Александрович.

– Да, сейчас ты еще вполне недурно смотришься, но если будешь холостяковать по-прежнему... Ишь чего надумал, потаскун, жениться на милой девушке, закобалить ее, а самому остаться свободным! – негодовала Людмила Васильевна. – И не мечтай! Я этого не допущу!

Владислав Александрович давно не видел мать в таком гневе. А он-то думал, она ухватится за идею гостевого брака. Вот и пойми этих женщин!

– Короче, или ты заведешь нормальную семью, или...

– Или что? Мам, тебе не кажется, что я уже вырос из детских штанишек и могу поступать так, как считаю нужным?

– Тогда какого черта ты со мной советуешься?

– Сам не знаю. По дури. Хотя... На самом деле, мамочка, ты во всем права, а я попросту испугался коренных перемен, испугался, что женщина в доме, даже такая любимая, может помешать нормальной работе.

– Ну вот что... У Ии есть квартира?

– Есть.

– Большая?

– Двухкомнатная.

– И у тебя двухкомнатная. Я найду надежного риелтора, он подыщет вам четырехкомнатную, и тогда у каждого будет свое личное пространство, хотя, по-моему, и в двух комнатах можно иметь это самое пространство. А кстати, в новых районах строят квартиры даже с двумя туалетами, так что...

– Мамочка, полегче!

– А что, разве я плохо придумала? Ты не волнуйся, я сама всем займусь, и обменом и ремонтом, – чрезвычайно воодушевилась Людмила Васильевна.

– Мама, не горячись! Ия живет в двух шагах от своего ателье, у нее там еще и гараж, ей там все очень удобно.

– Гараж? А какая у нее машина?

– У нее скутер.

– Это что такое?

– Нечто вроде мотоцикла.

– Вы оба совсем с ума сошли?

– Почему?

– Как ты можешь позволять женщине гонять на мотоцикле? Это самый опасный вид транспорта! Просто безобразие. Но это все преодолимо! Значит, риелтор подыщет квартиру в Иином районе, только и всего. Да, вам нужна именно четырехкомнатная. Вы с ребенком-то не затягивайте особо, а то ты уже старый хрен, тебя все будут считать дедушкой малыша!

– Ну, мама, ты даешь! Тебе так глянулась моя жирафа?

– Жирафа? Ты совсем обалдел? – взвилась Людмила Васильевна.

– Вижу, глянулась, – рассмеялся Владислав Александрович. – Да, мам, у нее еще в школе была кличка Жирафа. А знаешь, с чего вообще все началось? Мы с Санькой гуляли в Берлинском зоопарке, и вдруг я увидел дивного жирафенка и сразу вспомнил Алинину сестричку. Потому и зову ее жирафкой, но она не обижается, ей это даже нравится. Она вообще

необидчивая и очень добрая. Но все равно, лучшая женщина на свете – это моя мамочка.

– Не подлизывайся. Ты лучше поинтересуйся у своей жирафы, согласна ли она за тебя выйти. «У жирафа вышла дочь замуж за бизона...»
Надо же!

– Вот что, мамочка, подыскивай риелтора!

– Алинка, я выхожу замуж!

– Ну, слава богу! Поздравляю. За кого? За Мишу?

– Нет... За... Голубева.

– Что? Я не ослышалась? За Влада Голубева?

– Да.

– Ну надо же... Значит, детские мечты иногда все же сбываются...

– Тебе это неприятно?

– Да нет. Если моя маленькая долговязая сестренка счастлива, я только рада. Маме, правда, это не понравится, но ей вообще мало что нравится. А для меня Голубев уже далекое прошлое. А между прочим, я сразу заметила, что он на тебя запал. Когда свадьба? Приглашаешь?

– Свадьбы не будет. С меня одной свадьбы хватило.

– А свадебное путешествие?

– Хотим поехать в Израиль.

– К Авивке?

– Нет, зачем? В гостиницу, у Голубева там еще дела какие-то...

– А жить где собираетесь?

– Да пока у меня, а там видно будет.

– А ты часом не беременна?

– Нет.

– А хочешь ребеночка?

– Наверное, я еще ничего не поняла, Алинка.

– Но ты счастлива?

– До ужаса!

В конце октября по телевизору показали программу «Четвертая составляющая» из нового цикла «Гений разведки». Как ни убеждал Голубев продюсеров поменять название, объяснял, что героиня первой программы не хочет применительно к себе слышать слово «гений», но все было напрасно. Вопреки ожиданиям автора и героини, рейтинги оказались очень высокими.

Ия и Голубев смотрели программу у Марии Евграфовны в гостях.

– А все-таки я, пожалуй, заслужила такого звания – гений разведки! – усмехнулась Мария Евграфовна. – Черт возьми, редко кому при жизни удается о себе такое услышать...

– Вы чудовищно непоследовательны, дорогая Мария Евграфовна, – засмеялся Владислав Александрович, – сколько нервов я потратил в борьбе с продюсерами, чтобы этого названия не было... А теперь вы...

– Что поделаешь, женщины часто непоследовательны, голубчик Голубев! О, я теперь всегда буду вас так звать – голубчик Голубев. Иечка, вам нравится?

– Очень! Голубчик Голубев, – словно пробуя на вкус, повторила Ия.

– Только ты не вздумай так меня звать, – засмеялся он.

Тут у него зазвонил телефон и весь вечер звонил почти не переставая – первый эфир оказался на редкость удачным, и Голубев принимал поздравления, искренние и не очень. Дамы тем временем беседовали.

– Ия, деточка, как вам живется с ним? Непросто наверное?

– Я бы не сказала... Мне хорошо. У него чудесная мама. Она ко мне так тепло отнеслась, я даже от родной матери сроду такой заботы не видела, просто до слез... И отец очень славный, только немножко занудный, – ласково улыбнулась Ия.

– А сынишка?

– Чудесный парень! Сперва стеснялся меня, дичился, но один раз пришел с бабушкой ко мне в ателье, увидел всякие электронные машинки и так заинтересовался... Особенно ему вышивальная машинка понравилась.

– Выходит, вы счастливы, деточка?

– Кажется, да. Я ведь и мечтать о таком никогда не смела.

– Но есть какое-то «но»?

– Да нет, просто я боюсь, что в один прекрасный день ему станет со мной скучно.

– Чепуха! Когда ему скучать? Но я позволю себе дать вам один совет. Всегда интересуйтесь его делами, пусть он все вам рассказывает, а вы расспрашивайте его, вникайте, даже если это вам не слишком интересно. Ох, деточка, у меня с этой передачей все из головы вон, голова-то уже дырявая... Звонил Марк Борисович, сказал, что самое позднее во вторник вашего Чащина выпустят до суда под подписку о невыезде.

– Ох, как хорошо! Надо скорее позвонить Аньке.

– Да он уж сам ей позвонил. Ему страшно нравится эта парочка, хотя он, как теперь выражаются, положил глаз на вас, деточка.

– Да ну...

– Иечка, пока голубчик Голубев пожинает телефонные лавры, я задам

вам, возможно, бестактный вопрос: а что с вашим бывшим деверем?

Ия нахмурилась.

– Я не знаю, Мария Евграфовна. Он совсем пропал. Он же спасатель, а что творится на Дальнем Востоке, сами знаете. Он там. Последний раз звонил месяца два назад. Я пыталась ему дозвониться, что-то сказать... о себе, но не удалось.

– Да, если помните, я вам говорила, что он мужчина не для жизни, вольный казак...

– О чем тут шушукуются мои любимые дамы? – вернулся к ним Голубев. Он был радостно возбужден, весел, голубые глаза сияли.

– О чем шушукаемся? – лукаво переспросила Мария Евграфовна. – Разумеется, о мужиках!

Прошел еще месяц. Ия с Голубевым расписались и улетели в Израиль. Авива пригласила их в гости, у нее была отличная квартира на улице Моше Даяна в Тель-Авиве. Она накрыла стол, наготовила всяких вкусных вещей.

– Если б вы знали, как я рада, что вы приехали! Мы с Жирафой так давно дружим...

И я столько от нее о вас слышала, еще классе в седьмом!

– Авивка! – одернула подругу Ия.

– А ты думаешь, Владислав Александрович об этом не знал? Еще тогда? Ведь знали?

А, Владислав Александрович?

– Сам бы не догадался, мне Алина сказала, – засмеялся он.

– Авивка, а зачем тебе одной такая большая квартира? – решила перевести разговор Ия.

– Ну, на перспективу, меня еще рано списывать со счетов! – задорно засмеялась Авива.

А на другой день, это была пятница, Авива не работала, подружки встретились с глазу на глаз. Голубев отправился на встречу со старым знакомым из МОССАДа.

– Ой, Ийка, я тебя понимаю, он хорош и влюблен в тебя по уши. Да, между прочим, твоё платье имеет бешеный успех. Может, сошьешь еще одно?

– Не вопрос. А у тебя машинка-то есть?

– Есть.

– Тогда без проблем! А ткань?

– Пошли прямо сейчас, а то скоро все магазины закроются до завтрашнего вечера. Чего терять драгоценное время. А Голубев твой не

будет сердиться?

– Только обрадуется, у него тут полно дел... Слушай, а как Ашот?

– Сказал, что дает мне полгода, и если я не перееду к нему, женится на армянке, которую ему сватают родственники.

– А ведь может! – встревожилась Ия.

– Я понимаю. Но я, Ийка, не хочу отсюда уезжать. Тем более в Питер, я теплолюбивое растение, я там зачахну.

– Ох, Авивка, он такой золотой мужик...

– Так и меня не на помойке нашли... ладно, полгода у меня еще есть, а вдруг я передумаю, или он...

Эпилог

В середине января Ия подъехала к своему ателье на новенькой «тойоте». Голубев категорически запретил ей гонять на скутере и подарил машину. Она пожаловалась было свекрови, которая, как правило, всегда была на ее стороне, но тут, к удивлению Ии, поддержала сына.

– Он прав, детка. Гонять на мотоцикле, особенно зимой, особенно в Москве, очень опасно.

– Но на машине тоже опасно, и пешком опасно, и даже в метро всякое может случиться...

Ие было безумно жаль своего железного коня, но послушаться обожаемого мужа она не решалась.

И вот сейчас она возвращалась из магазина, где закупала фурнитуру для ателье. Делать это она никому не доверяла. Вытащив из багажника две громадные сумки, она подумала: да, на скутере я бы их не довезла, и теплая волна любви и благодарности мужу залила все внутри.

Навстречу ей выскочила Аня. Вид у нее был странный, словно бы испуганный.

– Наконец-то явилась! – прошептала она. – Тебя ждут!

– Кто? – испугалась вдруг Ия.

– Увидишь. Он в подсобке, кофе пьет.

И тут из подсобки вышел мужчина. Он так переменялся, что она не сразу его узнала.

– Господи, Миша, это ты?

Он исхудал и как-то словно почернел. Это был вконец измочаленный человек.

У Ии сердце замерло от жалости. Но при виде ее он вдруг улыбнулся прежней улыбкой.

– Ну, здравствуй, красавица! Не узнаешь? Ничего, это все поправимо, просто пришлось очень несладко, сама небось знаешь, что там творилось. А я еще и заразу какую-то подцепил, почти два месяца в госпитале провалялся. Ты прости, что не подавал вестей, чувствовал, что тебе это не больно надо. Вижу, замуж вышла, – он глазами показал на ее руку с обручальным кольцом. – Правильно, я в мужья-то не гожусь. Сейчас оклемаюсь маленько и опять подамся на Дальний Восток, прикипел я к тем местам.

А ведь готов был в Москве остаться... Вон как бывает. Обычно амур

людей сводит, а нас с тобой Амур-батюшка развел... И еще говорят – не разлей вода, а нас вода разлила... Вот так, Иечка. Ты только не думай, я на тебя не в обиде, зла не держу. Все правильно. Просто ты помни, что есть на свете человек, который тебя любит. Стоп, не говори ничего, и будь, пожалуйста, счастлива!

С этими словами он натянул куртку и вышел на крыльцо.

Ия потрясенно смотрела ему вслед, а в душе поднималось щемящее чувство невозвратимой потери...

notes

Примечания

1

Имеется в виду стихотворение Н. Гумилева.

Принятое в немецком языке выражение из трилогии Ф. Шиллера «Валленштейн».